

РУССКИЙ ЯЗЫК

в школе

2021. Т. 82. № 2

Какая цель у меня? Можно двумя путями подойти вот к этой цели, к этой общей мысли, которая связывает их, и первый путь я бы назвал интуитивным. Для некоторых он окажется наиболее убедительным, а для других, может быть, совершенно неубедительным. Значит, путь может быть такой. Представьте, что у вас в руках какая-то большая книга, антология русской поэзии XIX–XX века. Кто-то составил эту антологию, очевидно, человек со вкусом, отобрав самое лучшее, самое интересное, самое глубокое, самое творческое. И вы читаете стихотворения Батюшкова, потом Пушкина, потом Баратынского (так расположены они), Тютчева, Лермонтова, Аполлона Григорьева, Некрасова... И я думаю, что у некоторых, по крайней мере, читателей возникнет мысль, что вместе все эти произведения разных поэтов, расположенные примерно так, как они входили в русскую поэзию, в том же порядке хронологическом, – они составляют что-то вроде сверхпоэмы, какое-то эстетическое единство, что они сами образуют целостность эстетическую, что они есть какое-то коллективное произведение русских поэтов. Вот если такое чувство может появиться – представляете вы себе такую книгу и говорите: «Да, на самом деле это как-то и раньше было у меня чувство, что поэты составляют в своем творчестве какую-то эстетическую целостность», – вот тогда бы я на это сказал, что это полностью оправдывает те цели, которые я ставлю. Мне хочется понять, что объединяет творчество поэтов, причем объединяет динамически, а не статически: имеется в виду, что надо найти не то, что у них общее (ну общее найти нетрудно, они имеют черты общие: вот свои названия, ну, можно сказать, народность там, и прочие черты – все это может быть в центре внимания), но мне хочется понять, как идет создание вот этой сверхпоэмы, так что каждая следующая часть не похожа на предыдущую, а вместе с тем составляет какое-то внутреннее единство. Итак, цель, судя по этому интуитивному подходу, на который я обращаю ваше внимание, но не думаю, что он для всех так уж близок, – вот цель моя: понять те внутренние связи, которые существуют между творчеством разных поэтов и которые представляют собой нечто саморазвивающееся, поэзия при этом предстает как саморазвивающаяся сущность, внутренне целостная, внутренне единая и непрерывно движущаяся.

Если этот путь покажется неубедительным, то я могу идти рационалистическим путем, а именно: обратите-ка внимание, что литературоведы очень много занимаются вопросами влияний. Естественно, это тема, которая может привлекать внимание: один поэт влияет на другого, последующего. Но здесь тоже ведь хотят понять творчество нескольких поэтов как единство, но мне кажется, что, если влияние становится в центр внимания, при этом изучают не то, что движется в поэзии, а то, что неподвижно. Найдут у одного поэта несколько строчек, несколько тем, несколько образов, напоминающих творчество поэтов-предшественников, – и вот оказывается: Пушкин влиял на Баратынского, Пушкин влиял на Лермонтова, Лермонтов влиял на Некрасова... Да, влияния есть, но гораздо более важно, мне кажется, установить такую связь не относительно того, что передается просто механически от одного поэта к другому, а установить такую связь, которая показала бы именно изменчивость, внутреннее движение. Вы скажете: а разве так может быть, чтобы какая-то интеллектуальная сущность имела свои внутренние законы развития, так, чтобы творчество каждого поэта представляло какой-то итог, какую-то эпоху в развитии этой интеллектуальной сущности? Ну, тогда я бы привел вам такой пример, как язык в его основной самой форме, общенародный язык. Язык – это то, что развивается, это есть интеллектуальная сущность, которая развивается, законы развития языка сохраняются на протяжении многих социальных эпох. Так, закон Бодуэна де Куртенэ, касающийся развития фоники, – он действовал на протяжении, по крайней мере, десяти веков и, наверное, действует сейчас еще. Значит, есть такие внутренние законы, по которым развивается нечто интеллектуально ценное. Вот, наверное, они есть и у поэзии.

(Язык русской поэзии XVIII–XX веков: курс лекций / М. В. Панов; Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН. М.: Издательский дом ЯСК, 2017. С. 10–11)

Научно-методический журнал

РУССКИЙ ЯЗЫК

в школе

Основан в августе 1914 года

Выходит 6 раз в год

Том 82

2

2021

Главный редактор

Наталия Анатольевна Николина, канд. филол. наук, профессор, Московский педагогический государственный университет, г. Москва, Россия

Зам. главного редактора

Анастасия Евгеньевна Куманьева, канд. пед. наук, ООО «Наш язык», г. Москва, Россия

Редактор

Елена Александровна Фролова, канд. филол. наук, доцент, Московский педагогический государственный университет, г. Москва, Россия

Компьютерная верстка

К. В. Морозов

Переводчики

Ю. Г. Комиссарова, С. В. Ремизова

Редактор перевода

Н. Г. Попова

Корректор

Т. Ю. Смирнова

Редакционный совет

Харри Вальтер, д-р филол. наук, профессор, Институт славистики, Грайфсвальдский университет, г. Грайфсвальд, Германия

Алевтина Дмитриевна Дейкина, д-р пед. наук, профессор, Московский педагогический государственный университет, г. Москва, Россия

Александр Васильевич Зеленин, д-р филол. наук, лектор, Университет Тампере, г. Тампере, Финляндия

Светлана Вениаминовна Иванова, д-р филос. наук, канд. пед. наук, член-корреспондент РАО, профессор, научный руководитель, Институт стратегии развития образования, Российская академия образования, г. Москва, Россия

Леонид Петрович Крысин, д-р филол. наук, профессор, Институт русского языка им. В. В. Виноградова, Российская академия наук, г. Москва, Россия

Резеда Фаилевна Мухаметшина, д-р пед. наук, профессор, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Борис Юстинович Норман, д-р филол. наук, профессор, Белорусский государственный университет, г. Минск, Республика Беларусь

Сергей Саядович Оганесян, д-р пед. наук, профессор, государственный советник РФ 1-го класса, Научно-исследовательский институт ФСИН России, г. Москва, Россия

Ильдико Палоши, PhD, старший преподаватель, Университет им. Этвеша Лоранда, г. Будапешт, Венгрия

Марина Николаевна Приемышева, д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник, заместитель директора, Институт лингвистических исследований, Российская академия наук, г. Санкт-Петербург, Россия

Бранко Тошевич, профессор, Грацский университет им. Карла и Франца, г. Грац, Австрийская Республика

Стелла Наумовна Цейтлин, д-р филол. наук, профессор, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия

Редакционная коллегия

Любовь Геннадьевна Антонова, д-р пед. наук, профессор, Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, г. Ярославль, Россия

Борис Геннадьевич Бобылев, д-р пед. наук, канд. филол. наук, профессор, г. Орел, Россия

Нина Сергеевна Болотнова, д-р филол. наук, профессор, Томский государственный педагогический университет, г. Томск, Россия

Юлия Николаевна Гостева, канд. пед. наук, старший научный сотрудник, Институт стратегии развития образования, Российская академия образования, г. Москва, Россия

Ирина Нургаиновна Добротина, канд. пед. наук, научный сотрудник, Институт стратегии развития образования, Российская академия образования, г. Москва, Россия

Ольга Евгеньевна Дроздова, д-р пед. наук, доцент, Московский педагогический государственный университет, г. Москва, Россия

Елена Ленвладовна Ерохина, д-р пед. наук, профессор, Московский педагогический государственный университет, г. Москва, Россия

Людмила Геннадьевна Ларионова, д-р пед. наук, профессор, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Светлана Васильевна Науменко, канд. филол. наук, доцент, Канский педагогический колледж, г. Канск, Красноярский край, Россия

Олег Викторович Никитин, д-р филол. наук, профессор, Московский государственный областной университет, г. Москва, Россия

Наталья Викторовна Патроева, д-р филол. наук, профессор, Петрозаводский государственный университет, г. Петрозаводск, Россия

Татьяна Михайловна Пахнова, канд. пед. наук, профессор, Московский педагогический государственный университет, г. Москва, Россия

Владимир Маркович Пахомов, канд. филол. наук, главный редактор, справочно-информационный интернет-портал «Грамота.ру»; научный сотрудник, Институт русского языка им. В. В. Виноградова, Российская академия наук, г. Москва, Россия

Екатерина Витальевна Пересветова, канд. пед. наук, учитель, школа № 1522 им. В. И. Чурина, г. Москва, Россия

Вера Анатольевна Пищальникова, д-р филол. наук, профессор, Московский государственный лингвистический университет, г. Москва, Россия

Марина Робертовна Шумарина, д-р филол. наук, доцент, Балашовский институт, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского, г. Балашов, Россия

Наименование органа, зарегистрировавшего издание	Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (свидетельство ПИ № ФС77-80108 от 31 декабря 2020 г.)
ISSN	0131–6141 (Print) 2619–0966 (Online)
Учредитель и издатель	ООО «Наш язык»
Адрес учредителя и издателя	Большая Андроньевская ул., д. 17, г. Москва, 109544, Россия; телефон: 8 (495) 671-09-85; сайт: https://www.riash.ru/ ; e-mail: admin@riash.ru
Типография	АО «Первая Образцовая типография», филиал «Чеховский Печатный Двор», ул. Полиграфистов, д. 1, г. Чехов, Московская область, 142300, Россия
Подписано в печать	28.02.2020
Формат	70x100 ¹ / ₁₆
Бумага	офсетная
Печ. л.	8
Тираж	440 экз.
Заказ	
Подписка и распространение	Журнал распространяется по подписке. Цена свободная. Оформить подписку можно через подписные агентства: «Почта России» (индекс П3896), «УралПресс» (индекс 73334), «Прессинформ», «Информ-система», «Информнаука», ООО «ИВИС». Приобрести электронную версию журнала можно на сайте: https://www.riash.ru/ . Журнал «Русский язык в школе» входит в «Перечень рецензируемых научных изданий...» ВАК РФ по специальностям: 10.02.01 — Русский язык (филологические науки), 13.00.02 — Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования) (педагогические науки) (http://vak.ed.gov.ru/87). Журнал зарегистрирован в базе данных Российского индекса научного цитирования. Журнал «Русский язык в школе» индексируется в 16 российских и международных базах данных, в том числе ERIHPLUS, WorldCat и GoogleScholar. Издание охраняется Законом РФ «Об авторском праве и смежных правах» от 09.07.1993 № 5351-1. Любое воспроизведение материалов, размещенных в журнале, запрещается.

The scientific and methodological journal

RUSSIAN LANGUAGE

at school

Founded in august 1914
6 issues per year

Vol. 82

2

2021

Chief Editor

Natalia A. Nikolina, Cand. of Sci. (Philol.), Professor, Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia

Deputy Chief Editor

Anastasia E. Kumanyaeva, Cand. of Sci. (Ped.), Company «Our Language», Moscow, Russia

Editor

Elena A. Frolova, Cand. of Sci. (Philol.), Associate Professor, Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia

Computer Layout

Kirill V. Morozov

Translators

Yulia G. Komissarova, Svetlana V. Remizova

Translation Editor

Natalia G. Popova

Corrector

Tatiana Yu. Smirnova

Editor Council

Harry Walter, Dr. of Sci. (Philol.), Professor, Institute of Slavic Studies, University of Greifswald, Greifswald, Germany

Alevtina D. Deikina, Dr. of Sci. (Ped.), Professor, Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia

Aleksandr V. Zelenin, Dr. of Sci. (Philol.), Lecturer, Tampere University, Tampere, Finland

Svetlana V. Ivanova, Dr. of Sci. (Philos.), Cand. of Sci. (Ped.), Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Professor, Scientific Director, Institute for Strategy of Education Development, Russian Academy of Education, Moscow, Russia

Leonid P. Krysin, Dr. of Sci. (Philol.), Professor, Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Reseda F. Mukhametshina, Dr. of Sci. (Ped.), Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Boris Yu. Norman, Dr. of Sci. (Philol.), Professor, Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus

Sergei S. Oganessian, Dr. of Sci. (Ped.), Professor, State Councillor of the Russian Federation of the First Rank, Research Institute of the Federal Penitentiary Service, Moscow, Russia

Ildikó Pálosi, PhD, Senior Lecturer, Eötvös Loránd University, Budapest, Hungary

Marina N. Priemysheva, Dr. of Sci. (Philol.), Leading Research Associate, Deputy Director, Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, Saint-Petersburg, Russia

Branko Toshevich, Professor, University of Graz, Graz, Republic of Austria

Stella N. Tseitlin, Dr. of Sci. (Philol.), Professor, Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint-Petersburg, Russia

Editorial Board

Lyubov G. Antonova, Dr. of Sci. (Ped.), Professor, Yaroslavl Demidov State University, Yaroslavl, Russia

Boris G. Bobylev, Dr. of Sci. (Ped.), Cand. of Sci. (Philol.), Professor, Oryol, Russia

Nina S. Bolotnova, Dr. of Sci. (Philol.), Professor, Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russia

Yuliya N. Gosteva, Cand. of Sci. (Ped.), Senior Research Associate, Institute for Strategy of Education Development, Russian Academy of Education, Moscow, Russia

Irina N. Dobrotina, Cand. of Sci. (Ped.), Researcher Fellow, Institute for Strategy of Education Development, Russian Academy of Education, Moscow, Russia

Olga E. Drozdova, Dr. of Sci. (Ped.), Associate Professor, Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia

Elena L. Erokhina, Dr. of Sci. (Ped.), Professor, Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia

Lyudmila G. Larionova, Dr. of Sci. (Ped.), Professor, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Svetlana V. Naumenko, Cand. of Sci. (Philol.), Associate Professor, Kansk Pedagogical College, Kansk, Krasnoyarsk region, Russia

Oleg V. Nikitin, Dr. of Sci. (Philol.), Professor, Moscow Region State University, Moscow, Russia

Natalia V. Patroeva, Dr. of Sci. (Philol.), Professor, Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia

Tatyana M. Pakhnova, Cand. of Sci. (Ped.),

Professor, Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia

Vladimir M. Pakhomov, Cand. of Sci. (Philol.), Chief Editor, Reference and Information Internet-portal «Gramota.ru»; Researcher Fellow, Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Ekaterina V. Peresvetova, Cand. of Sci. (Ped.), Teacher, School No. 1522 named after V. I. Churkin, Moscow, Russia

Vera A. Pishchalnikova, Dr. of Sci. (Philol.), Professor, Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

Marina R. Shumarina, Dr. of Sci. (Philol.), Associate Professor, Balashov Institute, Saratov State University, Balashov, Russia

Name of the body that registered the edition

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technologies and Mass Communications (certificate of 31.12.2020 PI No. FS77-80108)

ISSN

0131–6141 (Print)
2619–0966 (Online)

Founder and publisher

Company «Our Language»

Postal address founder and publisher

17 Bolshaya Andronevskaya str., Moscow, 109544, Russia; telephone: 8 (495) 671-09-85; site: <https://www.riash.ru/>; e-mail: admin@riash.ru

Printing house

JSC «First Exemplary printing house», branch of «Chekhov Printing House», 1 Poligrafistov str., Chekhov, Moscow region, 142300, Russia

Signed for printing

28.02.2020

Format

70x100¹/₁₆

Paper

offset

Printed sheet

8

Edition

440 ex.

Ordering

Subscription and distribution

The journal is distributed by subscription. Free price. A subscription can be entered through the following subscription agencies: Russian Post (index P3896), UralPress (index 73334), Pressinform, Inform-system, Informnauka, IVIS LLC. The electronic version of the journal can be purchased at <https://www.riash.ru/>. The journal is included in the List of Peer-Reviewed Scientific Journals of the RF Higher Attestation Commission in the categories: 10.02.01 – Russian language (Philological sciences); 13.00.02 – Theory and methods of teaching and upbringing (by areas and levels of education) (Pedagogical sciences) (<http://vak.ed.gov.ru/87>). The journal is registered in the Russian Science Citation Index and 16 Russian and international databases, including ERIH-PLUS, WorldCat and GoogleScholar. The content is protected by the RF Law On Copyright and Neighbouring Rights of 09.07.1993 No. 5351-1. Any reproduction of materials published in the journal is prohibited.

СОДЕРЖАНИЕ

МЕТОДИКА И ОПЫТ

<i>Шутан М. И.</i> О видах анализа художественного текста на уроках русского языка ...	7
<i>Полякова Н. П.</i> Специфика совершенствования профессиональных компетенций учителей в вопросах подготовки обучающихся с ограниченными возможностями здоровья к итоговому собеседованию по русскому языку	16

МЕТОДИЧЕСКАЯ ПОЧТА

<i>Сулниченко В. Н.</i> Алгоритмический подход к изучению морфологических норм имен прилагательных в VI классе. Часть II. Нормы образования грамматических форм качественных прилагательных	22
---	----

АНАЛИЗ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

<i>Черникова Н. В., Подольская А. А.</i> Лексическая репрезентация концепта «Честь» в произведениях А. Т. Твардовского о войне	29
<i>Иванова В. Я.</i> Маятник времени в повести Валентина Распутина «Живи и помни»	36
<i>Колокольцева Т. Н.</i> Тема творчества в лирике А. А. Вознесенского (на материале стихотворения «Скульптор свечей»)	43

Загадки текста

<i>Храмушина О. С.</i> О звуковых трансформациях слов в современной русской поэзии	49
--	----

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

<i>Маркина Л. В.</i> Гендерные диалектные стереотипы: национальные стандарты мужской красоты	57
--	----

Язык и культура

<i>Зеленин А. В., Иванова Н. Л.</i> Кто я? (Личное имя как инструмент самоидентификации русскоязычных детей-билингвов)	66
--	----

Проблемы русской орфографии

<i>Бешенкова Е. В.</i> Приставки <i>пре-</i> и <i>при-</i> : лингвистические факторы, критерии кодификации и современная редакция правила (из материалов академического описания русской орфографии)	76
--	----

ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ НАСЛЕДСТВО

<i>Жуков А. В.</i> Через версты войны к истинам русской речи (к 100-летию со дня рождения В. П. Жукова)	85
<i>Волошина О. А.</i> Поэзия науки и наука поэзии (о научном и поэтическом наследии М. В. Панова)	90

ХРОНИКА

<i>Никифорова О. В.</i> С любовью к слову (Юбилей профессора Людмилы Алексеевны Климковой)	100
<i>Турчаненко В. В., Самойлова В. А.</i> VII Международный педагогический форум «Язык, общество, человек»	101
Генриетта Григорьевна Граник (1928–2021)	102
Тамара Константиновна Донская (1931–2020)	103
Татьяна Александровна Боброва (1944–2020)	104

CONTENT

METHODOLOGY AND EXPERIENCE

<i>Shutan M. I.</i> On the Types of Analysis of Literary Text in Russian Language Lessons	7
<i>Polyakova N. P.</i> Specifics of Improving the Professional Competencies of Teachers in the Following Areas of Preparing Students with Disabilities for the Final Interview in the Russian Language	16

METHODOLOGICAL MAIL

<i>Sulnichenko V. N.</i> Algorithmic Approach to the Study of Morphological Norms of Adjectives in the 6th Form. Part 2. Norms of the Formation of Grammatical Forms of Qualitative Adjectives	22
--	----

LITERARY TEXT ANALYSIS

<i>Chernikova N. V., Podolskaya A. A.</i> Lexical Representation of the Concept "Honor" (<i>Chest'</i>) in A. T. Tvardovsky's Works about the War	29
<i>Ivanova V. Ya.</i> Pendulum of Time in Valentin Rasputin's Novel "Live and Remember" ("Zhivi i Pomni")	36
<i>Kolokoltseva T. N.</i> The Theme of Creativity in the Lyrics of A. A. Voznesensky (on the Poem "Candle Sculptor" ("Skul'ptor Svechei"))	43

Text Secrets

<i>Khramushina O. S.</i> About Phonetic Transformations of Words in Modern Russian Poetry	49
---	----

LINGUISTIC NOTES

<i>Markina L. V.</i> Gender Dialect Stereotypes: National Standards of Male Beauty	57
--	----

Language and Culture

<i>Zelenin A. V., Ivanova N. L.</i> Who am I? (Personal Name as a Tool for Self-identification of Russian-speaking Bilingual Children)	66
--	----

The Problems of Russian Spelling

<i>Beshenkova E. V.</i> Prefixes <i>pre-</i> and <i>pri-</i> : Linguistic Factors, Codification Criteria and Modern Edition of the Rule (from Materials of the Academic Description of Russian Spelling)	76
---	----

LINGUISTIC HERITAGE

<i>Zhukov A. V.</i> Through War Miles to the Truths of Russian Speech (to the 100th Anniversary of the Birth of V. P. Zhukov)	85
<i>Voloshina O. A.</i> The Poetry of Science and the Science of Poetry (about the Scientific and Poetic Heritage of M. V. Panov)	90

CHRONICLE

<i>Nikiforova O. V.</i> With Love to the Word (Anniversary of Professor Lyudmila Alekseevna Klimkova)	100
<i>Turchanenko V. V., Samoilova B. A.</i> 7th International Pedagogical Forum "Language, Society, Human"	101
Henrietta Grigorievna Granik (1928–2021) 	102
Tamara Konstantinovna Donskaya (1931–2020) 	103
Tatiana Alexandrovna Bobrova (1944–2020) 	104

МЕТОДИКА И ОПЫТ

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 372.881.161.1

DOI: 10.30515/0131-6141-2021-82-2-7-15

О видах анализа художественного текста на уроках русского языка

Мстислав Исаакович Шутан

Нижегородский институт развития образования, г. Нижний Новгород, Россия, mshutan@mail.ru

Аннотация. Цель статьи – исследовать и охарактеризовать виды анализа художественного текста на уроках русского языка, опираясь на научный и практический опыт методик преподавания русского языка и литературы в школе. Первый вид анализа представляет собой сочетание заданий, направленных на понимание содержания произведения как явления искусства и на выявление его структурных особенностей, что актуализирует методические принципы школьного преподавания литературы. Эта модель включает также лингвистические задания, охватывающие различные уровни языковой системы. Такой анализ может быть назван комплексным. Ко второму виду анализа следует отнести сфокусированный анализ, организованный в рамках работы с концептом. Главная цель деятельности школьников в этом случае – выявление смыслов, т. е. заместителей того или иного лексического значения слова-концепта. Охарактеризованные в статье виды анализа помогают школьникам осознать художественный текст в его смысловой цельности.

Ключевые слова: художественный текст, художественная речь, комплексный анализ, концепт, лексическое значение, смысл, функциональные стили языка, аксиологический текстоцентризм

Для цитирования: Шутан М. И. О видах анализа художественного текста на уроках русского языка // Русский язык в школе. 2021. Т. 82, № 2. С. 7–15. DOI: 10.30515/0131-6141-2021-82-2-7-15.

ORIGINAL RESEARCH ARTICLE

On the types of analysis of literary text in Russian language lessons

Mstislav I. Shutan

Nizhny Novgorod Institute for the Development of Education, Nizhny Novgorod, Russia, mshutan@mail.ru

Abstract. This article aims to investigate and characterise types of literary text analysis in Russian language lessons by reviewing the scientific and practical experience accumulated in the methodology of teaching the Russian language and literature at school. The first type of analysis is a combination of assignments aimed at both understanding the content of a literary work as an art phenomenon and identifying its structural features, which actualizes the methodological principles of school literature teaching. This model also includes linguistic-stylistic assignments covering various levels of the language system. Such an analysis can be called complex. The second type involves focused analysis organized within the framework of working with a linguistic concept. The main purpose of students in this case is to identify meanings, i.e., substitutes for the lexical meaning of a concept word. The types of analysis described in this article can be used to help students understand the literary text in its semantic integrity.

Keywords: literary text, literary speech, complex analysis, concept, lexical meaning, meaning, functional styles of language, axiological textocentrism

For citation: Shutan M. I. On the types of analysis of literary text in Russian language lessons. *Russkii yazyk v shkole = Russian language at school*. 2021. Vol. 82, No. 2. P. 7–15. DOI: 10.30515/0131-6141-2021-82-2-7-15. (In Russ.).

Введение. Цель статьи — исследовать и охарактеризовать виды анализа художественного текста на уроках русского языка, опираясь на научный и практический опыт методик преподавания русского языка и литературы в школе.

Прежде всего отметим, что в статье слово *текст* используется в двух значениях. Во-первых, употребляя этот термин, мы имеем в виду «последовательность отдельных знаков (слов), соединенных по правилам синтагматики» [Лотман 1972: 113–114]. В таком случае возможно употребление словосочетаний «текст предложения», «текст абзаца», «текст романа» и т. п. Но текст следует рассматривать и как последовательность осмысленных высказываний, объединенных общей темой. Необходимые его свойства — связность и цельность. При этом «семантика целого текста характеризуется прежде всего непосредственной соотносительностью с реальной внеязыковой действительностью, ситуативной привязанностью и несводимостью общего смысла текста к значениям элементов текста»¹. В этом случае текст является синтаксической единицей языка, в качестве которой он и рассматривается в школе.

Как соотносится с терминами *предложение* и *текст* термин *высказывание*? По мнению Б. Н. Головина, «отношения между предложением и высказыванием — это отношения между инвариантом и вариантами» [Головин 1994: 84]. Но термин *высказывание* употребляется и в более широком смысле применительно к любому речевому акту: от неполного предложения в рамках диалогической ситуации до текста. Как отмечал М. М. Бахтин, «завершенная целостность высказывания определяется его предметно-смысловой исчерпанностью, в творческих сферах относительной; речевым замыслом или речевой волей говорящего; типическими композиционно-жанровыми формами завершения» [Бахтин 1979: 255].

Нельзя не согласиться со следующим утверждением В. В. Виноградова: «При исследовании художественной речи очень остро и своеобразно выступает проблема единства произведения,

того образно-семантического контекста, в котором функционируют, устанавливаются и дифференцируются все другие основные единицы художественного выражения» [Виноградов 1971: 11]. Несомненно, вычленение в литературном произведении таких основных элементов, как идейно-тематический строй, образная система, композиционная связь и динамика структурных частей, законы речевых соотношений, сцеплений и выражений, сопровождающееся учетом особенностей жанра и художественного метода [Там же: 17], способствует истолкованию произведения как целостной структуры.

Актуальным следует назвать и вопрос о том, как в рамках аналитико-интерпретационной процедуры выявление тех или иных языковых (речевых) особенностей художественного текста соотносится с его содержанием. Например, Е. Ю. Геймбух, рассматривая тургеневское стихотворение в прозе «Деревня», показывает специфику абстрактного настоящего времени у глаголов несовершенного вида следующим образом: «...усиливается ощущение, что изображенная гармония в мире — это не столько мгновенное его состояние, сколько постоянное качество (этот вывод подкрепляется финальными восклицаниями)» [Геймбух 2018: 39]. Как мы видим, внимание к морфологической особенности художественного текста создает надежную основу для обобщения философского характера.

На уроках русского языка реализуются различные стратегии анализа художественного текста:

1) лингвосмысловая, основанная на выделении доминантных языковых средств и композиционных приемов и выявлении их функций в раскрытии содержания текста;

2) герменевтическая, нацеленная прежде всего на работу с подтекстом, с внутренними смыслами;

3) аксиологическая, актуализирующая этические и эстетические приоритеты национальной культуры;

4) стратегия комплексной работы с текстом.

Подробнее остановимся на двух последних подходах к анализу текста.

Концепция аксиологического текстоцентризма сформулирована А. Д. Дейкиной, по мнению которой «через диалог с учащимися

¹ Литературная энциклопедия терминов и понятий / гл. ред. и сост. А. Н. Николюкин. М., 2003. Стб. 1063.

на основе специально отобранных текстов следует привлечь внимание школьников к особенностям национальной культуры и ее роли в жизни каждого индивида» [Дейкина 2007: 122]. При этом особую значимость ученый придает работе с художественными текстами выдающихся отечественных писателей и поэтов. Данная методика «направлена на формирование умений понимать, интерпретировать и оценивать текст, воспринимать его в целостности авторской позиции, отобранных языковых средств, стиливой и речеведческой дифференциации» [Левушкина 2019: 14].

В систему комплексной работы с текстом, предлагаемой Т. М. Пахновой, входят задания к тексту как к целостной структуре (объясните смысл названия; найдите ключевые слова; докажите, что текст художественного или публицистического стиля; найдите утверждение, не соответствующее содержанию текста), к которым добавляются задания, адресующие школьников к различным уровням языковой системы (выпишите несколько слов, которые можно назвать оценочной лексикой; подчеркните синонимы и антонимы к приведенным ниже словам; объясните значение фразеологизма; замените словосочетание синонимичным словосочетанием с другим видом подчинительной связи; запишите предложение, соответствующее приведенной ниже схеме; составьте схему; укажите слова, не являющиеся основой предложения; объясните орфограммы и пунктограммы). На завершающем этапе деятельности учащиеся выполняют творческое задание, чаще всего тематически связанное с исходным текстом (подготовьте выразительное чтение; прокомментируйте в сочинении-рассуждении, как вы понимаете последнее предложение) [Пахнова 2018: 28–31].

Комплексная работа с художественным текстом выполняет следующие функции: 1) ориентирует школьников на понимание текста и на осознание роли средств языка и речи в передаче его содержания; 2) создает основу для выполнения творческой работы; 3) обеспечивает повторение лингвистического материала, изученного в V–IX классах (виды разбора, имеющие отношение к различным уровням языковой системы; составление и характеристика

синтаксических схем; орфографический и пунктуационный анализ и т. п.)².

Результаты. Не отрицая значимости охарактеризованных выше подходов к анализу художественного текста, предложим следующие модели:

1) комплексная модель, основанная на сочетании методик преподавания литературы («вслед за автором») и русского языка;

2) концептуальная модель, которая нацелена на постижение смыслов слова-концепта с терминологическим значением, имеющим отношение к лингвистике;

3) модель, предполагающая внимание к функционированию элементов языкового стиля в художественном тексте.

I. Подробнее охарактеризуем модель, основанную на сочетании методик преподавания литературы и русского языка. В этой модели определяющая роль обнаруживается у заданий, направленных на понимание содержания произведения как явления искусства и на выявление его структурных особенностей. Задания же лингвистической направленности, охватывающие по возможности различные уровни языковой системы, становятся «спутниками» заданий первого типа. В этом случае методически целесообразен путь постижения художественного текста «вслед за автором», в связи с чем не должна удивлять следующая особенность учебного занятия: на различных этапах своей когнитивной деятельности школьники могут обращаться к одному и тому же уровню языковой системы или средству речевой выразительности.

Ниже представлен фрагмент из романа современного писателя Е. Г. Водолазкина «Авиатор», данный в сокращении:

Река выбрасывала мне навстречу изгиб за изгибом, и все не кончалась, и все выше поднимались над ней красные утесы. Я шел, и чувство обладания этой прекрасной землей переполняло меня. Непредсказуемость Оредежи, свежесть ее ветра, колыханье трав у воды — все это принадлежало мне одному. Я обходил свои владения, которые (стук дятла по сосне) прекрасно знали, что никто ими больше не владеет, что

² Русский язык и литература. Русский язык. 10 класс. Базовый уровень / Т. М. Пахнова. М.: ДРОФА, корпорация «Российский учебник», 2019.

власть моя весьма условна. На всю реку и на все леса я был один, и ничто им с моей стороны не могло угрожать. Я же устраивал им смотр и проходил мимо них, как проходит командующий на параде — неестественно вывернув голову, временами останавливаясь и приветствуя. Что-то откликалось мне — махало ветками, свистело, каркало, а что-то и не откликалось, оставалось даже не замеченным мной.

Над рекой все еще стояли дома, только теперь они были безнадежно пусты. Эти дома уже обвивались вьюном, прорастали травами и деревьями, становясь частью природы. Крыши их ветшали на глазах, прогибались и вот-вот готовы были провалиться. Незакрытые их двери то и дело скрипели на ветру. Сквозняки шевелили на окнах полуистлевшие занавески.

Я чувствовал, как внутри меня стал расти ужас, и это был ужас одиночества. Берег вновь стал опускаться. Внизу я заметил мостик через реку и бросился к нему. Под моими ногами гул-ко застучали доски. Они колебались и бились друг о друга, отдавая эхом. Их шум продолжался и тогда, когда я уже был на берегу, словно невидимая армия природы преследовала меня как последнее не принадлежащее ей создание. Я перешел на бег (не от страха — от тоски) и помчался через лес к дому. Невыносимо было представить, что и дома меня никто не ждет. Большой мир мог прийти к концу, но это был бы еще не полный конец. Я все-таки не терял надежды, что мой малый, семейный мир устоял. Я бежал и плакал, и чувствовал, как мои слезы скатывались по щекам, как от плача сбивалось дыхание.

Когда я приблизился к дому, начинало темнеть. В светящемся электрическим светом окне я увидел папу. Он сидел в своей любимой позе, положив ногу на ногу, замкнув руки на затылке. Большими пальцами массировал шею. Мама наливала из самовара кипяток. Под огромным желтым абажуром все это казалось ненастоящим. Казалось старой фотографией — оттого, может быть, что происходило беззвучно. Но отцовские пальцы на шее вполне явственно двигались, а кипяток из самовара тек, и от него поднимался пар. Не хватало лишь сказанного слова.

Мама подняла голову. Произнесла:

— Ну, вот ты и пришел, дружок.

Папа поймал мою руку и легко ее пожал.

Какое это было счастье. Такого счастья больше не помню.

Вопросы и задания к тексту

1. От какого лица организовано повествование? Какое влияние это оказывает на восприятие художественного текста?

2. Каким вы представляете природное пространство, читая первый абзац текста? Покажите роль обобщающего слова и однородных членов, стоящих при нем. Какова роль однородных придаточных?

3. С кем себя сравнивает герой произведения и почему? Обоснуйте содержанием текста употребление однородных обстоятельств, выраженных деепричастными оборотами и одиночным деепричастием. Как природа реагирует на героя?

4. Какие детали описания домов вам кажутся наиболее важными и почему? Во втором предложении второго абзаца активно употребляются имена существительные в форме творительного падежа. Чем вы это объясните?

5. Какое предложение во втором абзаце выражает философский смысл? Обоснуйте свой выбор.

6. Прочитайте выразительно последнее предложение второго абзаца. Какие звуковые средства речевой выразительности встречаются в нем и какую они создают атмосферу?

7. Какова роль первого предложения в третьем абзаце? Раскройте роль придаточного и вставной конструкции в раскрытии психологического состояния героя. Обоснуйте употребление однородных членов и однородных придаточных с повторяющимися союзами и союзными словами в последнем предложении этого абзаца.

8. Почему то, что увидел герой, приблизившись к дому, показалось ему старой фотографией? Обоснуйте использование автором глаголов несовершенного вида.

9. Найдите в заключительной части повествования слово с уменьшительно-ласкательным суффиксом. Подберите к нему контекстуальные синонимы. Обоснуйте выбор слова автором.

10. Обоснуйте повтор слова *счастье* в конце повествования. Как изменится ваше восприятие текста, если он завершится многоточием?

11. Обозначьте при помощи опорных слов или словосочетаний психологические состояния героя. Можно ли эти состояния назвать контрастными? Докажите на примере текста справедливость следующего тезиса: «Характер передвижения человека в пространстве раскрывает его психологическое состояние».

12. Можно ли озаглавить текст словосочетанием «Ужас одиночества»? Аргументируйте свою позицию. Если вы не согласны с этим вариантом заголовка, то предложите свой вариант.

13. Подготовьте выразительное чтение текста.

14. Знакомы ли вам психологические состояния, испытанные героем произведения? Напишите сочинение в художественном стиле на одну из тем («Такого счастья больше не помню», «Какое это было счастье», «Не хватало лишь сказанного слова»).

В процессе анализа предложенного текста учащиеся выполняют лингвостилистические задания разных типов, обращая внимание на звуковые средства речевой выразительности (6), на словообразование и лексику (9), морфологию (1, 4, 8), синтаксис, в том числе и поэтический (2–4, 10), пунктуацию (10). Кроме того, некоторые задания предполагают стилистический эксперимент (9, 10). Выполнение школьниками заданий этой группы позволяет им углубить представление о содержании произведения, в котором раскрывается и психологический мир человека (причем в центре внимания и внешнее выражение реакций героя на реалии окружающей его действительности), и состояние природы, неизбежно поглощающей разрушающие результаты человеческой деятельности. Обобщение же состоит из двух этапов: составление плана и озаглавливание текста с последующей защитой своего варианта. Художественно-творческая деятельность школьников как результат деятельности аналитической (а это соответствует подходам А. Д. Дейкиной и Т. М. Пахновой) проявляется и в выразительном чтении, и в написании сочинения в художественном стиле на тему, близкую к содержанию исходного текста.

Подробнее остановимся на морфологическом задании из пункта 8 для того, чтобы показать, как внимание к морфологической особенности художественного текста создает надежную основу для понимания содержания произведения. В описании дома действительно активно употребляются глаголы несовершенного вида в форме прошедшего времени (*сидел, масировал, наливал, происходило, двигалось, тёк, поднимался*). Однако особенно важен

глагол *казалось* с теми же морфологическими характеристиками, передающий «импрессионистическую» оценку происходящего и входящий в структуру двух составных именных сказуемых (*казалось ненастоящим, казалось фотографией*). Как известно, глаголы несовершенного вида не фиксируют границы действия — и именно это принципиально важно в нашем случае, так как речь в абзаце идет о постоянно совершающихся гармоничных действиях людей и реалиях предметного мира (кажется, что время остановилось). И не удивляет, что их можно зафиксировать фотокадром. Ассоциация же с фотографией — приметой домашнего быта, уюта — передает восприятие картины субъектом речи, а ему так дорога, так близка эта пространственная сфера, оказавшаяся для него спасительной в критической жизненной ситуации.

II. Анализ художественного текста может проводиться в рамках работы с концептом. Существуют разные модели такой работы [Мишатина 2020: 10–13], мы остановимся на одной из них. Во-первых, речь идет о концепте с терминологическим значением, имеющим отношение к лингвистике. Во-вторых, деятельность школьников охватывает различные уровни языковой системы. В-третьих, осмысление художественного текста позволяет школьникам перейти от лексических значений слова-концепта к смыслу, конкретизирующему одно из них.

Кратко охарактеризуем работу с концептом «Цель». У слова *цель* четыре лексических значения («объект для попадания при стрельбе и метании»; «заранее намеченный пункт следования»; «то, к чему стремятся, чего хотят достичь, главная задача»; «намерение, желание»³). В центре внимания на уроке оказывается третье лексическое значение слова, у которого обнаруживается семантический оттенок, имеющий отношение к русской грамматике.

Учащиеся подбирают синонимы к слову *цель* в этом лексическом значении, акцентируя внимание на семантических оттенках (назначение, задача, замысел, идеал, мечта, ориентир, самоцель и др.), после чего работают со словообразовательным

³ Современный толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб., 2006. С. 914.

гнездом, анализируя слова, в которых присутствует интересующая их сема (*целевой, бесцельный, бесцельно, бесцельность*).

Следующий этап деятельности – разграничение значений цели и причины у слов, относящихся к разным частям речи:

в насмешку, в шутку, нарочно, на смех, невзначай, умышленно – оттого, поневоле, потому, почему, сгоряча, сдуру, со зла, сослепу, просто (наречие);

на, для, за – от, ради, с, за, из-за, в силу, по случаю, благодаря, ввиду, вследствие, по причине (предлог);

чтобы, для того чтобы, затем чтобы, дабы, лишь бы, только бы – потому что, оттого что, так как, ибо, благодаря тому что, вследствие того что (союз).

При выполнении этого задания актуализируются такие единицы языка, как словосочетание и предложение (простое и сложноподчиненное). Значимым оказывается и разграничение обстоятельств цели и причины, придаточных цели и причины, придаточных цели и образа действия или степени с дополнительным значением цели.

После рассмотрения лексического и грамматического значений цели переходим к анализу фрагмента из романа М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени», выявляя нравственно-философский и психологический смысл концепта (имеется в виду фрагмент из «Княжны Мери», начинающийся фразой *Пробегаю в памяти все мое прошедшее и спрашиваю себя невольно: зачем я жил? для какой цели я родился?..*).

Система вопросов и заданий

1. Почему именно сейчас Печорин задумался о своей жизни, о цели, для которой родился?

2. О каком назначении своей жизни размышляет Печорин? Обоснуйте нагнетание противительных союзов в первой половине абзаца.

3. Какой смысл приобретают такие образы, как «топор в руках судьбы», «орудье казни», «томимый голодом»? Обоснуйте многоточие и восклицательный знак в конце абзаца.

4. Как Печорина оценивает его окружение? Найдите во втором абзаце антонимы и обоснуйте их употребление автором.

5. Каким смыслом наполняется слово *цель* в размышлениях Печорина?

Соотнесите с лермонтовским текстом следующие афоризмы:

У кого нет цели, тот не находит радости ни в каком занятии. (Д. Леопа́рди); Ум, не имеющий никакой определенной цели, теряется; быть везде – значит быть нигде. (М. Монтенъ); Цель жизни не в том, чтобы стяжать себе бессмертную славу.. Она в том, чтобы превращать каждый день в маленькую вечность. (А. Моруа)⁴.

6. Как бы отнесся Печорин к следующему афоризму: «Никакая цель не высока настолько, чтобы оправдывала недостойные средства для ее достижения» (А. Эйнштейн)? Почему вы так считаете? Раскройте свое отношение к этому высказыванию.

В результате работы с лермонтовским текстом и афоризмами в сознании школьников слово-концепт «Цель» соотносится со словосочетаниями *смысл жизни, жизненный путь, маленькая вечность, средства достижения цели*, что позволяет говорить о смыслах, замещающих третье лексическое значение слова.

III. В центре внимания школьников во время анализа художественного текста могут быть элементы публицистического, официально-делового, научного, разговорного стилей, органично вошедшие в его структуру. При этом следует отметить два этапа деятельности учащихся:

1) идентификация стиля языка с дальнейшей аргументацией своей точки зрения;

2) анализ функционирования элементов стиля в художественном тексте.

Публицистический компонент ярко представлен, например, в стихотворении Н. А. Некрасова «Поэт и гражданин», фрагмент которого (от слов *Не может сын глядеть спокойно* до слов *Их животворные лучи*) рассматривается на уроке следующим образом.

Социально-нравственный аспект темы назначения поэта и поэзии неизбежно определяет публицистическую направленность произведения, выражающуюся:

1) в лексике (*гражданин, отчизна, убежденье, не имущий хлеба, благо ближнего*);

⁴ Энциклопедия афоризмов: Мысль в слове. М., 1998. С. 626–627.

2) в смысловом параллелизме, основанном на ассоциации гражданина с сыном, отчизны с матерью (*Не может сын глядеть спокойно / На горе матери родной, / Не будет гражданин достойный / К отчизне холоден душой*);

3) в риторическом обращении (*А ты, поэт! избранник неба, / Глашатай истин вековых*);

4) в нагнетании глаголов в форме повелительного наклонения, побуждающих к действию, к альтруизму (*Иди в огонь за честь отчизны, / За убеждение, за любовь...; Иди и гибни безупречно; Не верь, что вовсе пали люди; Будь гражданин! служба искусству, / Для блага ближнего живи*).

Налицо приметы ораторской речи, обращенной к поэту, который должен стать гражданином и посвятить свое творчество людям, подчинив свой гений чувству «Всеобнимающей Любви». Но эту миссию он сможет исполнить лишь в том случае, если в его сознании и душе будет жить вера в людей, в их нравственный, духовный потенциал (*Не верь, что вовсе пали люди; Не умер бог в душе людей*). Романтическая направленность стихотворения, присутствующая в его образной, перифрастической структуре (*избранник неба, глашатай истин вековых, вещие струны*), поддерживается, несомненно, приметами публицистического стиля, которые не противоречат в данном случае принципу художественности.

Приметы официально-делового стиля присущи и фрагменту из рассказа А. П. Чехова «Анна на шее»:

Только один раз Петр Леонтьевич осмелился попросить у него пятьдесят рублей взаймы, чтобы заплатить какой-то очень неприятный долг, но какое это было страдание!

— Хорошо, я вам дам, — сказал Модест Алексеич, подумав, — но предупреждаю, что больше уже не буду помогать вам, пока вы не бросите пить. Для человека, состоящего на государственной службе, постыдна такая слабость. Не могу не напомнить вам общеизвестного факта, что многих способных людей погубила эта страсть, между тем как при воздержании они, быть может, могли бы со временем сделаться высокопоставленными людьми.

И потянулись длинные периоды: «по мере того»... «исходя из того положения»... «ввиду только что сказанного», а бедный Петр Леонтьевич страдал от унижения и испытывал сильное желание выпить.

Учащиеся без затруднений выделяют конструкции, характерные для официально-делового стиля (*по мере того, исходя из того положения, ввиду только что сказанного*), и даже включают их в собственные предложения, которые, по их мнению, мог бы произнести Модест Алексеевич в этой жизненной ситуации. Это своего рода лингвистический эксперимент, предполагающий трансформацию исходного текста с последующим соотнесением его с измененным вариантом. Далее школьники отвечают на вопрос: а почему А. П. Чехов не поступает таким образом? Они отмечают, что у писателя нет желания воспроизводить словесную шелуху, утомительную бессмыслицу, так как главное уже сказано.

Определяя функцию примет официально-делового стиля в чеховском тексте, учащиеся утверждают следующее: черты этого стиля способствуют раскрытию психологического мира чеховского персонажа, который даже в условиях повседневного, домашнего общения прибегает к бюрократической лексике, не соответствующей речевой ситуации, о чем свидетельствует и лексика из его монолога (*человек, состоящий на государственной службе, общеизвестный факт, высокопоставленные люди*). То есть его сознание искалечено чиновничьим миром, социумом, частью которого он и является. Причем источником комизма выступает само соединение пафосности речи с ее предельно стандартизированным, бюрократическим строем, что и отмечают школьники.

Работают школьники и с художественным текстом, в который входят элементы научного и разговорного стилей. Такой текст (фрагмент из романа Д. А. Гранина «Иду на грозу») представлен ниже.

Сегодня обследовали уже три облака, малость потрясло, но то были просто мощные кучевые, а это четвертое обещало быть самым интересным, и Хоботнев вошел в него чуть глубже, всего на несколько метров поглубже, и это сразу почувствовалось, как будто по самолету застучало огромным молотом. Тулин взглянул на секундомер: «13 ч. 49 м. 05 сек». Начали! Режим! Найти зоны наибольшей заряженности. Все подготовились? Как там Лисицкий, ему лишь бы налетать часы. Дурацкая система оплаты. «Кузьменко Женя! — это в ларингофон. — Переключите чувствительность!» Невозможно даже обернуться. Ага, молния!

Чудно! Километрах в двух. Как струится по стеклам вода! Откуда на такой высоте вода, если за бортом минус тридцать? Температурные зависимости... Черт подери, сколько тут путаницы! При такой вибрации скажется микрофонный эффект. Только бы предусилители не забарахлили. Он всегда был готов к тому, что где-то что-то забарахлит. Было чудом, когда эти десятки приборов работали. В каждом из них были сотни деталей, каждая могла в любую минуту отказать, тысячи паек, которые могли отойти, контакты, которые могли окислиться, изоляция, которая могла пробиться, — и когда вся эта машина все же действовала вопреки всем законам вероятностей, Тулин испытывал тайное, детское изумление. Он не уставал восхищаться этим чудом. Капли касались колес, установленных над фюзеляжем, и заряды проходили через предусилители и усилители, через лампы, пока наконец не всплескивались пиком на пленке осциллограммы. И это тоже было чудом. Самолет прыгал, как будто катился по пикам этой наибольшей напряженности.

Сам текст буквально перенасыщен технической терминологией (*секундомер, зона наибольшей напряженности, чувствительность приборов, вибрация, микрофонный эффект, ларингофон, предусилители, окисление, фюзеляж, осциллограмма* и др.), что соответствует жизненной ситуации, изображаемой писателем. Но вся эта (так и хочется сказать: пульсирующая) терминология вправлена в «раму» внутреннего монолога, поданного в основном в форме несобственно-прямой речи и в традиционной для повествовательной прозы форме от 3-го лица. В тексте ярко выражены приметы разговорного стиля.

По сути дела, автор показывает «поток сознания» героя (Тулина), необычайно взволнованного происходящим в данный момент, в связи с чем учащиеся отмечают:

1) фразеологию, выходящую за рамки литературного языка (*черт побери*), и лексику, остающуюся в его рамках (*забарахлили*);

2) короткие, рубленые фразы (*Начали!; Режим!; Дурацкая система оплаты; Ага, молния!; Чудно!; Километрах в двух; Температурные зависимости...*), многие из которых представляют собой назывные предложения;

3) обилие восклицательных предложений.

Характеризуя психологическое состояние Тулина, школьники обращают внимание на лейтмотив чуда:

Было чудом, когда эти десятки приборов работали; ...и когда вся эта машина все же действовала вопреки всем законам вероятностей, Тулин испытывал тайное, детское изумление. Он не уставал восхищаться этим чудом; Капли касались колес, установленных над фюзеляжем, и заряды проходили через предусилители и усилители, через лампы, пока наконец не всплескивались пиком на пленке осциллограммы. И это тоже было чудом.

Этот лейтмотив подчеркивает драматизм ситуации и адекватное ее восприятие героем романа. Причем все лингвостилистические наблюдения школьников ни в коей мере не противоречат художественному смыслу, передаваемому этим лейтмотивом.

Заключение. Представленные в статье виды анализа художественного текста (комплексный анализ, актуализирующий в рамках урока-практикума различные уровни языковой системы, но нацеленный в первую очередь на развернутое раскрытие художественного содержания; анализ, сфокусированный на постижении смысла слова-концепта; анализ, организованный с целью выявления и обоснования примет того или иного функционального стиля языка) позволяют показать текст как целостность и с точки зрения идейно-тематической, смысловой, и с точки зрения лингвостилистической.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / сост. С. Г. Бочаров; текст подгот. Г. С. Бернштейн и Л. В. Дерюгина; примеч. С. С. Аверинцева и С. Г. Бочарова. М.: Искусство, 1979. 424 с.
2. Виноградов В. В. О теории художественной речи: учеб. пособие. М.: Высш. шк., 1971. 240 с.
3. Геймбук Е. Ю. «Стихотворения в прозе» И. С. Тургенева: «внутренний» хроно-топ как циклообразующий признак // Русский язык в школе. 2018. Т. 79, № 9. С. 37–41. DOI: 10.30515/0131-6141-2018-79-9-37-41.
4. Головин Б. Н. Основы теории синтаксиса современного русского языка: учеб. пособие. Н. Новгород: Изд-во Нижегород. ун-та, 1994. 170 с.

5. Дейкина А. Д. Приоритетные направления в методике преподавания русского языка // Научные труды Московского педагогического государственного университета. Психолого-педагогические науки: сб. статей. М.: Прометей, 2007. С. 119–129.

6. Левушкина О. Н. Концепция аксиологического текстоцентризма в методических трудах А. Д. Дейкиной // Русский язык в школе. 2019. Т. 80, № 1. С. 10–15. DOI: 10.30515/0131-6141-2019-80-1-10-15.

7. Лотман Ю. М. Анализ поэтического текста: Структура стиха: пособие для студентов. Л.: Просвещение, 1972. 271 с.

8. Мишатина Н. Л. Методическая лингво-концептология и антропопрактики XXI века (К двадцатилетию научного направления) // Русский язык в школе. 2020. Т. 81, № 4. С. 7–15. DOI: 10.30515/0131-6141-2020-81-4-7-15.

9. Пахнова Т. М. «Встретить свой родной язык как друга, нужно... искать этой встречи»: Тексты М. М. Пришвина и о Пришвине на уроках русского языка // Русский язык в школе. 2018. Т. 79, № 2. С. 27–31. DOI: 10.30515/0131-6141-2018-79-2-27-31.

REFERENCES

1. Bakhtin M. M. Aesthetics of verbal creativity. Bocharov S. G., Bernshtein G. S., Deryugina L. V., Averintseva S. S., Bocharova S. G. (ed.). Art publ., Moscow, 1979. 424 p. (In Russ.).

2. Vinogradov V. V. About the theory of artistic speech: textbook allowance. Higher school publ., Moscow, 1971. 240 p. (In Russ.).

3. Gejmbuh E. Yu. Poems in prose by I. S. Turgenev: «Inner» chronotope as cycle-organized

characteristics. *Russkii yazyk v shkole = Russian language at school*. 2018. Vol. 79, No. 9. P. 37–41. DOI: 10.30515/0131-6141-2018-79-9-37-41. (In Russ.).

4. Golovin B. N. Fundamentals of the theory of modern Russian syntax: textbook allowance. Nizhny Novgorod University publ., N. Novgorod, 1994. 170 p. (In Russ.).

5. Deikina A. D. Priority directions in the methodology of teaching the Russian language. *Nauchnye trudy Moskovskogo pedagogicheskogo gosudarstvennogo universiteta. Psikhologo-pedagogicheskie nauki: sbornik statei = Scientific works of the Moscow Pedagogical State University. Psychological and pedagogical sciences: collection of articles*. Prometheus publ., Moscow, 2007. P. 119–129. (In Russ.).

6. Levushkina O. N. The concept of axiological textocentrism in A. D. Deikina's works. *Russkii yazyk v shkole = Russian language at school*. 2019. Vol. 80, No. 1. P. 10–15. DOI: 10.30515/0131-6141-2019-80-1-10-15. (In Russ.).

7. Lotman Yu. M. Analysis of poetic text: The structure of the verse: a guide for students. Education publ., Leningrad, 1972. 271 p. (In Russ.).

8. Mishatina N. L. Methodological linguo-conceptology and anthropological practices of the 21st century. Devoted to the 20th anniversary of the field. *Russkii yazyk v shkole = Russian language at school*. 2020. Vol. 81, No. 4. P. 7–15. DOI: 10.30515/0131-6141-2020-81-4-7-15. (In Russ.).

9. Pahnova T. M. Texts about and by M. M. Prishvin in Russian Language lessons. *Russkii yazyk v shkole = Russian language at school*. 2018. Vol. 79, No. 2. P. 27–31. DOI: 10.30515/0131-6141-2018-79-2-27-31. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Мстислав Исаакович Шутан, доктор педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой словесности и культурологии, Нижегородский институт развития образования

Mstislav I. Shutan, Dr. of Sci. (Ped.), Associate Professor, Head of the Department of Literature and Cultural Studies, Nizhny Novgorod Institute for the Development of Education

Статья поступила в редакцию 21.10.2020; одобрена после рецензирования 20.11.2020; принята к публикации 14.12.2020.

The article was submitted 21.10.2020; approved after reviewing 20.11.2020; accepted for publication 14.12.2020.

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 372.881.161.1

DOI: 10.30515/0131-6141-2021-82-2-16-21

Специфика совершенствования профессиональных компетенций учителей в вопросах подготовки обучающихся с ограниченными возможностями здоровья к итоговому собеседованию по русскому языку

Надежда Петровна Полякова*Чувашский республиканский институт образования, г. Чебоксары, Республика Чувашия, Россия, nadezhdapolyakova85@yandex.ru*

Аннотация. В статье рассматривается проблема обучения педагогов-словесников работе с детьми, имеющими ограниченные возможности здоровья, и предлагается способ ее решения. Цель статьи – раскрыть содержание программы совершенствования профессиональных компетенций учителей русского языка и литературы массовых общеобразовательных школ «Методические аспекты подготовки обучающихся с ограниченными возможностями здоровья к итоговому собеседованию по русскому языку». Достижение обозначенной цели потребовало применения аналитических методов: ретроспективного анализа научной литературы, контент-анализа периодической печати по проблеме исследования; практических методов (актуализации личного опыта работы в системе повышения квалификации педагогических работников по направлению специального (коррекционного) и инклюзивного образования). Предлагаемая программа совершенствования профессиональных компетенций педагогов-словесников основывается на положениях школьной лингводидактики и требованиях специальной методики русского языка. Она состоит из двух модулей. В первом раскрываются механизмы организации устного собеседования, государственного выпускного экзамена и основного государственного экзамена по русскому языку для обучающихся с ограниченными возможностями здоровья. Второй модуль позволяет в ходе практической работы познакомить педагогов с особенностями формирования навыков устной речи у обучающихся рассматриваемой категории.

Ключевые слова: обучающиеся с ограниченными возможностями здоровья, учителя русского языка и литературы, программа совершенствования профессиональных компетенций, русский язык, устное собеседование

Для цитирования: Полякова Н. П. Специфика совершенствования профессиональных компетенций учителей в вопросах подготовки обучающихся с ограниченными возможностями здоровья к итоговому собеседованию по русскому языку // Русский язык в школе. 2021. Т. 82, № 2. С. 16–21. DOI: 10.30515/0131-6141-2021-82-2-16-21.

ORIGINAL RESEARCH ARTICLE

Specifics of improving the professional competencies of teachers in the following areas of preparing students with disabilities for the final interview in the Russian language

Nadezhda P. Polyakova*Chuvash Republican Institute of Education, Cheboksary, Republic of Chuvashia, Russia, nadezhdapolyakova85@yandex.ru*

Abstract. The article aims to solve the problem of training teachers to work with children with disabilities. The purpose was to investigate the content of the programme for improving the professional competencies of secondary school teachers of the Russian language and literature called «Methodological aspects of preparing students with disabilities for the final interview in the Russian language.» To this end, analytical methods were used, such as retrospective analysis of scientific literature; content analysis of periodicals on the research problem; and practical methods (actualisation of personal experience in the system of advanced training of teachers in the direction of special (correctional) and inclusive education). This programme for improving the professional competencies of language teachers is based on the provisions of school linguodidactics and requirements of a special methodology of the Russian language. The suggested programme consists of two modules: the first discloses the mechanisms of organising oral interviews, state final exams and state exams in the Russian language for students with disabilities. The second module allows teachers to learn practical approaches to developing skills of oral speech in such students.

Keywords: students with disabilities, teachers of the Russian language and literature, programme for improving professional competencies, Russian language, oral interview

For citation: Polyakova N. P. Specifics of improving the professional competencies of teachers in the following areas of preparing students with disabilities for the final interview in the Russian language. *Russkii yazyk v shkole = Russian language at school*. 2021. Vol. 82, No. 2. P. 16–21. DOI: 10.30515/0131-6141-2021-82-2-16-21. (In Russ.).

Введение. Вначале еще раз остановимся на результатах, полученных нами в ходе детального изучения содержательных аспектов подготовки обучающихся с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) к итоговому собеседованию по русскому языку [Полякова 2020: 57].

Для обучающихся с ОВЗ необходим отдельный вариативный комплекс заданий. Подобные контрольно-измерительные материалы (КИМ) по своей форме ничем не должны уступать тем, что предназначаются школьникам с нормативным развитием. Значит, КИМ также будут состоять из двух частей, включающих в себя по два задания.

При составлении заданий необходимо опираться на положения специальной методики русского языка. Именно сформированность коммуникативной компетенции есть показатель успешности дальнейшей социальной адаптации обучающихся с ОВЗ. Содержание КИМ также должно определяться характером особых образовательных потребностей каждой отдельно взятой нозологической группы участников собеседования.

Этим вариантам требуются собственные шкалы оценки, учитывающие как психофизические особенности обучающихся с ОВЗ, так и положения школьной лингводидактики.

Существующие на сегодняшний день противоречия между необходимостью обучающимся с ОВЗ, осваивающим программы массовых общеобразовательных школ, проходить данную процедуру и отсутствием методических рекомендаций педагогам-словесникам актуализировали потребность в совершенствовании профессиональных компетенций учителей русского языка и литературы в вопросах развития речемыслительной деятельности школьников рассматриваемых категорий.

Цель статьи — раскрыть содержание программы совершенствования профессиональных компетенций учителей русского языка

и литературы массовых общеобразовательных школ «Методические аспекты подготовки обучающихся с ограниченными возможностями здоровья к итоговому собеседованию по русскому языку».

Материалы и методы. При составлении данной программы повышения квалификации педагогов-словесников нами осуществлялся ретроспективный анализ научной литературы, контент-анализ периодической печати. Программа прошла апробацию в БУ ЧР ДПО «Чувашский республиканский институт образования» Минобразования Чувашии. Кроме того, на практических занятиях был актуализирован собственный продолжительный опыт работы в должности учителя русского языка и литературы Чебоксарской школы слепых и слабовидящих детей.

Обсуждение результатов. Представленная программа рассчитана на 18 часов. Она также может рассматриваться и в качестве вариативного модуля, включаемого в контекст многоплановых курсов повышения квалификации. Практика показывает: выделяемого времени достаточно для развития у педагогов-словесников массовых образовательных организаций совокупности компетенций, используемых при формировании речемыслительной деятельности у обучающихся с ОВЗ. Цель предлагаемой программы заключается в совершенствовании профессиональных компетенций педагогов-словесников в вопросах подготовки обучающихся с ОВЗ к итоговому собеседованию по русскому языку.

В результате освоения программы педагоги-словесники овладеют следующими профессиональными умениями:

- объективно оценивать знания обучающихся с ОВЗ на основе модифицируемых тестовых материалов и других методов контроля в соответствии с реальными учебными возможностями этих школьников;
- использовать и апробировать специальные подходы к обучению в целях включения в образовательный процесс детей с ОВЗ;

– применять специальные коррекционные приемы, необходимые для обучения школьников с ОВЗ русскому языку.

Содержательную часть данной программы составляют два модуля. В первом блоке, рассчитанном на 4 часа, подробно рассматриваются механизмы организации итогового собеседования, государственного выпускного экзамена (ГВЭ) и основного государственного экзамена (ОГЭ) по русскому языку для обучающихся с ОВЗ [Трофимова, Полякова 2019: 9–11]. Большое внимание на практических занятиях нами уделяется нормативно-правовым основам, обеспечивающим организацию итоговой аттестации обучающихся с ОВЗ. Работа включает в себя детальный анализ документов; изучение пакетов специальных условий, требуемых каждой из категорий школьников; разбор правил проведения итогового собеседования, порядка организации пунктов сдачи экзамена для лиц с ОВЗ. Учителя подробно разбирают содержание заданий итоговой аттестации. Мы обращаем внимание педагогов-словесников на вариативность ГВЭ, задания которого составлены с учетом особых образовательных потребностей обучающихся с ОВЗ. Учителя сравнивают КИМ ГВЭ и ОГЭ, отмечают реальные преимущества каждой из форм экзамена и оценивают их доступность. Далее отдельно рассматривают задания и билеты, предназначенные школьникам с нарушениями слуха, зрения, тяжелыми нарушениями речи (ТНР), нарушениями опорно-двигательного аппарата (НОДА), задержкой психического развития (ЗПР) и расстройствами аутистического спектра (РАС). Данный этап освоения программы завершается промежуточной аттестацией в форме тестирования.

Приобретаемые знания позволяют педагогам формировать у обучающихся и их родителей (законных представителей) адекватное отношение к предстоящим процедурам; реально оценивать возможности будущих выпускников; рекомендовать посильную их способностям форму аттестации. Благодаря этому снимается излишняя нервность, во многом влияющая на результативность итогового собеседования и экзаменов.

Второй практико-ориентированный модуль «Особенности формирования навыков устной речи у обучающихся с ОВЗ» предусматривает 14-часовую индивидуальную,

парную, а также групповую работу учителей русского языка и литературы. На первом занятии преподаватель, специализирующийся в вопросах логопедии, знакомит педагогов-словесников со специфическими особенностями устной речи, которые в той или иной степени обнаруживаются у каждой из категорий школьников [Алмазова 2005: 177; Вучинич, Эшкирович 2009: 37]. Особое внимание уделяется трудностям, с которыми школьники сталкиваются даже в подростковом возрасте при демонстрации собственных умений выразительно читать, пересказывать текст, вести продуктивный диалог и строить связный монолог. Для этого на занятиях пошагово разбираются как реальные ситуации, демонстрирующие особенности устной речи школьников с ОВЗ, так и примеры, взятые из специальной литературы. Благодаря этому педагоги-словесники приобретают способность разграничивать недочеты, обусловленные особенностями психофизического развития школьников, и ошибки, вызванные несформированностью тех или иных языковых умений.

Характер устной речи обучающихся с ОВЗ, как и у любого другого человека, определяется уровнем знаний о реальной действительности. Представления, воссоздаваемые из полученных ранее впечатлений, конкретные образы предметов, явлений, ситуаций и событий внешнего мира у большинства школьников с ОВЗ отличаются фрагментарностью, схематизмом, вербализмом, дефицитарностью [Полякова 2018: 52]. У многих из них объем знаний даже о хорошо знакомых предметах значительно меньше, чем у их сверстников с нормативным развитием. При этом качество представлений таких школьников не всегда находится в прямой зависимости от характера их психофизического развития. Знания одних учеников могут быть полными, дифференцированными и обобщенными в отличие от представлений их сверстников. Как правило, глубина представлений школьников с ОВЗ определяется знаниями, опытом, характером деятельности, условиями воспитания и обучения. Именно поэтому при формировании представлений обучающихся с ОВЗ особое внимание уделяется их речевому развитию. Язык, выступая в роли основного средства в процессе общения, способствует приобретению новых знаний, восполнению

и корректировке уже сложившихся образов реальной действительности.

Соответственно, целенаправленная деятельность, обеспечивающая становление коммуникативной компетенции у обучающихся с ОВЗ на основе сформированных у них адекватных, отвечающих реальной действительности представлений, сказывается на результативности итогового собеседования. Поэтому в данной программе большое внимание уделяется именно этим вопросам.

На занятии в оперативный аппарат педагогов-словесников нами вводятся понятия «чувственный опыт – информация, приобретаемая детьми с ОВЗ через сохраненные системы» и «представление» [Полякова 2018: 52]. На примере представления о конкретном предмете раскрывается процесс формирования лежащего в его основе чувственного опыта. Внимание акцентируется на используемых в этот момент школьниками с ОВЗ сохраненных системах. Для того чтобы показать, как складываются представления, за образец берется лексема, обозначающая конкретный предмет. Сначала учителями называются свойства, составляющие ее единичные представления. Потом для этого слова формулируются понятия. На завершающей стадии педагогам требуется включить получившиеся понятия в контекст различных коммуникативных ситуаций. Здесь же нами подробно анализируются факторы, вызывающие дефицитность, фрагментарность и схематизм представлений школьников с ОВЗ, причины, обуславливающие их распад.

На следующем занятии педагоги-словесники осваивают методический инструментарий, применяемый при восполнении представлений обучающихся с ОВЗ. В качестве базового материала используются учебники по русскому языку для общеобразовательных школ. Сначала с учителями отрабатываются способы адаптации заданий, текстов, иллюстративной наглядности и приемы, позволяющие использовать специальные подходы для развития сохраненных возможностей таких школьников. Затем, работая в переменных парах, где один педагог выступает в роли ученика, а другой – учителя, они учатся применять на практике наглядный, описательный и аудиальный способы демонстрации разнообразного материала. После этого педагогам предлагается неадаптированный текст, на основе которого

они в индивидуальной форме отрабатывают приемы пополнения активного словарного запаса обучающихся. Для каждого приема ими составляется пошаговая инструкция, определяющая последовательность действий педагога и ученика.

Следующим этапом работы становится анализ содержания КИМ итогового собеседования. На занятии нами подробно рассматриваются задания 1, 2, 3 и 4. Много времени уделяется трудностям, с которыми сталкиваются обучающиеся при их выполнении. Причем все задания анализируются отдельно, применительно к обучающимся с нарушениями слуха, зрения, ТНР, НОДА, ЗПР и РАС. Это позволяет продемонстрировать как общие затруднения, которые школьники испытывают при работе по первой теме третьего задания, так и частные проблемы, обнаруживающиеся, к примеру, у подростков с нарушениями слуха при построении диалога по четвертому заданию. С педагогами рассматривается вариативность критериев оценки ответов применительно к школьникам с ТНР, ЗПР, РАС. Далее учителя русского языка и литературы распределяют дополнительное время, отводимое для обучающихся с ОВЗ на прохождение итогового собеседования. Затем с привязкой к нему составляют общий алгоритм построения ответа. В дальнейшем этот порядок должен отрабатываться с обучающимися.

Следующий шаг предполагает предметный разговор об особенностях подготовки обучающихся с ОВЗ к выполнению заданий первой части КИМ. Учителя русского языка и литературы отрабатывают освоенные ранее специальные коррекционные приемы на реальных лингвистических задачах КИМ итогового собеседования. Они тренируются в выборе таких способов работы, которые позволяют научить школьников:

- соблюдать интонацию, логическое ударение, темп чтения, видеть пунктуационные знаки;
- пересказывать текст (определять главную и второстепенную информацию, сохранять микротемы);
- понимать текст, логично и уместно включать цитату в пересказ¹.

¹ Христюлова Л. В. Русский язык с основами языкознания. Морфология. Синтаксис: учеб. пособие для студентов Ин-та специального образования УрГПУ. Екатеринбург, 2015. С. 85.

Педагоги также упражняются в адаптации иллюстративного материала, предназначенного для каждой из категорий школьников в отдельности. К примеру, из картин, по которым должны будут работать слабовидящие дети, требуется исключить не влияющие на содержание рисунка, однако загружающие его смысловое поле компоненты. Учителя обводят по контуру черным карандашом или пастой все композиционные элементы, а затем помещают картину в графическую рамку. Такой подход облегчает школьникам ориентировку в композиции иллюстрации.

На следующем этапе педагогами-словесниками закрепляется алгоритм действий, применяемый при подготовке обучающихся с ОВЗ к выполнению второй части КИМ. Полученные ранее учителями русского языка и литературы знания о специфике использования специальных коррекционных приемов применяются при отработке способов формирования у обучающихся с ОВЗ следующих умений:

- давать ответ в контексте описания и повествования;
- осознанно привлекать собственный жизненный опыт;
- соблюдать грамматические, речевые, орфоэпические нормы;
- строить синтаксические конструкции;
- понимать смысл вопросов, давать адекватные ответы на все вопросы в диалоге, учитывать условия речевой ситуации.

Кроме того, педагогам требуется из любого учебника русского языка самостоятельно отобрать тексты с учетом возможностей обучающихся с ОВЗ и обосновать свой выбор. Так, для школьников с нарушениями слуха предназначается текст, включающий одну повествовательную линию, минимальное количество описаний, а также не содержащий больших периодов, неологизмов, архаизмов, диалектизмов и сложных слов.

Для того чтобы установить степень освоенности учебного материала, представленного в данном модуле, педагогам предлагается пройти письменный опрос.

1. Сформулируйте понятие «чувственный опыт».

2. Назовите этапы формирования представлений.

3. Перечислите приемы и способы предъявления наглядности обучающимся с ОВЗ. Назовите особенности построения диалога с глухими обучающимися.

4. Назовите основные признаки чтения, свойственные обучающимся с задержкой психического развития.

Критериями оценивания письменного опроса служит отметка (зачтено/не зачтено). «Зачтено» выставляется при 4–5 верных ответах, при 0–3 верных ответах выставлялось «не зачтено».

Результативность пройденной учителями русского языка и литературы образовательной траектории позволяет установить выполняемая ими контрольная работа. Педагогам-словесникам требуется разработать комплекс заданий для подготовки обучающихся с ОВЗ к итоговому собеседованию. Материалом служат научно-публицистические тексты, взятые из базовых учебников по русскому языку.

Представленный комплекс заданий должен отвечать следующим критериям:

- 1) соответствовать требованиям, предъявляемым к материалам для подготовки;
- 2) учитывать психофизиологические особенности обучающихся с ОВЗ;
- 3) содержать четко сформулированные цель, задачи, условия заданий;
- 4) придерживаться коррекционно-развивающей направленности.

Заключение. Особая ценность предлагаемой программы совершенствования профессиональных компетенций учителей русского языка и литературы состоит в том, что она дает возможность отработать на практике систему методических приемов и подходов, используемых для работы с обучающимися с ОВЗ. Благодаря этому становится возможным не только подготовить этих обучающихся к успешному прохождению устного собеседования, но и реально удовлетворять их особые образовательные потребности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алмазова А. А. Особенности речевого развития учащихся среднего звена специальной (коррекционной) школы V вида // Онтогенез

речевой деятельности: норма и патология: моногр. сб. М.: Прометей, 2005. С. 176–182.

2. Вучинич В., Эшкирович Б. Элементы языковой компетенции у детей с нарушением зрения // Дефектология. 2009. № 2. С. 36–40.

3. Полякова Н. П. Содержательные аспекты подготовки обучающихся с ограниченными возможностями здоровья к итоговому (устному) собеседованию по русскому языку // Русский язык в школе. 2020. Т. 81, № 3. С. 52–57. DOI: 10.30515/0131-6141-2020-81-3-52-57.

4. Полякова Н. П. Формирование лингвистической компетенции у слепых подростков в процессе изучения русского языка: монография. СПб.: Реноме, 2018. 118 с.

5. Трофимова В. И., Полякова Н. П. Организационные аспекты подготовки обучающихся с ОВЗ к итоговому (устному) собеседованию по русскому языку // Народная школа. 2019. № 3. С. 9–11.

REFERENCES

1. Almazova A. A. Features of speech development in middle-level students of a special (correctional)

school of the V type. *Ontogenez rechevoi deyatel'nosti: norma i patologiya: monografiya = Ontogenesis of speech activity: norm and pathology: monograph*. Prometheus publ., Moscow, 2005. P. 176–182. (In Russ.).

2. Vuchinich V., Eshskirovich B. Elements of linguistic competence in children with visual impairment. *Defektologiya = Defectology*. 2009. No. 2. P. 36–40. (In Russ.).

3. Polyakova N. P. content aspects of preparation of learners with disabilities for the final (oral) Russian Language interview. *Russkii yazyk v shkole = Russian language at school*. 2020. Vol. 81, No. 3. P. 52–57. DOI: 10.30515/0131-6141-2020-81-3-52-57. (In Russ.)

4. Polyakova N. P. Formation of linguistic competence in blind adolescents in the process of studying the Russian language: monograph. Renome publ., Saint Petersburg, 2018. 118 p. (In Russ.).

5. Trofimova V. I., Polyakova N. P. Organizational aspects of preparing students with disabilities for the final (oral) interview in the Russian language. *Narodnaya shkola = Folk school*. 2019. No. 3. P. 9–11. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Надежда Петровна Полякова, кандидат педагогических наук, доцент, кафедра профессионального развития педагогических работников, Чувашский республиканский институт образования

Nadezhda P. Polyakova, Cand. of Sci. (Ped.), Associate Professor, Department of Professional Development of Teachers, Chuvash Republican Institute of Education

Статья поступила в редакцию 06.11.2020; одобрена после рецензирования 15.12.2020; принята к публикации 25.12.2020.

The article was submitted 06.11.2020; approved after reviewing 15.12.2020; accepted for publication 25.12.2020.

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 372.881.161.1

DOI: 10.30515/0131-6141-2021-82-2-22-28

Алгоритмический подход к изучению морфологических норм имен прилагательных в VI классе. Часть II. Нормы образования грамматических форм качественных прилагательных¹

Владимир Николаевич Сульниченко

Крымская академия профессиональной переподготовки и повышения квалификации, г. Евпатория, Республика Крым, Россия, sulnich@mail.ru

Для цитирования: Сульниченко В. Н. Алгоритмический подход к изучению морфологических норм имен прилагательных в VI классе. Часть II. Нормы образования грамматических форм качественных прилагательных // Русский язык в школе. 2021. Т. 82, № 2. С. 22–28. DOI: 10.30515/0131-6141-2021-82-2-22-28.

ORIGINAL RESEARCH ARTICLE

Algorithmic approach to the study of morphological norms of adjectives in the 6th form. Part 2. Norms of the formation of grammatical forms of qualitative adjectives

Vladimir N. Sulnichenko

Crimean Academy of Professional Retraining and Development, Evpatoria, Republic of Crimea, Russia, sulnich@mail.ru

For citation: Sulnichenko V. N. Algorithmic approach to the study of morphological norms of adjectives in the 6th form. Part 2. Norms of the formation of grammatical forms of qualitative adjectives. *Russkii yazyk v shkole* = Russian language at school. 2021. Vol. 82, No. 2. P. 22–28. DOI: 10.30515/0131-6141-2021-82-2-22-28. (In Russ.).

Образование грамматических форм качественных прилагательных на *-ен* и *-енен* вызывает затруднения у многих школьников. Методическая задача учителя состоит в том, чтобы шестиклассники на этом этапе изучения морфологической нормы пришли к выводу, что образование качественных прилагательных на *-енный* в полных и кратких формах в основном зависит от места ударения в морфемной структуре слова.

Анализ качественных прилагательных *безжизненный* – *безжизнен*, *обыкновенный* – *обыкновенен* проводится таким образом: 1) определяется морфемный состав прилагательных в полной форме; 2) указывается главный фонетический признак (место ударения в слове), от которого зависит образование слов на *-ен* и *-енен*.

Затем школьники с помощью таблицы 5 систематизируют свои наблюдения над языковым материалом, чтобы правильно составить алгоритм рассуждения б.

¹ Окончание. Начало см.: Русский язык в школе. 2021. Т. 82, № 1. С. 44–52.

Таблица 5

Качественные прилагательные на *-енный* в полной и краткой формах

Место ударения в морфемной структуре прилагательного			
ударение на корне → -ен		ударение на суффиксе → -енен	
Форма прилагательного			
полная	краткая	полная	краткая
безж ^и зненный	безжизн ^е н	обыкн ^о венный	обыкнове ^е н
велич ^е ственный	величеств ^е н	сокр ^о венный	сокровене ^е н
бессмысл ^е нный	бессмысл ^е н	соврем ^е нный	современ ^е н
тайн ^с твенный	тайнств ^е н	дерз ^о венный	дерзнове ^е н

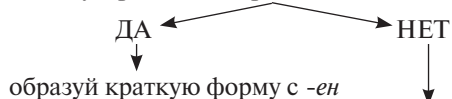
Далее шестиклассникам предлагается определить количество ветвей алгоритма, учитывая два главных фонетических признака, по которым отличаются грамматические формы на *-ен* и *-енен* (ударение на корне, ударение на суффиксе).

Потом школьники формулируют две ветви алгоритма с предполагаемыми выводами по ним таким образом: 1) полное прилагательное на *-енный* имеет ударение на корне — образую краткую форму с *-ен*; 2) полное прилагательное на *-енный* имеет ударение на суффиксе — образую краткую форму с *-енен*. В результате работы алгоритм 6 приобретает такой вид.

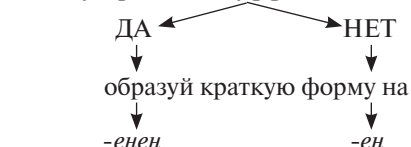
Алгоритм 6

Образование от полных качественных прилагательных на *-енный* кратких форм

1. Полное прилагательное на *-енный* имеет ударение на корне

2. Полное прилагательное на *-енный* имеет ударение на суффиксе

Анализ алгоритмического рассуждения показывает, что в первой и второй ветвях алгоритма 6 анализируется краткая форма на *-ен*, которая чаще используется в качестве нормативной грамматической формы, так как более экономна в употреблении.

Образец рассуждения 1 по алгоритму 6. Полные прилагательные *безжизненный*, *величественный* имеют ударение на корне, поэтому в соответствии с первой ветвью алгоритма 6

образуют краткую форму с *-ен* (*безжизнен*, *величествен*).

Образец рассуждения 2 по алгоритму 6. Полные прилагательные *современный*, *обыкновенный* имеют ударение на суффиксе, поэтому в соответствии со второй ветвью алгоритма 6 образуют краткую форму с *-енен* (*современен*, *обыкновенен*).

Изучение степеней сравнения качественных прилагательных нацелено на выработку умения образовывать простую и составную формы сравнительной и превосходной степени в соответствии с морфологическими нормами русского языка.

Вначале особое внимание уделяется рассмотрению семантики степеней сравнения качественных прилагательных.

Школьники должны осознать, что качественные прилагательные способны выражать разную степень проявления признака в предмете. С этой целью предлагаем составить предложения, в которых качественные прилагательные выражают разную степень проявления (выражения) признака. Обращаем внимание школьников на то, почему степени сравнения имеют только качественные прилагательные (они обозначают изменяющийся признак).

В ходе работы анализируется, например, предложение: *Первое задание в упражнении сложное*. Спрашиваем у шестиклассников, какой признак обозначает прилагательное *сложное*. Отмечается, что прилагательное *сложное* называет признак предмета, не сравнивая его с другим, эта форма показывает, что данный признак присутствует в предмете. Таким образом, эта грамматическая форма не выражает степень проявления признака и называется начальной (исходной) формой прилагательных (в научных грамматиках она называется положительной степенью сравнения прилагательных).

Далее выясняем у школьников, какой смысл имеет прилагательное *сложнее* в предложении: *Второе задание в упражнении сложнее первого* (сравниваются первое и второе задания по степени сложности и делается вывод, что второе задание сложнее первого). Логично выяснить, какой признак выражает грамматическая форма прилагательного *сложнее* (с помощью грамматической формы *сложнее* выражается признак предмета, который передается в большей степени по сравнению с грамматической формой прилагательного *сложный*).

Потом школьники должны образовать от прилагательного *сложный* другую грамматическую форму (*сложнейший*), которая по-иному передает степень выражаемого прилагательным признака, ввести ее

в предложение *Третье задание в упражнении является сложнейшим* и определить, какой признак предмета выражает грамматическая форма *сложнейший* (наивысшую степень проявления признака в предмете). Так школьники формируют понятие о превосходной степени сравнения: грамматическая форма *сложнейший* выражает наивысшую степень качества, свойственного предмету. Методически целесообразно рассмотреть образование простой и составной форм сравнительной и превосходной степеней сравнения прилагательных с помощью таблицы 6. Анализируя способы образования степеней сравнения качественных прилагательных, школьники письменно фиксируют свои наблюдения над грамматическим материалом.

Таблица 6

Способы образования степеней сравнения качественных прилагательных

Формы степеней сравнения прилагательных	Степени сравнения прилагательных					
	сравнительная степень сравнения			превосходная степень сравнения		
	образование	примеры	семантика	образование	примеры	семантика
простая форма	образуется от основы начальной формы полного прилагательного с помощью суффиксов					
	-ее -е -ше	<i>сильнее</i> <i>суше</i> <i>тоньше</i>	признак выражается путем сравнения с другим	-ейш- -айш-	<i>сильнейший</i> <i>ближайший</i>	признак выражается в наивысшей степени
составная форма	образуется прибавлением к начальной форме полного прилагательного слов					
	<i>более</i>	<i>более</i> <i>быстрый</i>	признак выражается в большей степени	<i>самый</i> <i>наиболее</i> <i>наименее</i>	<i>самый</i> <i>сложный</i> <i>наиболее</i> <i>(наименее)</i> <i>интересный</i>	признак выражается в наивысшей степени
	<i>менее</i>	<i>менее</i> <i>сильный</i>	признак выражается в меньшей степени	образуется прибавлением к простой форме сравнительной степени слов		
				<i>всего</i> <i>всех</i>	<i>сильнее</i> <i>всего</i> <i>выше</i> <i>всех</i>	признак выражается в наивысшей степени

Для составления алгоритма 7 («Образование степеней сравнения качественных прилагательных») необходимо выяснить, пользуясь таблицей 6, следующее: 1) от основы каких прилагательных образуется простая форма сравнительной и превосходной степени; 2) с помощью каких суффиксов образуются эти грамматические формы (первая и вторая ветви алгоритма); 3) от каких прилагательных образуется

составная форма сравнительной и превосходной степени; 4) с помощью каких слов образуется составная форма сравнительной и превосходной степени (третья и четвертая ветви алгоритма); 5) в чем особенность образования составной формы превосходной степени путем прибавления слов *всего* и *всех* (пятая ветвь алгоритма); 6) можно ли при образовании степеней сравнения прилагательных объединять

простую и составную формы сравнительной («более сильное») и превосходной («самый сильнейший») степени (шестая ветвь алгоритма).

В процессе анализа отмечается, что одновременное объединение простой и составной форм при образовании степеней сравнения (исключения: *самый худший, самый лучший*) приводит к ненормативным грамматическим конструкциям («более талантливейший», «менее добрейший» и др.).

В результате работы алгоритм 7 приобретает такой вид.

Алгоритм 7

Образование степеней сравнения качественных прилагательных

1. К основе качественного прилагательного в начальной форме добавляются суффиксы *-ее, -е, -ше*

ДА → простая форма сравнительной степени
 НЕТ →

2. К основе качественного прилагательного в начальной форме добавляются суффиксы *-ейш-, -айш-*

ДА → простая форма превосходной степени
 НЕТ →

3. К начальной форме качественного прилагательного прибавляются слова *более* и *менее*

ДА → составная форма сравнительной степени
 НЕТ →

4. К начальной форме качественного прилагательного прибавляются слова *самый, наиболее, наименее*

ДА → составная форма превосходной степени
 НЕТ →

5. К качественному прилагательному в простой форме сравнительной степени прибавляются слова *всего, всех*

ДА →
 НЕТ →

составная форма превосходной степени

6. Качественное прилагательное образует сравнительную и превосходную степени сравнения путем соединения простой и составной форм

ДА → НЕПРАВИЛЬНО → «более (менее) сильнее» → «самый сильнейший» → «сильнейший всех»
 НЕТ → ПРАВИЛЬНО → более (менее) сильный → самый сильный → сильнее всех

Образец рассуждения 1 по алгоритму 7. От основы качественного прилагательного *сильный* (*-сильн-*) в соответствии с первой ветвью алгоритма 7 образуя простую форму сравнительной степени с помощью суффикса *-ее* (*сильнее*). От основы качественного прилагательного *сильный* (*-сильн-*) в соответствии со второй ветвью алгоритма 7 образуя простую форму превосходной степени с помощью суффикса *-ейш-* (*сильнейший*).

Образец рассуждения 2 по алгоритму 7. К начальной форме качественного прилагательного *сильный* в соответствии с третьей ветвью алгоритма 7 прибавляю слова *более* или *менее* и образуя составную форму сравнительной степени (*более, менее сильный*). К начальной форме качественного прилагательного *сильный* в соответствии с четвертой ветвью алгоритма 7 прибавляю слова *самый, наиболее, наименее* и образуя составную форму превосходной степени (*самый сильный, наиболее, наименее сильный*).

Образец рассуждения 3 по алгоритму 7. К качественному прилагательному в простой форме сравнительной степени *сильнее* прибавляю слова *всего, всех* и в соответствии с пятой ветвью алгоритма 7 образуя составную форму превосходной степени (*сильнее всего, сильнее всех*). Грамматическая форма «самый сильнейший» образована с нарушением норм русского языка, так как в соответствии с шестой ветвью алгоритма 7 не рекомендуется соединять простую и составную формы.

Методически целесообразно после изучения полных и кратких прилагательных и степеней сравнения рассмотреть группу качественных прилагательных, которые имеют определенные ограничения в образовании грамматических форм сравнительной и превосходной степени.

Лингвисты справедливо признают, что «ограничения в образовании кратких и полных форм, форм степеней сравнения объясняются их структурными и семантическими причинами»² [Сулименко 2016: 50]. В исследованиях ученых, например, отмечается, что «в целом краткие формы

образуются регулярно от лексем с очень высокой частотностью употребления»³.

Учитывая, что грамматический материал достаточно сложен и подбор примеров вызывает затруднения у шестиклассников, предлагаем для анализа таблицу 7 с элементами программирования, в которой систематизированы некоторые группы прилагательных-исключений. В таблице 7 помещены слова, обозначающие масти лошадей, семантика которых комментируется (*вороной* – серебристо-черный, *гнедой* – коричнево-шоколадный, *буланый* – светло-желтый, *каурый* – черно-рыжий, *сивый* – серо-белый).

Таблица 7

Особенности образования кратких форм и степеней сравнения качественных прилагательных

Группы прилагательных	Название цвета	Название масти лошадей	Прилагательные с суффиксами -л-, -к-, -ист-	Прилагательные с суффиксами -ск-, -ов-, -н-, -еск-
примеры	<i>коричневый сиреневый фиолетовый кремовый кофейный</i>	<i>вороной гнедой буланый каурый сивый</i>	<i>горелый отсталый броский</i>	<i>братский передовой наливной дружеский вражеский</i>
краткая форма	—	—	—	—
степень сравнения простая форма	—	—	—	—
степень сравнения составная форма	—	—	+	+

Запомни: *нищий, хромой, слепой, босой, косой* (не имеют степени сравнения)

В классе с более высокой лингвистической подготовкой школьники самостоятельно составляют алгоритм 8 (первая группа учащихся). По составлению алгоритма 8 для учащихся второй группы предлагаются вопросы и задание.

1. Какие значения прилагательных, не имеющих краткую форму и степени сравнения, можно объединить в первой ветви алгоритма?

2. По каким морфемным показателям объединяются прилагательные, не имеющие краткой формы и простой формы сравнительной и превосходной степени, во второй ветви алгоритма?

3. Отрадите во второй ветви алгоритма по линии отрицательного ответа «НЕТ» прилагательные, не имеющие уже отмеченных лексико-грамматических показателей.

В ходе работы составляется алгоритм 8.

Алгоритм 8

Нормативные ограничения в образовании кратких форм и степеней сравнения качественных прилагательных

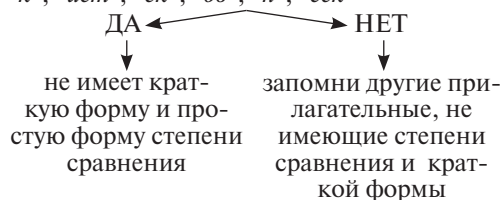
1. Качественное прилагательное обозначает название цвета и масти лошадей

² Сулименко Н. Е. Современный русский язык. К изучению семантики имен прилагательных: учеб. пособие. Саратов: Вузовское образование, 2016. С. 50 [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.iprbookshop.ru/42890.html> (дата обращения: 25.12.2020).

³ Современный русский язык. Морфология: учеб. пособие для студентов филологических факультетов государственных университетов / А. А. Камынина; Московский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, филологический фак-т. 2-е изд. М.: Изд-во Московского ун-та, 2009. С. 89.

2. Качественное прилагательное имеет в своем морфемном составе суффиксы *-л-, -к-, -ист-, -ск-, -ов-, -н-, -еск-*

Образец рассуждения 1 по алгоритму 8. Качественное прилагательное *лиловый* обозначает название цвета, поэтому в соответствии с первой ветвью алгоритма 8 не имеет ни краткой формы, ни степени сравнения.

Образец рассуждения 2 по алгоритму 8. Качественное прилагательное *горелый* имеет в своем морфемном составе суффикс *-л-*, поэтому в соответствии со второй ветвью алгоритма 8 не образует краткую форму и простую форму степени сравнения, а только составную (*более горелый* — сравнительная степень; *самый горелый* — превосходная степень).

При изучении правописания гласных в суффиксах качественных прилагательных в простой форме превосходной степени (*-ейш-, -айш-*) формирование орфографического навыка у наиболее подготовленных шестиклассников происходит на уровне языкового чутья, так как ими уже накоплен опыт более длительного использования языка в ходе говорения, аудирования, чтения и письма, поэтому они правильно употребляют в устной

и письменной речи гласные *е* или *а* в словах *крупнейший, чистейший, правдивейший, редчайший, строжайший, тишайший* и других.

Однако практика показывает, что в речи наименее подготовленных шестиклассников редко используются прилагательные в простой форме превосходной степени, образованные с помощью суффиксов *-ейш-*, и допускаются морфологические ошибки при образовании прилагательных с суффиксом *-айш-*. Задача учителя — ввести в активный словарный запас этих школьников данные грамматические формы путем определения их семантической и грамматической специфики. Для этого вначале выясняется семантика суффиксов ('наибольшая степень проявления качества, присущего предмету'). Далее анализируются прилагательные в начальной форме — *новый, правдивый, главный, крепкий, редкий, строгий, тихий* и предлагается провести морфемный разбор этих слов. Затем школьники должны с помощью суффиксов *-ейш-* и *-айш-* образовать новые формы (*новейший, правдивейший, главнейший, крепчайший, редчайший, строжайший, тишайший*) и найти условие, которое влияет на выбор гласной *е* или *а* в суффиксе. В ходе работы шестиклассники устанавливают, что выбор гласной в суффиксах зависит от того, на какой согласный заканчиваются основы в начальной форме прилагательных. Методически целесообразно представить данный грамматико-орфографический материал в виде таблицы 8, в которой будут отражены различия в использовании суффиксов *-ейш-, -айш-* в устной и письменной речи.

Таблица 8

Суффиксальный способ образования качественных прилагательных в простой форме превосходной степени

Основа начальной формы качественного прилагательного оканчивается на	
согласные <i>к, х, г</i> с чередованием звуков (<i>к/ч, х/ш, г/ж</i>)	другие согласные
суффикс <i>-айш-</i>	суффикс <i>-ейш-</i>
<i>глубочайший, строжайший, тишайший, редчайший, крепчайший</i>	<i>крупнейший, сильнееший, выгоднейший, сложнееший, правдивейший</i>

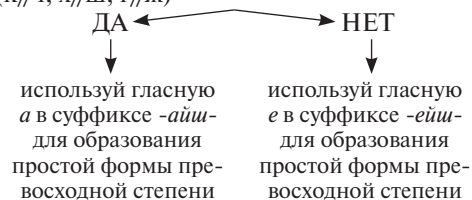
Работа по составлению алгоритма 9 сосредоточивается на характеристике согласных конца основы качественных прилагательных в начальной форме с чередованием и без него. Выяснив это, школьники формулируют такую ветвь алгоритма 9: основа начальной формы качественного

прилагательного оканчивается («ДА») на согласные *к, х, г* с чередованием звуков (*к/ч, х/ш, г/ж*) и основа начальной формы качественного прилагательного не оканчивается («НЕТ») на согласные *к, х, г* с чередованием звуков (*к/ч, х/ш, г/ж*), а имеет другие согласные в конце основы.

Алгоритм 9

Грамматико-орфографические особенности образования качественных прилагательных в простой форме превосходной степени

1. Основа начальной формы качественного прилагательного оканчивается на согласные *к, х, г* с чередованием звуков (*к//ч, х//ш, г//ж*)

Образец рассуждения 1 по алгоритму 9. Основа начальной формы качественного прилагательного *тихий* (*-тих-*) оканчивается («ДА») на согласный *х* с чередованием звуков (*х//ш*), поэтому в соответствии с алгоритмом 9 использую суффикс *-айш-* при образовании простой формы превосходной степени (*тишайший*).

Образец рассуждения 2 по алгоритму 8. Основа начальной формы качественного прилагательного *крупный* (*-крупн-*) не оканчивается («НЕТ») на согласные *к, х, г* с чередованием звуков, поэтому в соответствии с алгоритмом 9 использую суффикс *-ейш-* при образовании простой формы превосходной степени (*крупнейший*).

Выводы. Итак, последовательное и целенаправленное использование алгоритмов при изучении морфологических норм имен прилагательных способствует эффективному усвоению учебного материала, повышает качество знаний школьников, развивает интерес к обучению, формирует культуру речи школьников. В ходе изучения морфологических норм имен

прилагательных с помощью алгоритмов значительно повысилось качество восприятия учебного материала, так как составленные на уроках алгоритмы отличаются простотой и доступностью, емкостью представленных теоретических сведений о морфологических нормах имен прилагательных. Опыт применения алгоритмов на уроках русского языка показал, что они помогают глубже осмыслить морфологическую норму, фиксируют ход умственных действий — рассуждений, заставляют анализировать каждую выполняемую операцию, поэтому для учащихся становятся более осознанными, а значит и более эффективными в использовании.

Целесообразным является процесс самостоятельного составления алгоритмов, так как школьники овладевают методами и приемами самостоятельной работы, учатся рассматривать приобретаемые знания в единстве, синтезе, в новых связях, что способствует глубокому и эффективному усвоению материала, позволяет сделать процесс обучения целенаправленным.

Таким образом, в результате применения алгоритмов повысилась эффективность учебного процесса, школьники научились выявлять, анализировать и сравнивать грамматические признаки при составлении лаконичных и емких алгоритмических рассуждений, самостоятельно делать выводы, обобщения, приобрели опыт в поиске решения лингвистических задач. В процессе анализа применения алгоритмов на уроках при изучении морфологических норм имен прилагательных было установлено, что шестиклассники лучше усваивают не только теоретические знания, но и приобретают практические умения и навыки по соблюдению морфологических норм имен прилагательных в устной и письменной речи.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Владимир Николаевич Сульниченко, кандидат педагогических наук, доцент, Крымская академия профессиональной переподготовки и повышения квалификации

Vladimir N. Sulnichenko, Cand. of Sci. (Ped.), Associate Professor, Crimean Academy of Professional Retraining and Advanced Training

Статья поступила в редакцию 15.06.2020; одобрена после рецензирования 10.07.2020; принята к публикации 14.08.2020.

The article was submitted 15.06.2020; approved after reviewing 10.07.2020; accepted for publication 14.08.2020.

АНАЛИЗ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81'42.811.161.1

DOI: 10.30515/0131-6141-2021-82-2-29-35

Лексическая репрезентация концепта «Честь» в произведениях А. Т. Твардовского о войне

Наталья Владимировна Черникова¹, Анастасия Алексеевна Подольская²

¹ Мичуринский государственный аграрный университет, г. Мичуринск, Россия, chernikovanat@mail.ru

² Профессиональное образовательное учреждение Московской области «Щёлковский колледж», г. Щелково, Россия, podolskaya97.62@mail.ru

Аннотация. Одна из вечных проблем русской литературы – проблема чести и бесчестия, которая становится особенно актуальной в военное время. Не мог остаться равнодушным к этой проблеме и А. Т. Твардовский, поэт-фронтовик, в качестве военного корреспондента участвовавший в двух войнах – советско-финляндской и Великой Отечественной. С целью выяснить, как осмысливается концепт «Честь» в его стихах о войне и поэме «Василий Теркин», мы проанализировали контекстную семантику лексемы *честь* и ее производных, используя метод сплошной выборки языковых единиц, методы структурно-семантического и функционально-стилистического анализа языковых знаков. В статье показано, что концепт «Честь» – одна из важных ментальных единиц в художественной концептосфере А. Т. Твардовского, воплощенная в лексических единицах *честь*, *честный*, *почесть*. Несгибаемая стойкость духа и верность собственным моральным принципам, по мнению поэта, характеризует русский народ. Устами своих героев и в авторских размышлениях А. Т. Твардовский неоднократно высказывает мысль о том, что бесчестие для человека хуже позора, страшнее смерти и нет оправдания бойцам, забывшим про солдатскую честь, чувство собственного достоинства. Такое осмысление концепта «Честь» – в русле пушкинской традиции и шире – в духе национального менталитета.

Ключевые слова: А. Т. Твардовский, война, стихотворения военной тематики, поэма «Василий Теркин», концепт, *честь*, *честный*, *почесть*

Для цитирования: Черникова Н. В., Подольская А. А. Лексическая репрезентация концепта «Честь» в произведениях А. Т. Твардовского о войне // Русский язык в школе. 2021. Т. 82, № 2. С. 29–35. DOI: 10.30515/0131-6141-2021-82-2-29-35.

ORIGINAL RESEARCH ARTICLE

Lexical representation of the concept "Honor" (*Chest'*) in A. T. Tvardovsky's works about the war

Natalia V. Chernikova¹, Anastasia A. Podolskaya²

¹ Michurinsk State Agrarian University, Michurinsk, Russia, chernikovanat@mail.ru

² Professional educational institution of the Moscow region "Shchelkovsky college", Shchelkovo, Russia, podolskaya97.62@mail.ru

Abstract. One of the eternal problems raised in Russian literature is the problem of honour and dishonour, which becomes particularly urgent during wartime periods. The front-line poet A. T. Tvardovsky, who participated in two wars as a war correspondent – the Soviet-Finnish (Winter War) and the Second World War, could not remain indifferent to this topic. In order to find out how the concept of "Honour" (*Chest'*) is understood in his poems about war and the poem "Vasily Terkin", we analysed the contextual semantics of the lexeme *honour (chest)* and its derivatives using the method of continuous sampling of language units, methods of structural-semantic and functional-stylistic analysis of language signs. The article shows that the concept of "Honour" (*Chest'*) is one of the important cognitive units in the concept sphere of Tvardovsky. This concept is embodied in the lexical units of *honour (chest')*, *honest (chestnyi)*, *honour (pochest')*. According to the poet, it is the indomitable spiritual resilience and loyalty to the person's moral principles that

characterise Russian people. Tvardovsky repeatedly expressed the idea that dishonour for a man is worse than shame and more terrifying than death. He believed that there was no excuse for fighters betraying honour and the sense of self-respect. This understanding of the concept "Honour" (*Chest'*) – not only in line with Pushkin's tradition but wider – lies in the spirit of the national mentality.

Keywords: A. T. Tvardovsky, war, poems of military theme, "Vasily Terkin", concept, honour (*chest'*), honest (*chestnyi*), honour (*pochest'*)

For citation: Chernikova N. V., Podolskaya A. A. Lexical representation of the concept "Honor" (*Chest'*) in A. T. Tvardovsky's works about the war. *Russkii yazyk v shkole = Russian language at school*. 2021. Vol. 82, No. 2. P. 29–35. DOI: 10.30515/0131-6141-2021-82-2-29-35. (In Russ.).

Введение. А. Т. Твардовский – поэт-фронтовик, в качестве военного корреспондента участвовавший в двух войнах – советско-финляндской и Великой Отечественной. По словам А. М. Туркова, «поэт жил... в суровую эпоху войн... самых крутых переломов в общественном укладе и миллионах человеческих судеб» [Турков 2010: 7]. Он остро переживал трагические события в судьбе страны, участвовал в них, и всегда в его руках была записная книжка. «Он с записной книжкой на войне» [Василевская 1995: 56]. Откликом на события военного времени стали его очерки, стихи, поэмы. «Он сделал на Отечественной войне так много, что, твердо можно сказать, не сделал ни один поэт. И сама война прошла по его жизни так, что долго потом отдавалась в творчестве» [Кондратович 1987: 99].

Свои стихи военных лет, представляющие своеобразную летопись войны, А. Т. Твардовский назвал «фронтовой хроникой». Каждое произведение, будь то небольшое стихотворение или поэма, поэт наполнил глубоким смыслом о силе духа русских солдат, сражавшихся за Родину. Героизм и борьба русского народа за мир нашли отражение и в лирике поэта послевоенных лет. Любовь к родине, честь русского солдата, вера в победу и собственные силы, проблемы простых людей, чьи судьбы разрушила война, и вечная память героям – основные мотивы, отражающие содержание произведений поэта.

Одна из вечных проблем русской литературы – проблема чести и бесчестия, которая становится особенно актуальной в военное время. Не мог остаться равнодушным к этой проблеме и А. Т. Твардовский. Мы проанализировали, как осмысливается концепт «Честь» в стихах о войне и поэме «Василий Теркин».

Методы. Основным средством лексического воплощения концепта является лексема *честь* и ее производные. С целью

выявить их контекстную семантику мы использовали метод сплошной выборки языковых единиц, методы структурно-семантического и функционально-стилистического анализа языковых знаков.

Анализ. Проанализировав около 50 стихотворений военной тематики А. Т. Твардовского, мы установили, что слово *честь* и его производное *честный* употреблены в текстах 9 раз, в том числе *честь* – 8 раз (в «Балладе об отречении» – 4, в стихотворениях «Когда пройдешь путем колонн...», «Огонь», «Партизанам Смоленщины», «Я убит подо Ржевом» – по 1 разу); *честный* – 1 употребление (в стихотворении «Партизанам Смоленщины»). Рассмотрим контекстную семантику данных слов.

Проблема чести русского солдата, исполнения долга перед Родиной ярко отражена в «Балладе об отречении» (1942), в которой неоднократно употребляется лексема *честь* в значении 'достойные уважения и гордости моральные качества человека; его соответствующие принципы'¹. Не в силах вынести все тяготы военного времени, молодой солдат Иван Кравцов бежит с поля боя (*с полей войны великой*), надеясь найти приют в родимом доме, в окружении самых близких ему людей – отца и матери. Так он *бедою* ступает на порог родительского дома, нарушив *честь солдата*:

И праздник встречи навсегда
Как будто канул в омут.
И в дом пришедшая беда
Уже была, как дома.
Не та беда, что без вреда
Для совести и *чести*,
А та, нещадная, когда
Позор и горе вместе².

¹ Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. М.: Русский язык, 1989. С. 880–881 (СО).

² Твардовский А. Т. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 2. М.: Художественная литература, 1977. С. 72 (Твардовский-1977).

Отец-солдат не может простить сына за трусость и принять позор, который ляжет на всю их семью — прадеда, деда, не родившегося еще внука. Для него, прошедшего Первую мировую войну (*три года с немцем воевал и добрым был солдатом*), доблесть и благородство души, исполнение воинского долга и честь солдата являются основными качествами, которыми его сын не должен был пренебречь. Поэтому старый отец отрекается от сына и требует, чтобы он покинул родной кров:

И вот поднялся, тих и строг
В своей большой кручине,
Отец-солдат: — Так вот, сынок,
Не сын ты мне отныне.
Не мог мой сын, как я не мог,
Забыть про *честь солдата*,
Хоть защищали мы, сынок,
Не то, что вы. Куда там!
И ты теперь оставь мой дом,
Ищи отца другого.
А не уйдешь, так мы уйдем
Из-под родного крова³.

Устами отца поэт доносит важную истину, актуальную и сегодня: *Честь живет вовеки...*

Пуškai наказаны судьбой, —
Не век скрипеть телеге,
Не так нам долго жить с тобой,
Но *честь* живет вовеки...⁴

Приговор отца суров, но еще более суров приговор, выносимый автором, — *смертная кара*. Искушение вины он видит в покаянии молодого солдата перед друзьями-бойцами и достойном принятии решения их суда. Не сумев сохранить свою репутацию незапятнанной, солдат обязан безмолвно принять любой исход:

Как *честь*, прими тот приговор.
И стой, и будь, как воин,
Хотя б в тот миг, как залп в упор
Покончит счет с тобою⁵.

В стихотворении «Когда пройдешь путем колонн...» (1943) у слова *честь* актуализировано значение «внутреннее нравственное достоинство человека, доблесть, честность, благородство души и чистая совесть»⁶. Боец,

прошедший невероятно тяжелый и долгий путь войны, постигший военную науку в смертельном бою, по мнению автора, становится честным и доблестным солдатом, человеком, с которым *можно жить и можно умирать*:

И про отвагу, долг и *честь*
Не будешь зря твердить.
Они в тебе,
Какой ты есть,
Каким лишь можешь быть⁷.

В этом же значении существительное *честь* употреблено в стихотворении «Партизанам Смоленщины» (1942), посвященном родной Смоленской стороне, которую так горячо любил поэт. Вот как он пишет о своем отношении к этому краю: «Связанный со Смоленщиной не только памятью отчих мест, детства и ранней юности, годами жизни в Смоленске в пору моего литературного ученичества, но и годами войны, когда вместе с частями фронта вступал на пепелища освобождаемой от оккупантов родной стороны, я и в послевоенные годы не утратил этой связи. Не удивительно, что мотивы и образы «смоленской стороны» так часто представлены во всех моих стихах и поэмах, рассказах и очерках»⁸.

Автор, приветствуя устами лирического героя родную, отцовскую Смоленскую сторону, с болью и горечью описывает ее после того, как на нее ступила нога врага: города покалечены и сожжены, поля изрыты *знаком войны*, кругом земля, опаленная огнем. Но эта многострадальная Смоленская сторона не сломлена, не пала духом, ей присуща *гордая честь*, на защиту которой встала грозная сила — партизаны Смоленщины:

Нет, твой враг не похвалится
Тыловой тишиной,
Нет, не только страдалицей
Ты встаешь предо мной,
Земляная, колхозная, —
Гордой чести верна, —
Партизанская грозная
Сторона!⁹

В этих строчках обращает на себя внимание словосочетание *гордая честь*, в котором

³ Твардовский-1977. С. 73.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 74–75.

⁶ *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 4. М.: Цитадель, 1998. С. 599.

⁷ Твардовский-1977. С. 91.

⁸ *Твардовский А. Т.* Избранные произведения: в 3 т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1990. С. 39 (Твардовский-1990).

⁹ Там же. С. 243.

А. Т. Твардовский соединил два моральных качества — гордость и честь. Характеризуя этим словосочетанием Смоленщину и партизан, ставших на защиту родной земли, автор подчеркивает, что для них чувство собственного достоинства, самоуважения (гордость) неотделимо от доблести, мужества, благородства, патриотизма (честь).

В стихотворении «Огонь» (1943) существительное *честь* функционирует в значении 'почет, уважение'¹⁰. Поэт описывает, как во время войны страшный огонь (*жар*) уничтожал все на нашей земле: жег землю, дома, села и города, губил урожай. Но Россия, охваченная огнем, осталась жива и нашла в себе силы, чтобы ответить врагу. Русские города и реки, советские войска, *солдат-народ* — все встали на защиту Отечества, *огонь врага огнем поправ*. И их героический подвиг будет прославлен последующими поколениями, им обязательно *воздадут честь* потомки:

И скажут, *честь воздав* сполна,
Дивясь ушедшей были:
Какие были времена!
Какие люди были!¹¹

В стихотворении «Партизанам Смоленщины» прилагательное *честный* употреблено в значении 'почтенный, уважаемый'¹². А. Т. Твардовский призывает уничтожить врага-вора в чужом краю, укрепляя боевой дух простых людей:

Бей, семья деревенская,
Вора в *честном* дому,
Чтобы жито смоленское
Боком вышло ему!¹³

В стихотворении «Я убит подо Ржевом» (1945–1946) употреблен фразеологизм с *честью* в значении 'достойно, подобающим образом'¹⁴. Произведение, являющееся одним «из самых сильных по выразительности стихотворений Твардовского» [Василевская 1995: 57], получившее «необыкновенно большой резонанс в массовом общественном сознании и специальной литературе» [Бобылев, Ковалёв 2020:

71], написано как монолог погибшего солдата, который обращается к живым, завещая им быть счастливыми в мирной, послевоенной жизни, свято беречь свою Родину и с *честью* служить ей:

Завещаю в той жизни
Вам счастливыми быть
И родимой отчизне
С *честью* дальше служить!¹⁵

Отдельного внимания в творчестве А. Т. Твардовского заслуживает поэма «Василий Теркин» («Книга о бойце», 1942–1945), которая была «не просто поэмой, но народным деянием, как бы голосом души воевавшего народа» [Лакшин 1994: 115]. Образ Василия Теркина — собирательный образ солдат Советской армии. «Теркин был для меня во взаимоотношениях поэта с его читателем — воюющим советским человеком, — моей лирикой, моей публицистикой, песней и поучением, анекдотом и присказкой, разговором по душам и репликой к случаю»¹⁶.

Василий Теркин — балагур и весельчак, душа своего подразделения. В бою он пример для всех, храбрый солдат, который не теряет в самой сложной ситуации. На привале вокруг него всегда собираются бойцы. Теркин сплет и сыграет на гармонии, своими шутками и байками поднимет боевой дух товарищей. «Василий Теркин — подлинный, поразительно верно нарисованный русский национальный, народный характер» [Турков 2010: 106].

Основной акцент в поэме автор делает на проблеме чести и доблести, внутреннего морального облика русского солдата. Мужество и стойкость духа, доброта и благородство души — основные качества, которыми наделяет А. Т. Твардовский своего героя.

Общее количество употреблений слова *честь* и его производных *почесть* и *честный* в поэме равно 10, в том числе *честь* — 7 употреблений, *честный* — 2 употребления, *почесть* — 1 употребление. Приведем примеры из поэмы.

Глава «О войне» построена в виде авторских рассуждений о том, как должны себя вести русские солдаты в тяжелое военное время. В ней автор поднимает проблему

¹⁰ СО. С. 880–881.

¹¹ Твардовский-1990. С. 265.

¹² СО. С. 880.

¹³ Твардовский-1990. С. 244.

¹⁴ Фразеологический словарь русского языка / под ред. А. И. Молоткова. М.: Русский язык, 1986. С. 527 (ФСРЯ).

¹⁵ Твардовский-1990. С. 314.

¹⁶ Там же. С. 39.

ответственности каждого человека за судьбу Родины и призывает во время войны *помнить о чести* — неотъемлемой составляющей храброго русского воина:

На войне себя забудь,
Помни *честь*, однако,
Рвись до дела — грудь на грудь,
Драка — значит, драка¹⁷.

Словосочетание *оказать честь* в главе «Поединок» употреблено в ироническом значении. Перед глазами читателя разворачивается рукопашный бой между Теркиным и немцем, который *был силен и ловок, ладно скроен, крепко шит*. Однако русский солдат не уклоняется от поединка, он вступает в неравную схватку и, лютой ненавистью ненавидя врага, с иронией спрашивает у него:

Ты куда спешил — к хозяйке?
Матка, млеко? Матка, яйки?
Оказать решил нам *честь*?
Подай! А кто ты есть,
Кто ты есть, что к нашей бабке
Заявился на порог,
Не спросаясь, не скинув шапки
И не вытерши сапог?¹⁸

Этот обычный, на первый взгляд, фронтовой эпизод незаметно приобретает «более общий и более глубокий смысл... обобщенность усиливается в умозаключении Теркина, что он имеет дело не с человеком, а со “зверем”, “подлецом”, потерявшим честь и совесть» [Выходцев 1989: 19].

В главе «Генерал» читатель узнает о том, как во время второго лета войны Василий Теркин был награжден орденом. Для солдата истинным проявлением уважения за его боевые заслуги перед Родиной, настоящей *честью* является крепкое рукопожатие и награда из рук боевого генерала, который на войне для бойца — и суд, и отец, и глава, и закон:

Честью, друг, считай немалой,
Заработанной в бою,
Услыхать от генерала
Вдруг фамилию свою¹⁹.

Существительное *почесть* в значении ‘внешнее проявление уважения, почтения’²⁰ употреблено в главе «Бой в болоте», где автор показал, какой ценой далась победа нашей армии в Великой Отечественной войне. Русские солдаты сражались в горах Кавказа, защищали Сталинград и малоизвестную деревню на болоте Борки. Кто-то погиб в значительном сражении, кто-то в безвестном бою. Однако каждый боец внес свой вклад в великую победу. Гибель каждого была не напрасна. Родина в лице последующих поколений непременно *отдаст почесть*, дань памяти и уважения своим героям:

И в одной бессмертной книге
Будут все навек равны...
И Россия — мать родная —
Почесть всем *отдаст* сполна.
Бой иной, пора иная,
Жизнь одна и смерть одна²¹.

«Здесь к книжному фразеологизму *отдать почесть* поэт добавил характерное для разговорной речи наречие *сполна* и тем самым приблизил фразеологизм к разговорному языку» [Недува 1987: 69].

В этой же главе встречается прилагательное *честный* в значении ‘заслуживающий уважения, безупречный’²². Автор уверен, что придет день, когда герои останутся в живой памяти людей:

И в глуши, в бою безвестном,
В сосняке, в кустах сырых
Смертью праведной и *честной*
Пали многие из них.
Пусть тот бой не упомянут
В списке славы золотой,
День придет — еще повстанут
Люди в памяти живой²³.

В другом значении — ‘проникнутый искренностью и прямоотой, добросовестный; выражающий такие свойства’²⁴ прилагательное *честный* употреблено в главе «Перед боем». Это определение-характеристика командира (*ясный сокол*), страдающего от того, что ему, отцу семейства, пришлось в плену оставить жену и детей:

И болел он, *парень честный*,

¹⁷ Твардовский А. Т. Стихотворения и поэмы. М.: Просвещение, 1983. С. 134—135 (Твардовский-1983).

¹⁸ Там же. С. 150.

¹⁹ Там же. С. 159.

²⁰ СО. С. 572.

²¹ Твардовский-1983. С. 166.

²² СО. С. 880.

²³ Твардовский-1983. С. 166.

²⁴ СО. С. 880.

Понимал, отец семьи,
На кого в плену безвестном
Покидал жену с детьми...²⁵

В главе «На привале» употреблено фразеологическое сочетание *сказать по чести* («откровенно, чистосердечно, начистоту»²⁶). Во время привала Теркин старается поднять боевой дух товарищей:

– Вот ты вышел спозаранку
Глянул – в пот тебя и в дрожь:
Прут немецких тыща танков...
– Тыща танков? Ну, брат, врешь.
– А с чего мне врать, дружище?
Рассуди – какой расчет?
– Но зачем же сразу – тыща?
– Хорошо. Пускай пятьсот.
– Ну, пятьсот. *Скажи по чести*,
Не пугай, как старых баб.
– Ладно. Что там триста, двести –
Повстречай один хотя б...²⁷

В главе «Два солдата» находим фразеологическое сочетание *честь по чести* («так, как следует, как надо, как положено, по всем правилам»²⁸). А. Т. Твардовский употребляет его, описывая прощание Василия Теркина с незнакомыми стариками, случайно встретившимися ему на пути:

И, как долг велит в дому,
Поклонился и старухе
И солдату самому.
Молча в путь запоясаясь,
Осмотрелся – все ли тут?
Честь по чести распрощался,
На часы взглянул: идут!²⁹

В этой же главе присутствует фразеологизм *отдавать честь* в значении «оценивать в полной мере, так, как того стоит, заслуживает кто-либо или что-либо»³⁰. Обсуждая с хозяином дома исход войны, Василий Теркин оказывает должное внимание угощению, выпивая *чарку* со старым солдатом и оценивая по достоинству закуску:

– Погоди, отец, наемся,
Закушу, скажу потом.
Ел он много, но не жадно,

Отдавал закуске честь,
Так-то ладно, так-то складно,
Поглядишь – захочешь есть»³¹.

Выводы. Итак, наше исследование показало, что концепт «Честь» — одна из важных ментальных единиц в художественной концептосфере А. Т. Твардовского. И это неудивительно, ведь сам поэт был человеком честным и принципиальным. О его моральных качествах очень точно написал Н. М. Шанский: «Поэт-гражданин, он был большой и совершенно самобытной личностью, словно по фамилии твердым в своих идейных, нравственных и художественных убеждениях... человеком, хотевшим и — что еще важнее — умевшим быть всегда самим собой (нередко в самых тяжелых для него жизненных обстоятельствах)» [Шанский 2014: 69].

Лексические репрезентанты концепта «Честь» — лексема *честь* и ее производные — употребляются А. Т. Твардовским в произведениях, посвященных событиям военных лет. Несгибаемая стойкость духа и верность собственным моральным принципам, по мнению поэта, характеризуют русский народ. Устами своих героев и в авторских размышлениях А. Т. Твардовский неоднократно высказывает мысль о том, что бесчестье для человека хуже позора, страшнее смерти и нет оправдания бойцам, забывшим про солдатскую честь, чувство собственного достоинства. Такое осмысление концепта «Честь» — в русле пушкинской традиции и шире — в духе национального менталитета, оно лаконично отражено в русской пословице *Береги платье снову, а честь смолоду*.

Н. М. Шанский о поэме А. Т. Твардовского «За далью — даль» написал, что она «строгий завет на будущее жить праведно и честно, любить и беречь Россию, свою большую и малую Родину, свой великий народ...» [Шанский 2000: 57]. Думается, что этими словами можно дать оценку и всему творчеству поэта, а в особенности — его произведениям о войне.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бобылев Б. Г., Ковалёв П. А. «Та черта глубины...»: ритмо-смысловый анализ стихотворения «Я убит подо Ржевом» (К 110-летию со

²⁵ Твардовский-1983. С. 129.

²⁶ ФСРЯ. С. 526.

²⁷ Твардовский-1983. С. 126.

²⁸ ФСРЯ. С. 527.

²⁹ Твардовский-1983. С. 146.

³⁰ Фёдоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка. М.: АСТ: Астрель, 2008. С. 444.

³¹ Твардовский-1983. С. 146.

дня рождения А. Т. Твардовского) // Русский язык в школе. 2020. Т. 81, № 3. С. 70–78. DOI: 10.30515/0131-6141-2020-81-3-70-78.

2. Василевская И. А. «Священная годов минувших память...» (Поэт Александр Твардовский) // Русский язык в школе. 1995. № 3. С. 54–61.

3. Выходцев П. С. А. Т. Твардовский и народная художественная культура («Василий Теркин») // Творчество Александра Твардовского: исследования и материалы. Л.: Наука, 1989. С. 5–42.

4. Кондратович А. И. «Ровесник любому поколению»: документальная повесть [о Твардовском А. Т.]. М.: Современник, 1987. 381 с.

5. Лакшин В. Я. Уроки Твардовского // Лакшин В. Я. Берега культуры. М.: МИРОС, 1994. С. 211–212.

6. Недува Э. Ш. «Все на русском языке...» // Русский язык в школе. 1987. № 3. С. 68–70.

7. Турков А. М. Александр Твардовский. М.: Молодая гвардия, 2010. 408 с.

8. Шанский Н. М. О лирике А. Т. Твардовского // Русский язык в школе. 2014. № 11. С. 69–74.

9. Шанский Н. М. Языковые реминисценции в поэме А. Твардовского «За далью – даль» // Русский язык в школе. 2000. № 3. С. 56–62.

REFERENCES

1. Bobylev B. G., Kovalev P. A. "That limit of depth...": rhythm and meaning in the poem "I was killed near the Rzhev" (To the 110th anniversary of

the birth of A. T. Tvardovsky). *Russkii yazyk v shkole* = *Russian language at school*. 2020. Vol. 81, No. 3. P. 70–78. doi: 10.30515/0131-6141-2020-81-3-70-78. (In Russ.).

2. Vasilevskaya I. A. "Sacred memory of years past..." (Poet Aleksandr Tvardovsky). *Russkii yazyk v shkole* = *Russian language at school*. 1995. No. 3. P. 54–61. (In Russ.).

3. Vykhodtsev P. S. A. T. Tvardovsky and folk art culture ("Vasily Terkin"). *Tvorchestvo Aleksandra Tvardovskogo: issledovaniya i materialy* = *Creativity of Alexander Tvardovsky: research and materials*. Leningrad: Science, 1989. P. 5–42. (In Russ.).

4. Kondratovich A. I. "A Peer to any generation": a documentary story [about Tvardovsky A. T.]. Moscow: Contemporary, 1987. 381 p. (In Russ.).

5. Lakshin V. Ya. Tvardovsky's lessons. *Lakshin V. Ya. Berega kultury* = *Banks of culture*. Moscow: MIROS, 1994. P. 211–212. (In Russ.).

6. Neduva E. Sh. "Everything is in Russian...". *Russkii yazyk v shkole* = *Russian language at school*. 1987. No. 3. P. 68–70. (In Russ.).

7. Turkov A. M. Alexander Tvardovsky. Moscow: Young Guard, 2010. 408 p. (In Russ.).

8. Shansky N. M. About the lyrics of A. T. Tvardovsky. *Russkii yazyk v shkole* = *Russian language at school*. 2014. No. 11. P. 69–74. (In Russ.).

9. Shansky N. M. Linguistic reminiscences in A. Tvardovsky's poem "Beyond the distance – far". *Russkii yazyk v shkole* = *Russian language at school*. 2000. No. 3. P. 56–62. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT AUTHORS

Наталья Владимировна Черникова, доктор филологических наук, профессор, кафедра социально-гуманитарных дисциплин, Социально-педагогический институт, Мичуринский государственный аграрный университет

Анастасия Алексеевна Подольская, преподаватель русского языка и литературы, Профессиональное образовательное учреждение Московской области «Щёлковский колледж»

Natalia V. Chernikova, Dr. of Sci. (Philol.), Professor, Department of Social and Humanitarian Disciplines, Social Pedagogical Institute, Michurinsk State Agrarian University

Anastasia A. Podolskaya, teacher of Russian language and literature, Professional educational institution of the Moscow region "Shchelkovsky college"

Статья поступила в редакцию 18.06.2020; одобрена после рецензирования 14.07.2020; принята к публикации 22.08.2020.

The article was submitted 18.06.2020; approved after reviewing 14.07.2020; accepted for publication 22.08.2020.

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81'42.811.161.1

DOI: 10.30515/0131-6141-2021-82-2-36-42

Маятник времени в повести Валентина Распутина «Живи и помни»**Валентина Яковлевна Иванова***Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия, i_valya@mail.ru*

Аннотация. В статье раскрываются специфические способы выражения течения времени в повести Валентина Распутина «Живи и помни». Цель – показать, как движение сюжета, диалектика отношений мотивов памяти и забвения, колебания воспоминаний героев создают образ часового маятника. В статье используется метод лингвостилистического анализа текста. Автор выделяет языковые средства, помогающие писателю нарисовать образы человека-маятника, предмета-маятника. Особое внимание обращается на синтаксические конструкции разных типов, передающие физические и душевные метания героев. Образ маятника часов и мотив движения маятника создают в повести ощущение непрерывного хода времени, приближения последнего срока.

Ключевые слова: Валентин Распутин, художественное время, образ маятника часов, мотив движения маятника, синтаксические конструкции, повтор, антонимия, оппозиция

Для цитирования: Иванова В. Я. Маятник времени в повести Валентина Распутина «Живи и помни» // Русский язык в школе. 2021. Т. 82, № 2. С. 36–42. DOI: 10.30515/0131-6141-2021-82-2-36-42.

ORIGINAL RESEARCH ARTICLE

Pendulum of time in Valentin Rasputin's novel "Live and remember" ("Zhivi i pomni")**Valentina Ya. Ivanova***Irkutsk State University, Irkutsk, Russia, i_valya@mail.ru*

Abstract. The study reveals specific ways of expressing the passage of time in the story "Live and Remember" by Valentin Rasputin. The study is aimed at demonstrating how the development of the plot, the dialectic of relationships between memory and oblivion, as well as the fluctuations in the heroes' memories – all create the image of a pendulum. The applied methodology involved a linguostylistic analysis of the text. The author identifies linguistic means that help the writer to draw images of a pendulum-person and a pendulum-object. Special attention is paid to syntactic constructions of different types used to convey the ambivalence of the characters' body and mind. The image of a pendulum and the motive of pendulum movement create the feeling of the onward march of time and the oncoming final date.

Keywords: Valentin Rasputin, artistic time, image of pendulum, motive of pendulum movement, syntactic constructions, repetition, antonymy, opposition

For citation: Ivanova V. Ya. Pendulum of time in Valentin Rasputin's novel "Live and remember" ("Zhivi i pomni"). *Russkii yazyk v shkole = Russian language at school*. 2021. Vol. 82, No. 2. P. 36–42. DOI: 10.30515/0131-6141-2021-82-2-36-42. (In Russ.).

Введение. Время в прозе Валентина Распутина представлено на разных уровнях художественного текста – на сюжетном, мотивно-образном и языковом, лексическом и синтаксическом. В этом особенность творчества писателя. Подобные возможности языка в наиболее ценных проявлениях человеческой культуры Вяч. Вс. Иванов характеризовал «как применение некоторой комбинации знаков для одновременной передачи нескольких сообщений (это и называется метафоричностью искусства...)» [Иванов 1998: 583]. Но метафоричность прозы Валентина Распутина

характеризуется одновременно многозначностью содержания и формы. Мотивы и образы времени возникают в творчестве писателя с первых произведений, с рассказов «Я забыл спросить у Алешки...» (1961), «Старая охотница» (1961), «Встреча» (1966), «Мама куда-то ушла», «Человек с этого света», «Продается медвежья шкура», «День рождения» (1967) и др. Тема времени является ведущей, объединяет раннее и зрелое творчество писателя, реализуясь в сюжетах, в психологии героев, их отношении к миру и к человеку, а также в речи повествователя. Можно предположить, что

значимость времени и его восприятие связаны с детскими впечатлениями будущего писателя, выросшего среди крестьянских забот в деревенском доме, где обязательной частью интерьера являлись часы с маятником. Их постоянное присутствие перед глазами детей и взрослых запечатлевалось как памятование о времени, как движение самой жизни и исполнение человеческой судьбы.

Анализ. В отечественной культуре ход времени, социального, биографического, исторического, в образе качающегося маятника определяет сознание русского человека до революции и после нее. Первые наблюдения за особенностями художественного выражения времени в образе маятника часов и мотиве его качания, проведенные на материале повести Валентина Распутина «Последний срок» [Иванова 2010], располагают к тому, чтобы продолжить подобный анализ и предположить аналогичную организацию художественного текста и в повести «Живи и помни». Образы часов в тексте произведения являются сквозными, хотя и не столь очевидными [Иванова 2017]. В образной парадигме времени обнаружение образа и мотива маятника часов в повести «Живи и помни», представленных разными способами художественной выразительности и языковыми средствами, особенно значимо.

Рефреном повести «Живи и помни», актуализирующим на протяжении произведения ее название, являются слова Андрея Гуськова, обращенные к жене при их встречах:

Так и *запомни*. <...> Я тебя не хочу пугать, но *запомни*, что сказал;
Запомни еще раз;
 Но *помни*, всегда *помни*...;
 Но *запомни* еще раз. <...> *Запомни*, Настена¹.

Слова воспринимаются как внутренние рифмы повести. Угрозы и предупреждения молчать о том, что муж около деревни, а не на фронте, убедительны в развитии сюжета. Они формируют символическое значение императива *помни*. В то же время возникает противоречие, поскольку к памяти вызывает человек, совершивший

предательство. Несмотря на это, мотив памяти в образе Андрея важен. Желание увидеть дом, родителей и Настену, проститься с ними, получить от жены прощение (*Я шел и думал: приду, погляжу на Настену, попрошу прощенья, что сломал ей жизнь...*), попрощаться с домом (*до прощенья да до прощанья*) толкает Андрея после госпиталя бежать в деревню, что свидетельствует о его физической и духовной связи с малой родиной. Заметим, что единственным хранителем памяти о том, что произошло в жизни героя, единственным участником и свидетелем событий является сам Андрей. Конфликт между желаниями и поступками главного героя создает в повести сложный диалектически многомерный мир души человека, отступившего от нравственных законов. Рефрен о памяти в речи Андрея, перекликающийся с названием повести, актуализирует смысловой вектор произведения, в который органично вплетаются образ и мотив маятника.

Сюжетно мотив качания маятника «туда — обратно» выражен в возвращении Андрея не на фронт, а домой. Причем мотив «обратно», активный в воспоминаниях-размышлениях героя, двойствен: *злость на всё то, что возвращало его обратно на войну, не дав побывать дома; Как же обратно, снова под пули...; неужели действительно обратно?; Гуськов даже хотел, чтобы его сцапали и завернули обратно*. «Обратно» — вернуться на фронт, и «обратно» — вернуться домой, эти антиномии столкнулись в тексте. Так, в начале повести выделяется промежуточное психологическое состояние главного героя как состояние выбора, являющегося и топографически промежуточным, между двумя географическими координатами (фронт — дом), соотносимыми с нравственными полюсами (защита родины — защита себя): *всё собираясь податься и куда-нибудь, в какую-нибудь сторону двинуться*. Метафорически нахождение между географическими и нравственными полюсами представлено как возможная социальная и физическая потеря человека: *а потом и вовсе застрел, решив, что ему лучше переждать, пока его окончательно потеряют и дома, и на фронте*. Такая потеря таит опасность потери человеком самого себя, потери души. Столкновение двух противоположных направлений «обратно» и обнаружение мотива «туда — обратно»

¹ Здесь и далее текст повести цит. по: Распутин В. Г. Собр. соч.: в 4 т. Т. 3. Иркутск: Сапрон, 2007. С. 429–437.

запечатлены в тексте: *Почему они должны воевать, а он кататься туда-обратно...* Но полной потери человеком себя пока не произошло. Мотив возвращения Андрея направлен в сторону дома. Этот мотив повторно возникает в конце повести, в разговоре Андрея с Настеной на берегу Ангары. Герой думает о том, чтобы отправиться в маленькую деревушку на Лене с известием о Коле Тихонове, погибшем друге. Мотив «обратно» здесь связан с мотивом памяти: *Я знаю, помню, где похоронен, сам хоронил. Уговор надо бы выполнить. <...> А недавно вспомнил, и слезы потекли.* «Обратно» для Андрея в этой ситуации уже не значит возвращения на фронт, «обратно» — только домой, в свою деревню. Метафорически «обратно» в данном эпизоде — это и обращение к собственной памяти, а фактически — к памяти о павшем друге. Но то, что Андрей так и не решился выполнить уговор, перерастает в отказ от памяти и долга перед вечным.

Кульминационный разговор Настены с Андреем, когда она прибежала к мужу с известием о будущем ребенке, изобилует открытиями и душевными прозрениями для обоих, признанием того, о чем раньше за четыре года совместной жизни они ни разу не говорили. В минуты исповеди Андрей просит Настену: *Спаси мою душу.* Этот разговор-открытие друг друга характеризуется динамикой качания мотива «помнишь — забыл», который является основным стержнем диалога. С признанием Настены о ребенке появляется мотив забвения: *Я ж середь людей живу — или ты забыл?*, который обуславливает мотив «помнишь»:

Помнишь, сколько мы ждали, сколько надеялись? — Помню... как не помнить. <...> А ты говоришь: помнишь? Кому же еще и помнить, если не мне?

Оба мотива объединяются в оппозицию «помнить — забыть» и далее раскрываются в тексте как целое, фиксируя качание смыслов, воспоминаний, рассуждений главных героев в диалоге друг с другом — от одного полюса к другому.

Центр качания «помнишь — не помнишь» сосредоточен в сцене обсуждения сна, который, как оказывается, видели одновременно оба героя и который они помнят два года. В деталях воссоздается

обстановка фронтовой жизни, происходит узнавание себя во сне другого — совпадения поражают и мужа, и жену. Событийная канва сна строится на приходе Настены к мужу и уходе от него. Движения «туда — обратно» напоминают движения маятника, предвещающая будущие метания Настены — от деревни к зимовейке и обратно. Возвращения Настены к мужу во сне имеют тайный, так и оставшийся скрытым для обоих смысл вопрошания, что выводит сон из обыденного в мифологический — вещания в древнем обряде. Отказ Андрея, не признающего у Настены детей, закрывает возможность их наличия и в действительности, что с горечью понимает жена и в чем укоряет мужа. Признание героем детей знаменовало бы прекращение вопрошаний жены, остановку условного маятника. Качающийся маятник как память о времени возникает в ситуации отказа Андрея от детей во сне, как метафорически в сюжете — от долга перед родной, домом, семьей. Отказ от ребенка ведет к разрыву семейных уз и порождает символический разрыв времен: без будущего нет прошлого. Так возникает мотив забвения.

Оба героя забыли, что во сне ответили в последний раз Андрей на вопрос жены о детях:

Не помню. То же самое, наверно, и сказал. А что я мог сказать?;

А вот как было в последний раз, *не помню.* Помню, что пошла уж в своем, а не в девчоночьем виде, чтоб на тебя подействовать.

В чередовании глаголов *помнить, забыть, потерять из памяти*, их концентрации на малом отрывке художественного текста запечатлевается психоэмоциональная, аксиологическая значимость ответа — того, что забыто обоими. Мотив памяти и забвения главного особенно выразителен в словах: *Ишь как! Самого главного-то и не узнали.* Разговор заканчивается еще одной оппозицией «сон — жизнь», возвращением Настены и Андрея из событий обоюдного сна к настоящей действительности. И в прошлом, и в настоящем Андрей и Настена ощущают себя реальными, что запечатлевается в сознании каждого. Колебание и констатация воспоминаний продолжают: *помнишь? — зачем помнить? — все надо помнить! — а помнишь?*

Первый откровенный для Настены и Андрея разговор с признанием о ребенке

насыщен столкновениями на разных уровнях: возникают столкновения слов, значений, жизненных ситуаций и их смыслов: *Господи! Но ведь тебя же нет! Тебя нет, Андрей, нет! — простонала Настена...; и неизвестно, живой ты или неживой.* Настена признается в том, что будет ребенок, и одновременно словно отказывается от него:

Выходило, что она отказывалась от ребенка; Но отказываться от него она не хотела — нет, жутко, не можно, казалось ей, взять на себя такую тяжесть — отречься от своих же собственных надежд...

В ответах Андрея возникают свои оппозиции: «там (на фронте) — здесь (в тылу)»; «в деревне среди людей — здесь в лесу как зверь»; «обязан одно — делаю другое»; «люди — звери»; «речь — вой»; «веселая жизнь — позор»; «отсутствие смысла жизни — шанс жить»; «он как волк — люди как собаки»; «пересуды — молчание» и др. В перемещениях главного героя по зимовейке, когда он подходит к дверям, открывает, воеет по-волчьи и затем, вернувшись в дом, то подходит к окну, то возвращается, чтобы прилечь около Настены, переданы движения, напоминающие непрерывное колебание маятника.

Природа за окнами зимовейки вторит движениям «туда-обратно»: порывы ветра *изредка бестолково налетали и опадали то у одной, то у другой стены.* Стихийные колебания дополняются, укрепляются мотивом прожитой жизни, невозвратного времени: *но этих-то годов всё равно не воротить. Они прошли.*

Другой содержательный аспект качания маятника — оппозиция «подвиг — преступление». Андрей понимает духовную высоту жены и низость своего поступка. Так приходит мысль: *Тебе бы не меня, а кого другого,* порождающая новые антиномии: «она — я», «другой человек — я». Присутствующий имплицитно мотив движения маятника в конце диалога поднимается на поверхность художественной ткани повести с помощью прямого сравнения, чем подчеркивает значимость эпизода в развитии мотива времени:

Разговор ни за что особенно не цеплялся и был ненатужным, легким, покачиваясь, как маятник, который мог в одной стороне задержаться больше, в другой меньше, мог, где хотел, остановиться и снова задвигаться туда и сюда.

После прямого сравнения мотив времени вновь уходит в глубь текста, развиваясь в переключках «помнишь» и постоянных обращениях к теме памяти, в движениях мысли от полюса «помнить» к полюсу «забыть» с разными оттенками и нюансами. Обращение Андрея к памяти запускает движение маятника:

Не сможешь, Настена, вот *попомни* мои слова;

Не хочешь, значит, зло *помнить*. Ну, нет так нет. Хотя для меня, наверно, было бы легче, если бы *помнила*.

Маятник памяти в душе молодой женщины, встревоженный толчками слов мужа, раскачивается все сильнее и сильнее:

Ты же *помнишь*: мне многого не надо. <...> Не *помню*, что было, и не вижу, что будет;

Помнишь, поди: сошли мы с парохода, я глаз боюсь поднять, на ровном месте спотыкаюсь. *Помнишь?*;

Помнишь? Заходили к Вите Березкину, к Максиму Вологжину, к другим. Я *забыла* тебе сказать...;

Помнишь, утром ты не пошел на свою учебу...; *Помню*, ты еще купил мне конфеток в бумажках...;

Помнишь? Кино смотрели! Ишь что *из памяти* чуть было *не выскочило*. Совсем закоулочная какая-то сделалась *память*: главное не держит; А дальше, дальше-то *помнишь*, Андрей?

Полнозначный ключевой в тексте произведения глагол *помнить* меняет свой статус, переходя в разряд вводных конструкций со значением неуверенности. Неоднократный повтор формы *помнишь* в речи Настены дает представление о концентрации воспоминаний и противоречивости их в сознании одного человека, передает движение мысли между *помню* и *забыла*. Синтаксические конструкции-обращения свидетельствуют о желании совместных воспоминаний. Но вопрошания героини остаются безответными.

Вначале, следуя за воспоминаниями жены, Андрей уходит в свои воспоминания, на свой край — фронт, госпиталь, измену:

Он тоже помнил всё это, но как-то сухо, смутно, бедно и торопливо, словно это было и не с ним, а с кем-то до него, с кем-то, кто отдал ему свою память. Что теперь делать с ней, он не знал.

Общая память, память о начале семейной жизни, стала чужой для Андрея, раскололась на две части. О двух частях — прежней памяти, отчужденной от себя, и воспринимаемой как сильная, живая боль, и нынешней памяти — он думает так:

Она, живая и пытливая, ничего, кроме страданий, доставить ему не могла: с его собственной памятью она не уживалась. Они отказывались понимать друг друга; в одной посудине они умудрялись занимать совсем разные места, не мешаясь и не переступая установленную границу.

Воспоминания приходят неожиданно, наплывами, с возвратами и многократными мучениями:

Это последнее, относящееся к войне воспоминание всегда являлось неожиданно и властно, держало долго, безжалостно, до содрогания, до ужаса четко высвечивая каждую подробность, — множество раз уже Андрей Гуськов вынужден был переживать одно и то же, одно и то же.

Внутренний маятник в памяти Андрея Гуськова выявляет оппозиции «тепло — холод», «здесь — там» и только понятную ему «подвиг — предательство», «бой — побег». Понимание этого причиняет ему душевную боль, которую Андрей и ощущает, пытаясь следовать за воспоминаниями жены.

В целом главный для обоих разговор открывает противоречивость между памятью одного и памятью другого, противоречивость, полярность памяти самого Андрея, ее раскол и отчуждение. Качание воспоминаний происходит от одного человека к другому — от мужа к жене, от жены к мужу, и одновременно во внутренних полюсах памяти каждого. Для Настены это качание между счастливым, отрадным, сладким «помню» и горестным «забыла», для Андрея — между памятью жизни до войны, ставшей чужой для него, отторгнутой им, и фронтовой мучительной памятью, свидетельствующей о переломе в его судьбе. Общая семейная память расходится на два края — память жены и память мужа, и это равнозначно оппозициям «здесь — там», «деревня — фронт», «правда — ложь», «любовь — равнодушие», «самоотверженность — эгоизм», «подвиг — преступление». Двойной раскол внутри памяти самого человека мучителен у Андрея. Внутренней рифмой к многочисленным *а помнишь* в двух диалогах Настены и Андрея звучит

краткий и лаконичный обмен репликами *помнишь* между Михеичем и Семеновной, свекром и свекровью Настены:

Помнишь, как ты раньше поперед всех взбегала на елань? — *Помню...* как *не помню...* Ты бы уж, Федор, *не поминал*, не бередил меня.

Здесь маятник воспоминаний качнулся и затих. Оба супруга молчат, внутри проживая единое прошлое, находясь внутри общей памяти.

Конец важного в жизни Андрея и Настены разговора озаглавлен зримым образом маятника, реализованного в жестах и движениях человека:

Он обхватил руками голову и, быстро двигая ею из стороны в сторону, словно пытаясь сорвать непосильную тяжесть, простонал.

Подобное движение еще дважды воспроизводится в ситуации одной из последних встреч Гуськова с женой:

Андрей подвинулся к ней ближе, но не обнял, как она насторожилась, а закачался *маятно* вперед-назад;

...решительно, широкими взмахами покачал головой.

Лексические средства выразительности передают движения человека как движение маятника часов, выделяя метафорой точности качания — «вперед» и «назад» — в значении нравственных позиций (преступление — раскаяние), осмысливаемых главным героем.

Интересно, что при описании состояния Настены в ситуации первой встречи с мужем в авторской речи возникает образ прочного и почти бесчувственного механизма, который несет охранительную службу. Мотив качания в движениях Настены в повести развивается, и эмоционально напряженные состояния молодой женщины выделяются как маятниковые. Вот в одном из разговоров с мужем *прижав к груди руки, словно защищаясь, и качая головой, чтоб не слышать и не понимать, Настена взмолилась*. В конце повести мотив маятника в образе Настены наиболее прозрачен:

Делать она ничего не делала, ни за что не бралась, мыкалась и мыкалась с опущенными руками из угла в угол, из избы на улицу и обратно, будто что-то искала, чего-то ждала — и не находила, не могла дожидаться.

Этому способствуют лексические средства: повторяющийся глагол несовершенного вида *мыкалась* передает многократность однотипных движений. Будучи встроенным в ряд «отрицательных» глаголов, указывающих на бездействие героини, просторечная форма раскрывает внутреннее состояние Настены, метания ее души. Движение маятника рисует синтаксис текста: *делать не делала, мыкалась и мыкалась, из угла в угол, из избы на улицу и обратно*, — подчеркивающий бессмысленность ожиданий героини. За образное выражение качания маятника можно принять и переезды Настены с одного берега Ангары на другой. Символично, что ходики (часы с маятником) в доме Надьки, где жила в последние дни Настена, перед ее уходом из дома остановились.

В художественном мире повести Андрей и Настена сами становятся частью большого часового механизма, крайними точками качания маятника. Но общая образная система произведения гораздо сложнее, в ней каждый из героев принимает в себе образ маятника как приближение времени к исходу.

Интересно, что в конце повести двойные, бинарные конструкции образов, слов, связанных с мотивом времени и течения жизни, сменяются тройными:

На душе от чего-то было тоже празднично и грустно, как от протяжной старинной песни, когда слушаешь и теряешься, чьи это голоса — тех, кто живет сейчас, или кто жил сто, двести лет назад. Смолкает хор, вступает второй... И подтягивает третий... Нет, сладко жить; страшно жить; стыдно жить.

На смену бинарным сочетаниям *празднично — грустно, слушаешь — теряешься* приходит трехкомпонентная конструкция *кто живет сейчас — кто жил сто лет назад — кто жил двести лет назад*, и в конце фразы уже в полной мере развертываются две трехсоставные композиции: *хор первый — второй — третий, сладко — страшно — стыдно*. Маятник часов жизни словно замирает, приостанавливает движение на середине — и его колебания вот-вот затихнут совсем. Но перед тем как он остановится, возникает необычное состояние души молодой женщины, согласное мерцанию, стрелению, трепету неба:

Далеко-далеко изнутри шло мерцание, как из жуткой красивой сказки, — и в нем струилось и трепетало небо.

Механическое движение маятника часов отступает перед неизмеримостью жизни человека и ее вечностью.

Синтаксические конструкции, передающие мотив качания маятника, регулярно употребляются в тексте повести. Например, в размышлениях Андрея Гуськова встречаются однокоренные антонимические сочетания «императив — отрицательный инфинитив»: *Расхлебывай — не расхлебать, кайся — не раскаяться*; бессоюзные неполные предложения со значением противопоставления: *Ехал ненадолго — застрял совсем, думал о Настене — оказался у Тани*; антонимичные пары с условной семантикой: *не сегодня — так завтра, не завтра — так послезавтра*; сочинительные сочетания с разделительными и соединительными союзами, включающие компоненты-антонимы: *плохо ли, хорошо ли; не лучше и не хуже; нужна она или нет, можно ее показывать или нельзя*; устойчивые выражения: *либо пан, либо пропал* и многие другие.

Уже при первой встрече Андрея и Настены обнаруживаются сквозные для текста повести оппозиции: *за это не прощают* (о фронте) — *попрошу прощения, что сломал ей жизнь*; *Надежда, надежда...<...>. Нет у них никакой надежды*; *Был — и сплыл; Кто в воздухе, кто в земле, кто мается по белу свету, кто прячется, кто не помнит себя...*; *Вот и я тоже: то ли есть, то ли нет*. Они концентрируются в содержании произведения, определяя его смысловые узлы.

Синтаксические конструкции *то..., то...; не то..., не то...; ... или ...; ...и то же, ...и то же; ...— не...; хоть..., хоть...; то ли..., то ли...* и т. п., усиленные языковыми и контекстуальными антонимами, несут семантику двойственности, выявляют диалектику — динамику полярного.

Подобные структуры помогают автору воссоздать единую модель времени. Образ и мотив качающегося маятника часов — символ течения времени в повести и его необратимости. Как неизбежна ответственность человека за содеянное не только перед людьми, но и перед судом Всевышнего.

Постоянное, то усиливающееся, то затихающее движение маятника, присутствующее в повести Валентина Распутина

«Живи и помни» на разных его уровнях, расширяет возможности эпического времени как событийного за счет введения лирического времени. «Лирическое время, или внефабульное» [Медриш 1974: 133], качественно другое, стоит над линейным событийным и историческим и их комбинациями. Лирическое время имеет иные характеристики и художественно выразительные возможности. Время «выражается в лирике самым движением ритмическим и мелодически организованных строк» [Там же].

Выводы. Художественное сознание автора в повести «Живи и помни» находится над событийным временем — над историческим, биографическим и социальным, выделяя в качестве формообразующего движение сверхвремени, движение, предопределенное вечной жизнью, ожиданием Божьего суда. Этим не земным — судом крестьянского мира, деревни, людей или государства, а судом свыше, гласом небес становится выбор Настены, которая была для мужа всем белым светом (*всё на тебе сошлось-свехалось*). Она «разом спасает и судит» Андрея Гуськова [Дырдин 1982: 646]: спасает физически, а судит высшим судом, давая возможность вспомнить о спасении души.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дырдин А. О повестях Валентина Распутина // *Распутин В. Г. Четыре повести*. Л.: Лениздат, 1982. С. 640–653.
2. Иванов Вяч. Вс. Избранные труды по семиотике и истории культуры: в 7 т. Т. 1. М.: Языки русской культуры, 1998. 912 с.
3. Иванова В. Я. Маятник эсхатологического времени в повести В. Г. Распутина «Последний срок»: способы художественной

выразительности // *Время как объект изображения, творчества и рефлексии: Международная научная конференция (Иркутск, 27 июня–1 июля 2010 г.): материалы / отв. ред. И. И. Плеханова. Иркутск: Изд-во Иркутского гос. ун-та, 2010. С. 357–363.*

4. Иванова В. Я. Образ часов в творчестве Валентина Распутина // *Литература в школе*. 2017. № 10. С. 10–13.

5. Медриш Д. Н. Структура художественного времени в фольклоре и литературе // *Ритм, пространство и время в литературе и искусстве / отв. ред. Б. Ф. Егоров. Л.: Наука, 1974. С. 121–142.*

REFERENCES

1. Dyrdin A. About the stories of Valentin Rasputin. *Rasputin V. G. Chetyre povesti = Four tales*. Leningrad: Lenizdat. 1982. P. 640–653. (In Russ.).
2. Ivanov V. V. Selected works on semiotics and cultural history: in 7 vol. Vol. 1. Moscow: Languages of Russian Culture. 1998. 912 p. (In Russ.).
3. Ivanova V. Ya. The pendulum of eschatological time in V. G. Rasputin's story "The Last Term": Methods of artistic expression. *Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya "Vremya kak ob'ekt izobrazheniya, tvorchestva i refleksii" = International scientific conference "Time as an object of image, creativity and reflection"*. Irkutsk, 27 June – 1 July 2010 / I. I. Plekhanova (ed.). Irkutsk: Publishing House Irkutsk State University (ISU). 2010. P. 357–363. (In Russ.).
4. Ivanova V. Ya. The clock image in the books by Valentin Rasputin. *Literatura v shkole = Literature at school*. 2017. No. 10. P. 10–13. (In Russ.).
5. Medrish D. N. The structure of artistic time in folklore and literature. *Ritm, prostranstvo i vremya v literature i iskusstve = Rhythm, space and time in literature and art*. B. F. Egorov (ed.). Leningrad: Science, 1974. P. 121–142. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Валентина Яковлевна Иванова, кандидат филологических наук, кандидат культурологии, доцент, кафедра новейшей русской литературы, Институт филологии, иностранных языков и медиакоммуникации, Иркутский государственный университет

Valentina Ya. Ivanova, Cand. of Sci. (Philol.), Cand. of Sci. (Culturology), Associate Professor, Department of modern Russian literature, Institute of Philology, Foreign Languages and Media Communication, Irkutsk State University

Статья поступила в редакцию 19.02.2020; одобрена после рецензирования 13.04.2020; принята к публикации 02.05.2020.

The article was submitted 19.02.2020; approved after reviewing 13.04.2020; accepted for publication 02.05.2020.

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81'42.811.161.1

DOI: 10.30515/0131-6141-2021-82-2-43-48

Тема творчества в лирике А. А. Вознесенского (на материале стихотворения «Скульптор свечей»)

Татьяна Николаевна Колокольцева

Волгоградский государственный социально-педагогический университет, г. Волгоград, Россия, tatnk@inbox.ru

Аннотация. Целью настоящей статьи является лингвопоэтический анализ стихотворения А. А. Вознесенского «Скульптор свечей». В центре внимания находится лексическая организация произведения, в частности текстовые ассоциативно-смысловые поля, символика и метафорика стихотворения, а также его интертекстуальные связи. Стихотворение посвящено теме творчества, которое предстает в произведении как духовное горение, требующее от человека наивысшего напряжения сил и полной самоотдачи. Лексика, связанная с темой творчества, формирует ассоциативно-смысловые поля текста, определяет его базовые метафоры и символы. Стихотворение имеет отчетливо выраженные интертекстуальные связи: отсылки к античной легенде о скульпторе Пигмалионе, аллюзии к поэтическим произведениям В. В. Маяковского и Б. Л. Пастернака, а также к тексту православной молитвы «Отче наш».

Ключевые слова: стихотворный текст, тема творчества, идейно-художественная специфика, ритмические особенности, лексическая организация, ассоциативно-смысловые поля художественного текста, символы, метафоры, интертекстуальность

Для цитирования: Колокольцева Т. Н. Тема творчества в лирике А. А. Вознесенского (на материале стихотворения «Скульптор свечей») // Русский язык в школе. 2021. Т. 82, № 2. С. 43–48. DOI: 10.30515/0131-6141-2021-82-2-43-48.

ORIGINAL RESEARCH ARTICLE

The theme of creativity in the lyrics of A. A. Voznesensky (on the poem "Candle sculptor" ("Skul'ptor svechei"))

Tatyana N. Kolokoltseva

Volgograd State Socio-pedagogical University, Volgograd, Russia, tatnk@inbox.ru

Abstract. The author carries out a linguopoetic analysis of A. A. Voznesensky's poem "Candle Sculptor" ("Skul'ptor Svechei") with a particular focus on its lexical composition and textual associative meaning fields, as well as symbolic, metaphoric and intertextual connections. The poem is devoted to the theme of creativity, which appears in the work as spiritual burning requiring the highest effort and complete dedication from a person. The vocabulary associated with the theme of creativity constructs associative semantic fields, thus determining the basic metaphors and symbols of the text. The poem contains clearly expressed intertextual connections: references to the ancient legend about the sculptor Pygmalion, allusions to the poetic works of V. V. Mayakovsky and B. L. Pasternak, as well as to the text of the Orthodox prayer "Our Father" ("Otche Nash").

Keywords: poetic text, creativity theme, ideological and artistic specificity, rhythmic features, lexical organisation, associative and semantic fields of a literary text, symbols, metaphors, intertextuality

For citation: Kolokoltseva T. N. The theme of creativity in the lyrics of A. A. Voznesensky (on the poem "Candle sculptor" ("Skul'ptor svechei")). *Russkii yazyk v shkole = Russian language at school*. 2021. Vol. 82, No. 2. P. 43–48. DOI: 10.30515/0131-6141-2021-82-2-43-48. (In Russ.).

Введение. Андрей Андреевич Вознесенский относится к числу наиболее ярких фигур среди российских поэтов второй половины XX в. Его поэзия отличается тематическим разнообразием, смелыми экспериментами в области ритмической организации, яркостью и неповторимостью используемых изобразительно-выразительных средств, в частности блестящей индивидуально-авторской

метафорикой. Тема творчества является одной из значимых для А. А. Вознесенского (см. поэму «Мастера», цикл «Мой Микеланджело», стихотворение «Творчество» и др.).

Стихотворение «Скульптор свечей» было написано А. А. Вознесенским в 1977 г. Оно вошло в одноименный цикл и является одним из лучших произведений в его составе. Печаталось в нескольких поэтических

сборниках А. А. Вознесенского, в том числе в «Аксиоме самоиска» (1990), включено в трехтомное собрание сочинений (1983–1984) и в сборник «Стихотворения и поэмы» (2015). Вместе с тем данное лирическое произведение является достаточно сложным для понимания и интерпретации.

Методы. Для изучения лексической организации текста мы применили метод моделирования текстовых ассоциативно-смысловых полей, разработанный представителями Томской школы коммуникативной стилистики во главе с Н. С. Болотновой. Вслед за учеными мы исходили из того, что ассоциативно-смысловые поля художественного текста, отраженные в сознании читателя, организуются лексическими структурами разных типов. Такие поля «объединяют словные и неоднословные единицы, связанные парадигматически и синтагматически, и соотносятся с одним концептом» [Коммуникативная стилистика... 2001: 130–131].

Анализ. Лексические структуры рассматриваемого произведения группируются в рамках двух пересекающихся ассоциативно-смысловых полей (АСП): «Горение» (в двух его составляющих – физической и духовной) и «Творчество». При этом АСП «Горение» является более обширным и развернутым и включает в себя множество ассоциатов, пронизывающих весь текст и представленных почти во всех строках. Приведем некоторые из этих ассоциатов:

1 строфа: *скульптор свечей; лучшая в мире свеча; спички; пылаешь великоленно;*

2 строфа: *Было ль, чтоб мать поджигала ребенка?; Разве сжигал своих детищ Коненков?; Как ты горишь!;*

3 строфа: *красного воска; как ты горишь;*

4 строфа: *как ты горишь;*

6 строфа: *пламя, пронзающее без пощады, и т. д.*

АСП «Творчество» также является достаточно развернутым. К нему относятся, в частности, следующие ассоциаты:

1 строфа: *Скульптор свечей, я тебя больше года вылепливал; Ты – моя лучшая в мире свеча;*

2 строфа: *Коненков¹;*

4 строфа: *Как я лепил свое чудо и чадо!;*

8 строфа: *Скульптор свечей, я тебя позабуду...*

Анализ лексической организации текста и его концептосферы позволяет сформулировать идейно-содержательную специфику произведения следующим образом. Творчество требует от человека наивысшего напряжения сил и полной самоотдачи (духовное горение). В настоящем художнике всегда присутствует божественное начало (см., например, следующие микроконтексты: *Краткое время – вечная вера; если ты верно назвал свое имя, значит, сгораю во имя Твое*). Творение для настоящего художника словно ребенок (*Как я лепил свое чудо и чадо!*) и любимая женщина одновременно. Результаты творчества способны подарить художнику (творцу) счастье и высшую радость. Но всегда существует опасность лишиться своего божественного дара, если подменить творчество ремесленничеством и банальным зарабатыванием денег.

Стихотворение композиционно делится на две части. Первая часть (строфы 1–7) посвящена характеристике творчества как процесса духовного горения и отношению художника к своему творению. Во второй части (строфы 8–9) речь идет о том, что происходит с художником, если он изменяет своему божественному предназначению.

Данное стихотворение отличается достаточно свободной ритмической организацией. Стихотворение характеризуется полиметрией², имеет сложный метр, в рамках которого совмещаются трехсложные и двусложные размеры.

Большинство из стихов полностью состоит из дактилических стоп, например:

Ты – моя лучшая в мире свеча.

100/100/100/1

На два часа в тебе красного воска.

100/100/100/10

Как я лепил свое чудо и чадо!

100/100/100/10

Приведенные стихи написаны четырехстопным дактилем с усеченной четвертой стопой (хотя здесь не исключена возможность квалифицировать последнюю стопу как хорейческую).

¹ Конёнков Сергей Тимофеевич – известный российский скульптор (1874–1971), создавший целую галерею скульптурных портретов творческих личностей.

² Подробнее о полиметрии см.: Москвин В. П. Язык поэзии. Приемы и стили: терминологический словарь. М.: Флинта, 2017. С. 289, 371–374; а также: [Москвин 2009: 200–210].

В других стихах (см. строфы 4, 5) чередуются стопы дактиля и хорей, что позволяет говорить о таком размере, как дактилохорей, например:

Кружится разум. Это от чада.
/100/10/100/10/
Это от счастья, как ты горишь!
/100/10/100/1/
Краткое время — вечная вера.
/100/10/100/10/
Краткое тело — черный фитиль.
/100/10/100/1

Неровность, скачкообразность ритма создается не только за счет чередования трехсложного размера (дактиль) с двусложным (хорей), но и за счет неодинакового числа стоп в пределах стиха. Количество стоп в стихе в основном колеблется в диапазоне от 2 до 5, однако преобладают четырехстопные стихи. На этом фоне в ритмическом и смысловом планах выделяются 2-я и 3-я строфы, каждая из которых имеет краткий заключительный стих, куда входит одна полная стопа дактиля и одна усеченная стопа, состоящая только из ударного слога: *Как ты горишь!* (100/1). Эти повторяющиеся строки представляют собой риторическое восклицание, передающее восхищение совершенством творения.

В произведении наблюдается сочетание женской рифмы (ребенка — Коненков; воска — сестры) с мужской (свеча — брэнча — палача; афиш — горишь). При этом в тексте имеется значительное количество рифм неточных (воска — сестры; прощаю — пощады; позабуду — отсюда — простуды и др.). Отметим также достаточно интересные случаи неравносложной рифмовки слов с дактилической и женской клаузулами в первой строфе (вылепливал — велико-ленно) и наличие серии рифмантов, созвучных ключевому глаголу *горишь* во 2, 3 и 4-й строфах (*горишь — барыш — афиш — крыш*).

Стихотворение состоит из девяти строф, среди которых преобладают четверостишия (их шесть), сосредоточенные в основной части текста. Кроме того, в произведении представлено по одному пятистишию, семистишию и двустиишию, которые обрамляют серию катренов. При этом пятистишие (с подстроцием в первом стихе) расположено в начале текста, а семистишие и двустиишие — в конце стихотворения. Во всех катренах использована перекрестная

рифмовка (АВAB), в начальной строфе наблюдается рифмовка по схеме АВВАВ, в заключительных строфах — рифмовка по схеме ААВABAB — АВ.

Стихотворение «Скульптор свечей» представляет большой интерес в плане интертекстуальных связей. По всей видимости, данное произведение навеяно античной легендой о Пигмалионе и Галатее, известной читателям в интерпретации Публия Овидия Назона («Песни любви», «Метаморфозы», книга 10).

Скульптор свечей в анализируемом произведении А. А. Вознесенского, благодаря таланту и кропотливой многодневной работе, создал *лучшую в мире свечу*. Она для своего создателя одновременно *чудо и чадо*, совершенное воплощение прекрасного женского образа, по сути, его Галатея.

Стихотворение А. А. Вознесенского, на наш взгляд, содержит интертекстуальные отсылки к поэзии В. В. Маяковского и Б. Л. Пастернака. Оба поэта были для А. А. Вознесенского знаковыми фигурами. Андрей Вознесенский считал себя последователем Владимира Маяковского и был единственным учеником Бориса Пастернака, дружба с которым длилась долгие годы.

Упоминание о незажженных светильах в пятой строфе стихотворения А. А. Вознесенского (*Круглые свечи. Красные сферы. // Белый фитиль незажженных светил*) аллюзивно отсылает читателя к поэме В. В. Маяковского «Послушайте!». Приведем небольшой фрагмент начала поэмы:

Послушайте!
Ведь, если звезды зажигают —
значит — это кому-нибудь нужно?
Значит — кто-то хочет, чтобы они были?

Ключевым в анализируемом произведении А. А. Вознесенского является образ-символ *свеча*, благодаря которому устанавливается интертекстуальная перекличка данного текста с известным стихотворением Б. Л. Пастернака «Зимняя ночь»:

Мело, мело по всей земле
Во все пределы.
Свеча горела на столе,
Свеча горела.
Как летом роем мошकारа
Летит на пламя,
Слетались хлопья со двора
К оконной раме.

Метель лепила на стекле
Кружки и стрелы.
Свеча горела на столе,
Свеча горела.

Пастернаковскую свечу как символ надежды, жизни и любви, несомненно, можно считать отправной точкой для развития и обогащения значений данного символа в стихотворении А. А. Вознесенского.

В седьмой строфе текста есть еще одна важная интертекстуальная отсылка. Прочитируем эту строфу полностью:

Благодарю, что на миг озаримо
мною лицо твое и жилье,
если ты верно назвал свое имя,
значит, сгораю *во имя Твое*.

В последнем стихе, по всей видимости, содержится аллюзия к православной молитве «Отче наш». Данная аллюзия призвана донести до читателя идею о божественном предназначении художника, о том, что талант даруется Богом.

Заслуживает специального обсуждения метафорическая составляющая текста. В. П. Катаев в свое время давал высокую оценку метафорике А. А. Вознесенского: «Его строительный материал — метафоры, смонтированные на конструкциях свободного ритма, не связанного никакими правилами канонического стихосложения и подчиненного одной-единственной повелительнице: мысли».

Поразительны метафоры поэта! Он никогда не унижается до упрощенных сравнений, не требующих от читателя творческого усилия. Читать А. Вознесенского — искусство. <...>

Юрий Олеся говорил, что хочет написать книгу под названием «Депо метафор». Книги Вознесенского всегда депо метафор» [Катаев 1970: 7].

В стихотворении «Скульптор свечей» представлен ряд ярких индивидуально-авторских метафор. Ключевой из них, безусловно, является метафора *скульптор свечей*, которая выступает как название произведения, давшего имя соответствующему стихотворному циклу. Непосредственно в тексте анализируемого произведения данная метафора встречается дважды, причем оба раза в сильных позициях. Это не только абсолютное начало текста, но и начало каждой из двух его композиционных частей:

(1) *Скульптор свечей*, я тебя больше года

вылепливал.

(2) *Скульптор свечей*, я тебя позабуду...

В семантике метафорического словосочетания *скульптор свечей* одинаково важными считаем и стержневой, и зависимый компоненты. В «Словаре русского языка» под ред. А. П. Евгеньевой значение существительного *скульптор* толкуется как «художник, создающий произведения скульптуры»³. Зависимый компонент словосочетания (*свеча*) имеет символический характер. Под символом мы понимаем многозначный предметный образ, соединяющий разные планы изображаемого (внешний и внутренний).

Свеча представляет собой один из емких и многогранных символов. В энциклопедиях и справочниках, посвященных проблемам символики, свеча характеризуется как «символ связи с Богом, космосом, иными мирами; определяет точку встречи посюстороннего с потусторонним». Свечу порой сравнивают с человеком: задуть свечу — прервать течение жизни, бытия. Недаром говорят, что жизнь угасла, как свеча. Свеча, кроме того, сравнивается с источником тепла, ассоциируется с человеческой душой — быстро возгоревшей и призванной к жизни, но также быстро и окончившей свои дни⁴. В поэтических текстах свеча нередко выступает как символ жизни, бытия, творческого озарения. На наш взгляд, в анализируемом стихотворении А. А. Вознесенского в существительном *свеча* актуализируются прежде всего такие символические значения, как «творчество» и «женское начало». И если первое из значений не требует комментариев, то наличие второго нуждается в некоторых дополнительных обоснованиях.

Напомним читателю высказывание Г. О. Винокура: «Слово, имеющее только множественное число, способно в поэзии, независимо от своего реального значения, быть носителем образа множественности, слово женского рода — носителем женского образа и т. д.» [Винокур 1991: 29]. Рассматриваемое символическое значение существительного (*свеча* — женщина) актуализируется в тексте через ряд антропоморфных метафор: *Где-то у коек чужих*

³ Словарь русского языка: в 4 т. Т. 4 / под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1988. С. 125 (МАС).

⁴ Энциклопедия символов, знаков, эмблем. М.: Локид: Миф, 1999. 556 с.

и афиш / стройно **вздохнут** твои краткие сестры; краткое **тело** — черный фитиль; по позвоночнику фитиля; И у свечи, **нелюбимой** покуда, темный нагар на **реснице** набряк. О совершенстве созданного скульптором творения говорят 2-й стих начальной строфы (*Ты — моя лучшая в мире свеча*), а также представленные в первой части текста близкие по смыслу высказывания: **Как ты пылаешь великолепно** (строфа 1) и имеющий характер рефрена экспрессивный повтор **Как ты горишь!** (строфы 2, 3, 4).

Как уже отмечалось, в стихотворении представлен ряд ярких индивидуально-авторских метафор. Рассмотрим еще одну из них (из четвертой строфы стихотворения): **Вёсны кадили. Капало с крыш.**

Прямое значение глагола *кадить* характеризуется в МАС следующим образом: «Раскачивая в руке кадило, курить ладаном, ароматическими веществами (при исполнении религиозного обряда)...» Переносное значение данного слова определяется как ‘восхвалять кого-л., лстить кому-л.’⁵. Как мы видим, в произведении А. А. Вознесенского значение данного глагола не соответствует словарным. Можно предположить, что в рамках метафорического сочетания *Вёсны кадили* восходящий к церковно-религиозной сфере глагол *кадить* передает значение ‘распространять ароматы, связанные с весенним пробуждением природы’.

Значимой для данного стихотворения является и цветовая символика. Воплощающие ее прилагательные-колативы сконцентрированы в пятой строфе текста. Приведем ее полностью:

Круглые свечи. Красные сферы.
Белый фитиль незажженных светил.
Краткое время — вечная вера.
Краткое тело — черный фитиль.

Итак, в этом контексте присутствуют прилагательные *красный, белый, черный*. Каждое из них обладает сложной символикой. Согласно данным «Энциклопедии знаков и символов», **белый** цвет символизирует чистоту, радость, праздник, истину и откровение, неомраченную невинность, жертвенность, божественность, духовность и святость. **Черный** цвет, представляющий

собой противоположность белому цвету, является символом греха, небытия, всего несуществующего. <...> Цвет угля, он напоминает о процессе горения и содержит в себе идею воскрешения. Наконец, **красный** цвет чаще всего связывается с кровью и огнем. В верованиях христиан этот цвет символизировал Огонь и Божественную Любовь и ассоциировался со святостью и поклонением. В народной символике ярко- или светло-красный цвет служит цветом любви⁶. Представляется, что в стихотворении А. А. Вознесенского актуализируется большинство из перечисленных символических значений цветовых прилагательных *красный, белый, черный*, благодаря чему усиливается образная составляющая произведения.

Обратим внимание на то, что в пятой строфе доминируют визуальные образы, делается очевидный акцент на цвете и форме. Выразительность данной строфы обусловлена и ее архитектурикой, прежде всего активным использованием синтаксического параллелизма, звуковых повторов, а также наличием антитезы (*Круглые свечи. Красные сферы; Краткое время — вечная вера. Краткое тело — черный фитиль*).

При этом *свечи*, которые в обыденном сознании существуют как предметы достаточно утилитарные, не случайно вырастают здесь до масштаба *светил*. Согласно данным МАС, существительное *светило* в прямом значении — это ‘небесное тело, излучающее свет’, а в переносном — ‘человек, прославившийся в какой-л. сфере деятельности; знаменитость’⁷.

Выводы. Анализ лексической организации текста и концептосферы стихотворения А. А. Вознесенского «Скульптор свечей» позволяет утверждать, что центральной для произведения является тема творчества. В данном лирическом тексте оно предстает как духовное горение, требующее от человека полной самоотдачи. Талант художника — божественное начало, которого можно лишиться, если подменить творчество банальным зарабатыванием денег. Лексика, связанная с темой творчества как процесса духовного горения,

⁶ Энциклопедия знаков и символов [Электронный ресурс]. URL: <http://www.symbolarium.ru/index.php/> (дата обращения: 10.08.2019).

⁷ МАС-1988. Т. 4. С. 45.

⁵ МАС-1986. Т. 2. С. 13.

пронизывает весь текст и формирует его ассоциативно-смысловые поля. На данную тему ориентированы ключевые метафоры и символы текста.

Стихотворение «Скульптор свечей» характеризуется отчетливыми интертекстуальными связями. В основе произведения лежит авторская интерпретация античной легенды о скульпторе Пигмалионе и его прекрасном создании — Галатее. Стихотворение А. А. Вознесенского содержит интертекстуальные отсылки к поэтическим произведениям В. В. Маяковского и Б. Л. Пастернака, а также тексту православной молитвы «Отче наш».

Как и многие другие произведения А. А. Вознесенского, стихотворение «Скульптор свечей» характеризуется достаточно свободной ритмической организацией. Чередование трехсложного размера (дактиль) с двусложным (хорей), стопная и строфная полиметрия придают тексту непринужденную тональность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Винокур Г. О. О понятии поэтического языка // Винокур Г. О. О языке художественной литературы / сост. Т. Г. Винокур. М.: Высшая школа, 1991. С. 24–32.
2. Вознесенский А. А. Аксиома самоиска. М.: СП «Икпа», 1990. 561 с.
3. Вознесенский А. А. Собрание сочинений: в 3 т. Т. 2. М.: Художественная литература, 1983–1984. С. 368–369.
4. Вознесенский А. А. Стихотворения и поэмы: в 2 т. СПб.: Изд-во Пушкинского Дома; Вита Нова, 2015. 533 с. + 453 с.

5. Катаев В. П. Немного об авторе // Вознесенский А. А. Тень звука. М.: Молодая гвардия, 1970. С. 3–9.

6. Коммуникативная стилистика художественного текста: лексическая структура и идиостиль / под ред. проф. Н. С. Болотновой. Томск: Изд-во Томского государственного педагогического университета, 2001. 331 с.

7. Москвин В. П. Теоретические основы стиховедения. М.: Либроком, 2009. 320 с.

REFERENCES

1. Vinokur G. O. On the concept of poetic language. Vinokur G. O. *O yazyke khudozhestvennoi literatury = On the language of fiction*. Moscow: Higher school, 1991. P. 24–32. (In Russ.).
2. Voznesensky A. A. Axiom of self-search. Moscow: SP «Ikpa», 1990. 561 p. (In Russ.).
3. Voznesensky A. A. Collected works: in 3 vol. Vol. 2. Moscow: Fiction, 1983–1984. P. 368–369. (In Russ.).
4. Voznesensky A. A. Poems and poems: in 2 vol. Saint-Petersburg: Pushkin House publ.: Vita Nova, 2015. 533 p.; 453 p. (In Russ.).
5. Kataev V. P. A little about the author. Voznesensky A. A. *Ten' zvuka = Shadow of sound*. Moscow: Young Guard, 1970. P. 3–9. (In Russ.).
6. Bolotnova N. S., Babenko I. I., Vasilyeva A. A. et al. Communicative stylistics of artistic text: lexical structure and idiostyle. Tomsk: Tomsk State Pedagogical University publ., 2001. 331 p. (In Russ.).
7. Moskvina V. P. Theoretical foundations of poetry. Moscow: Librokom, 2009. 320 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Татьяна Николаевна Колокольцева, доктор филологических наук, профессор, кафедра русского языка и методики его преподавания, Волгоградский государственный социально-педагогический университет

Tatyana N. Kolokoltseva, Dr. of Sci. (Philol.), Professor, Department of Russian Language and Methods of Teaching, Volgograd state socio-pedagogical University

Статья поступила в редакцию 04.09.2019; одобрена после рецензирования 10.09.2019; принята к публикации 05.10.2019.

The article was submitted 04.09.2019; approved after reviewing 10.09.2019; accepted for publication 05.10.2019.

ЗАГАДКИ ТЕКСТА

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81'42.811.161.1

DOI: 10.30515/0131-6141-2021-82-2-49-56

О звуковых трансформациях слов в современной русской поэзии**Ольга Сергеевна Храмушина***Волгоградский государственный социально-педагогический университет, г. Волгоград, Россия, hramushina.olga.angel@mail.ru*

Аннотация. Цель статьи состоит в определении видов и роли звуковых преобразований слов как одной из активных тактик современной русской поэзии. Актуальность исследования обусловлена недостаточным теоретическим освещением вопроса, решение которого значимо для адекватного анализа художественной речи. В ходе исследования использовались методы функционального и контекстуального анализа, обеспечившие рассмотрение данного феномена как элемента целостного художественного текста. В результате предпринятого исследования выявлены функции фонетических преобразований слов в поэтической речи, в частности: 1) *ритмическая* (первичная, связанная с природой стихотворной речи); 2) *иконическая*, в том числе функция создания *звуковой образности* (способствует лучшему выражению авторского замысла, обеспечивает участие фонетических трансформаций в отдельных видах стилизации); 3) *компрессивная* (отражает тенденцию к речевой экономии, ориентированную на разговорную речь и неполный произносительный стиль); 4) *текстообразующая* (становясь основным выразительным средством текста, звуковые трансформации могут определять его структуру); 5) *эвфемистическая* (трансформированный вариант слова формирует фонетическую аллюзию на его исходный вариант); 6) *комическая* (оригинальное звучание может порождать новые, в том числе игровые, иронические и иные смыслы). В результате анализа обоснован вывод о тесной связи фонетического эксперимента со смысловыми акцентами поэтических текстов. Результаты исследования расширяют имеющиеся в научной литературе сведения о звуковых преобразованиях слов, что открывает возможность практического применения полученных данных в рамках филологического анализа текста, в том числе и на уроках русского языка и литературы в школе.

Ключевые слова: поэзия, метр, рифма, ритм, повтор, аллитерация, ассонанс, стилизация, метаплазм

Для цитирования: Храмушина О. С. О звуковых трансформациях слов в современной русской поэзии // Русский язык в школе. 2021. Т. 82, № 2. С. 49–56. DOI: 10.30515/0131-6141-2021-82-2-49-56.

ORIGINAL RESEARCH ARTICLE

About phonetic transformations of words in modern Russian poetry**Olga S. Khramushina***Volgograd State Socio-Pedagogical University, Volgograd, Russia, hramushina.olga.angel@mail.ru*

Abstract. This article aims to determine the types and role of phonetic transformations of words as an active tactics applied in modern Russian poetry. This problem has not received sufficient theoretical attention, which is significant for an adequate analysis of artistic speech. The methods of functional and contextual analysis were applied allowing the phenomenon under study to be considered as an element of an integral literary text. As a result, the functions of phonetic transformations of words in poetic speech were revealed, in particular: 1) *rhythmic* (primary associated with the nature of poetic speech); 2) *iconic*, including the function of creating *sound imagery* (contributing to an enhanced expression of the author's intention and ensuring the participation of phonetic transformations in certain types of stylisation); 3) *compressive* (reflecting the tendency towards speech economy, focused on spoken speech and incomplete pronunciation style); 4) *text-forming* (sound transformations as the main expressive means of a text can determine its structure); 5) *euphemistic* (the transformed version of the word constructs a phonetic allusion to its original version); 6) *comic* (the original sound can generate new versions including game, ironic and other meanings). It is concluded

that there is a tight connection between phonetic experiments and the semantic accents made in poetic texts. The results of the study contribute to the existing scientific literature on phonemic transformations. The results can be applied when conducting a philological analysis of a text and at Russian language and literature lessons.

Keywords: poetry, meter, rhyme, rhythm, repetition, alliteration, assonance, stylisation, metaplasms

For citation: Khramushina O. S. About phonetic transformations of words in modern Russian poetry. *Russkii yazyk v shkole = Russian language at school*. 2021. Vol. 82, No. 2. P. 49–56. DOI: 10.30515/0131-6141-2021-82-2-49-56. (In Russ.).

Введение. Изобразительный потенциал языковых средств всегда имел особое значение для поэтической речи. Р. О. Якобсон пишет: «Поэзия есть язык в его эстетической функции» [Якобсон 1987: 275]. Реализуется она, по справедливому замечанию ученого, не только за счет семантики: «Деформация семантическая очень разнообразна в поэзии, и ей параллель — фонетическая деформация слова» [Там же: 298]. Этому суждению созвучны и взгляды Б. В. Томашевского, который, отмечая большую роль установки на выражение в поэзии, писал, что именно в ней «звуки речи приобретают большее значение и в некоторых условиях даже могут во впечатлении заслонить восприятие значения»¹.

Предоставляя «больше места индивидуальной свободе и выбору» [Балли 1955: 35], язык поэзии стремится избежать ситуации, когда «ни тропы, ни поэтические вольности больше ничего не говорят сознанию» [Якобсон 1987: 287], поэтому вовсе не случайны разнообразные проявления языковой игры, связанной со звуковой формой современного русского стиха. Становясь особым средством привлечения читательского внимания, а в некоторых случаях и авторской установкой, идиостилевые трансформации формальных элементов стиха нередко представляют собой значимое расширение функциональных возможностей средств языковой выразительности. Среди них заметное место ввиду своей очевидной частотности в современных поэтических текстах занимают **метаплазмы**. **Метаплазм** принято определять как «прием трансформации звукового или графического облика слова»². Их использование

в русской поэзии последних лет требует, на наш взгляд, особого исследовательского внимания по ряду причин.

Во-первых, метаплазмы на данном этапе развития науки о языке исследованы недостаточно. В специальной литературе термин *метаплазм* практически не встречается. Так, отсутствует он в авторитетном «Литературном энциклопедическом словаре»³, в справочнике «Русский язык. Энциклопедия»⁴, в «Литературной энциклопедии терминов и понятий»⁵, в словарях «Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий»⁶, в «Полном словаре лингвистических терминов»⁷ и др.

В работах, освещающих данное понятие, дискуссионным остается вопрос об отнесении метаплазмов к числу выразительных средств или ошибок («солецизмов»). В словаре Г. Г. Хазагеров метаплазмы включены в раздел «Ошибки: солецизмы и метаплазмы». Автор подчеркивает, что грамматика традиционно трактует их как ошибки, поэзия допускает возможность употребления, риторика же видит в них особые средства⁸. Подобные колебания восходят к античности, где понимание выразительных средств тесно переплеталось с представлениями о норме и ошибке. Так, еще Квинтилиан считал метаплазмы («преложение

³ Литературный энциклопедический словарь / под общ. ред. В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. М.: Советская энциклопедия, 1987. 750 с.

⁴ Русский язык. Энциклопедия / гл. ред. Ю. Н. Караулов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Большая российская энциклопедия: Изд. дом «Дрофа», 1997. 703 с.

⁵ Литературная энциклопедия терминов и понятий / гл. ред. и сост. А. Н. Николюкин. М.: Интелвак, 2001. 1600 с.

⁶ Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / гл. науч. ред. Н. Д. Тмарченко. М.: Изд-во Кулагиной: Intrada, 2008. 357 с.

⁷ Матвеева Т. В. Полный словарь лингвистических терминов. Ростов н/Д.: Феникс, 2010. 562 с.

⁸ Хазагеров Г. Г. Риторический словарь. М.: Флинта; Наука, 2009. С. 390.

¹ Томашевский Б. В. Теория литературы. Поэтика: учеб. пособие / вступ. статья Н. Д. Тмарченко; комм. С. Н. Бройтмана при участии Н. Д. Тмарченко. М.: Аспект Пресс, 1996. С. 82.

² Москвин В. П. Язык поэзии. Приемы и стили: терминологический словарь. М.: Флинта, 2017. С. 200.

букв или слогов») «извинительными» недостатками поэтической речи, вызванными необходимостью соблюдать меру стиха [Квинтилиан 1834: 43]. Между тем наличие выразительной функции позволяет противопоставить метаплазмы, используемые на правах поэтической вольности, ошибкам. Заметим, что разграничение ошибок и художественных приемов затруднительно также для учащихся, что актуализирует необходимость методического освещения данного вопроса.

Разночтения встречаются и при интерпретации метаплазмов. Так, некоторые ученые определяют афферезис как «риторическое удаление слога — безударного или ударного — в начале слова для создания нового термина или выражения», а апокопу как «удаление слога или буквы в конце слова» [Rahman, Weda 2019: 47, 48], между тем в подобных случаях объектом удаления далеко не обязательно оказываются «слог или буква», ср.: *...для кого-то в нем спаситель на осле, / для меня, признаться, продолжение сле...* (А. Маркман. Из частиц). Как видим, в результате использования **апокопы** слово *следует* сокращено на два слога и на четыре буквы. Поэтому, на наш взгляд, целесообразнее определять **афферезис** как сокращение слова за счет начальных звуков, а под **апокопой** понимать сокращение слова за счет концовки⁹.

В отечественной филологии звуковые трансформации рассматриваются преимущественно на материале разговорной речи как средство компрессии в неполном произносительном стиле, между тем анализ метаплазм необходим и в других функциональных стилях, прежде всего в художественной, в частности поэтической, речи, где авторы более свободны в выборе средств выражения своего замысла. При этом наблюдается существенное упрощение терминологии, а значит, и инструментария исследования: к примеру, синкопа нередко трактуется как любое выпадение звуков «не в конце слова» [Андросова, Гусева, Деркач, Морозова 2016: 5]; такая трактовка игнорирует понятие афферезиса. Мы будем придерживаться общепринятой трактовки, согласно которой **синкопа** представляет собой метаплазм, состоящий в сокращении слова за счет срединных звуков.

Некоторые исследователи звуковых трансформаций ограничиваются традиционными, стандартными дериватами, не рассматривая те, что «придуманы поэтом, но используются им только единожды» (перевод наш. — О. Х.) [Shevchenko 2019: 112]. Между тем с научной точки зрения художественные окказионализмы («гапаксы») не менее интересны: поэтическая речь, безусловно, реализует и общие языковые тенденции, но прежде всего она является продуктом индивидуального авторского сознания, поэтому без рассмотрения уникальных фонетических трансформаций нельзя адекватно оценить выразительные возможности языкового средства.

Включение в школьную программу современных поэтических текстов, для которых, начиная с 1990-х гг., характерно всё более активное применение поэтических вольностей, в частности метаплазмов, диктует необходимость обучения навыкам анализа, адекватного сложности вопроса, что позволит более глубоко понять механизмы литературной нормы и научиться грамотно использовать стилистические ресурсы языка. Все это представляется возможным только при условии основательного теоретического освещения затронутой проблемы.

Начиная с эпохи Античности, метаплазмы делятся на четыре группы по типу производимой операции: сокращение, добавление, сокращение с добавлением (замена, субституция), перестановка [Общая риторика 1986: 99–116]. Отдельные исследователи предлагают выделять метаплазмы повтора, в число которых включают ассонанс и аллитерацию [Encyclopedia of rhetoric 1996: 271]. На наш взгляд, это дополнение противоречит определению метаплазм, данному этими же исследователями: «Метаплазм — это общее название, данное орфографическим фигурам, фигурам, которые меняют правописание (или звук) слова без изменения его значения» (перевод наш. — О. Х.) [Там же: 270]. Ассонанс и аллитерация имеют два источника: 1) слова, содержащие повтор звука (например, в слове *шуршание* звук [ш] вызывает ассоциации, соответствующие его содержанию); 2) расположение ряда слов, включающих нужный звук, в непосредственной близости друг от друга. Ни тот, ни другой источник не предполагает

⁹ Ср.: Москвин В. П. Указ. соч. С. 42, 48.

преобразования звукового облика слова, следовательно, ассонанс и аллитерацию не следует включать в число метаплазмов. Вместе с тем заметим, что автор может трансформировать слова с целью усилить звуковой повтор:

Я разгрыз
мозговую косточку словаря,
вынув **Б**,
вынув из смысла **Б**,
и **быка** в него впряг.
Я калмык и кыргыз.
Пей из крынки словарный кумыс.
Я Нарцисс.
(В. Гандельсман. Мыдым)

Основной функцией, реализуемой метаплазмами в современной русской поэзии, выступает **ритмическая**, обеспечивающая сохранение системности элементов фонетического рисунка стихотворения: метра и рифмы. Ее можно подразделить на две частных функции: **метрообразующую** — если метаплазм используется только для сохранения метра, **рифмообразующую** — если звуковое преобразование обеспечивает созвучие клаузул. В качестве одной из причин употребления сокращенных слов в поэзии регулярно указывают «потребность в корректировке размера слов для подстраивания под метро-ритмический рисунок стиха» (перевод наш. — О. Х.) [Shevchenko 2019: 111]. Влиянием этой функции объясняется тяготение поэзии к отдельным грамматическим формам, ср.: «По всей вероятности, причастия на -сь в поэтическом языке XVIII — начала XIX в. служат в первую очередь средством соблюдения размера», причастия же на -ся могут встречаться там, где это не нарушает размера [Галинская, Пиперски 2018: 81]. Подобные наблюдения служат аргументом в пользу оценки ритмической функции как одной из ключевых для фонетических трансформаций в поэзии. Благодаря высокому креативному потенциалу метаплазмы выполняют эту и, как показано ниже, некоторые иные роли. В этой связи целью нашего исследования является рассмотрение функций метаплазмов в современной русской поэзии с учетом их значения как для формальной, так и для смысловой ее составляющей.

Анализ. Требование соблюдения определенного метра и рифмы оправдывает обращение авторов к различного рода

поэтическим вольностям. Этой цели может служить, например, **переакцентовка** — прием, технически близкий к метаплазмам, поскольку поэт может смещать ударение в слове для соблюдения выбранной метрической схемы, более точной рифмовки, при этом в обоих случаях происходит фонетическая трансформация слова. Целесообразно разграничить **переакцентовку** и **выбор метрически уместного варианта**: первая тактика предполагает авторскую, окказиональную постановку ударения в слове, в то время как суть второй заключается в выборе акцентного варианта, уже существующего в языковой системе. Так, в следующем стихотворении читаем: ...*Не жизнь* — *сплошной* | *эфир* / *и звё* | *здная* | *музы* | *ка*. / *И со* | *дрогнёт* | *ся мир* / *от мо* | *его* | *же кри* | *ка* (Ф. Чечик. Зачем и для чего...). Поэт с целью сохранения ямба делает выбор в пользу устарелого произношения слова *музыка* с ударением на второй слог, т. е. выбирает **метрически уместный вариант**. Этой же тактики придерживается и другой автор, чтобы сохранить трехстопный амфибрахий: ...*Витийство* | *твое*, *ви* | *зантийство*, / *пупырча* | *той вязи* | *язык*, / *и я* | *за* | *дыхаюсь* | *заикой* / *в раздрызг* | *твоих мо* | *заик* (Д. Авалиани. Без умолку волны да волны...). В одном из стихотворений Олеси Николаевой оказывается **метрически и рифменно уместной** авторская акцентуация, обеспечивающая точное совпадение клаузул второго и четвертого стихов: ...*И льдом* | *задрай* | *все ды* | *ры, но* | *ры*, / *А для* | *побе* | *дной у* | *кори* | *зны* / *Яви* | *завью* | *женны* | *е го* | *ры* / *И пе* | *рвозда* | *нные* | *бели* | *зны*!.. (О. Николаева. Пастернаковское поле). Вадим Жук, используя переакцентовку в следующих строчках, выдерживает схему ямба; обратим внимание и на языковую игру с участием ударений: *Вот так* | *живёшь* | *и не* | *воро* | *тишь мор* | *ды*. / *Поды* | *ски* | *ва* | *ешь пра* | *вильный* | *ответ*, / *реша* | *я за* | *пы* | *лённые* | *кроссвор* | *ды* / *из за* | *бытых* | *иль за* | *бытых* | *газет* / *(забы* | *тых всё* | *-таки* | *!)*, *как ска* | *зано*, *време* | *н* / *собча* | *ковских* | *и от* | *деле* | *нья Кры* | *ма*... / *Не о* | *бделён*, *но буд* | *то от* | *да* | *лён* — / *ни до* | *ма*, *ни* | *Оте* | *чества*, *ни ды* | *ма*... (В. Жук. Вот так живешь и не воротишь морды...). Используя прием прецедентности (название хорошо известного стихотворения А. Твардовского), Юлий Гуголев обновляет с помощью переакцентовки устойчивое выражение и достигает точной рифмовки

в следующем контексте: *...И хотя презирают друг друга в душе, / у обоих на лицах — «я убит подо Ржевом», / так что не дай божё вам, / не дай божё...* (Ю. Гоголев. Вы не видали, как два богомола...).

Помочь автору соблюсти стихотворный размер за счет ухода от **гиперметрии** (избытка слогов) способно обращение к метаплазмам сокращения, например к **синкопированию**: *...А ша|йка на|ша — де|ды и|отцы. / Каки|е ж все|-т'ки взро|слые| — лжецы!..* (Он же. Не дверцу шкафчика, но, в целом, Сандуны...). Эллипсис гласной в частице *все-т'ки* носит подчеркнуто разговорный характер. Любопытно и его графическое отражение — посредством апострофа.

Апокопа лежит в основе так называемой **оборванной рифмы**, ярким примером которой может послужить фрагмент следующего стихотворения: *...сиди себе и смотри, качаясь в кресле-кача, / на этот сад изнутри, где вишню ест алыча...* (А. Кабанов. Звенит карманная медь, поет вода из трахей...).

Установка на образность в поэтической речи обуславливает использование средств выразительности в образительной, или **иконической функции**. Метаплазмы не являются исключением. Так, семантика недосказанности зачастую выражается **апокопой**. Данный метаплазм помогает поддержать следующий образный ряд: *Ничего не будет, только эхо / И еще, в груди, / Этот полудиккий опус, эта / Вечность расстилалась перед ни... / Перед нами растворялась бездна — / Только эхо, больше ничего, / Маленькая детская прореха, / Золотое сло...* (А. Ли. Ничего не будет, только эхо...). Идея исчезновения звука в пространстве передается усечением конечных звуков слова. Значение ухода, семантика конца, присущая апокопированию, подтверждается следующим фрагментом: *...изгоняются деньги из карманов / постепенно изгоняется память / человек изгоняется из мира / человек изг* (Р. Мовсисян. Всемирная история изгнаний). Текст написан верлибром, поэтому использование апокопы здесь рационально лишь в единственной, названной выше функции. Еще одним ярким примером использования апокопы в иконической функции служат строки Санджара Янышева: *...Прочь от А... / Прочь из Афр... / Прочь из Африки — / с каждым словом все дальше и даль... / Скоро брег и — прощайте, кораблики! / Почва, твердая,*

как никогда... (С. Янышев. Нет Африки). Семантика удаления здесь передана градуальным увеличением в первой строчке частей слова *Африка* и поддержана будто растворившимися вдалеке конечными звуками слова *дальше* во втором стихе.

Ярким примером звукописи можно назвать изображение пения жука в следующих строчках: *...А черный с переблеском медным / горячий жук трубит победно: / олет-ти нен ювами допиро / текаве рон зулени долам...* (А. Нитченко. Жук). Вероятно, в исходном виде эта фраза звучала бы так: *Полетим над вами для пира / по коврам, зеленым долам.*

Фонетические трансформации получают отражение в графике, а потому способны вызывать не только звуковые, но и **визуальные ассоциации**. Рассмотрим фрагмент следующего стихотворения:

...Эй, кто там в тьму перетекает?

Вернись!..

Луна слезой стекает

в песок.

Прилив пере-

ползает,

пере-

текает,

-ает,

-ает...

(О. Ершов. Перетекающее)

Образ перетекания (префиксальный повтор в словах *перетекаю, перетекает* и т. д.) в конце текста объединяется с образом прилива, переданного при помощи **внутрисловного стихового членения**, которое также можно отнести к числу явлений, технически близких к метаплазмам. Перенесение частей слов *-ползает, -текает* создает ощущение бесконечного движения волн прилива, повторение же *-ает* в конце рисует плеск воды и крик чаек. Иконическая функция усиливается за счет вынесения трансформированных единиц в расположенные лесенкой **подстроicia**: возникает эффект движения волн к берегу. Метаплазмы детализируют, подчеркивают заданный автором образный ряд.

Отдельным случаем **иконизма** можно считать **звуковую образность**, реализуемую **звукоподражательными метаплазмами**. С их помощью устанавливается, к примеру, ассоциативная связь между раскатами грома и экспрессивной речью в следующих строчках, где автор использует **геминацию** (удлинение согласных): *...когда он мне про*

*Пирррросмани рррокотал, / мне представ-
лялся многолюдный парк...* (С. Чернышова.
Целовальный переулок). Для реализации
этой же функции может быть использована
параморфоза, т. е. прием, «состоящий в заме-
щении части слова близкзвучной едини-
цей»¹⁰. Именно так Надежда Ярыгина пере-
дает в одном из стихотворений произнесен-
ное шаманом-вороном полукрик-полуслово:
*...Пролетая над головою, каркни в ухо: «кар-
савица!»...* (Н. Ярыгина. И я поживу у языч-
ников, тоже слушаюсь рассказней...).

Фонетические трансформации исполь-
зуются и с целью передачи **недостатков**
речи. Так, неверная артикуляция неко-
торых звуков изображается при помощи
антистекона (приема замены буквы или
звука в слове) в таких, например, строках:
*...кагл у квагы укгал когалвы / а квага у каг-
ва укгава квогнет...* (М. Хаген. Мама...).

Метаплазмы могут применяться при
стилизации, в частности профессиональ-
ной или детской речи: *...С места никак
не сдвинется / стрелка. Слабость минут-
на. / Горничные в холёсеньких / халатиках.
Тут уютно. / Правда, кровать на колесиках*
(В. Павлова. Хотела сказать больница...).
В данном контексте эта функция совме-
щена с **рифмообразующей**.

Метаплазмы в современной поэзии
активно реализуют **компрессивную** функ-
цию. Отметим, что данную функцию сле-
дует отграничивать от метробразующей.
Языковая компрессия связана прежде все-
го с **тенденцией к языковой экономии**; как
известно, обращение к кратким, усеченным
формам характерно для **неполного произно-
сительного стиля**. Все эти языковые процес-
сы активно отражаются в текстах современ-
ных русских поэтов благодаря обращени-
ям к метаплазмам. Поскольку обе функции
предполагают сокращение слова, они могут
совмещаться, ср.: *Горит| огонь| — камин|, све-
ча|, свети|льник. / Внутри| огонь|, снару|жи
снег| дрожит. / Леонид| Серге|ич ра|стре-
пал| седи|ны, / качнул|ся в кре|сле, кни|гу о|т-
ложил...* (А. Дьячков. Горит огонь — камин,
свеча, светильник...). **Афферезис** (Леонид
вм. Александр) и **синкопа** (Сергей
вм. Александр) в третьем стихе позволили не допустить
гиперметрии и выдержать пятистопный ямб,
при этом трансформированное слово имеет
подчеркнуто разговорную интонацию.

В стихотворении Аркадия Штыпеля
наблюдаем, как посредством метаплазм
отражаются особенности **неполного произ-
носительного стиля**: *...бессмыслица в шле-
панцах тойсть / апория в спорых опорках /
в логических непроговорах...* (А. Шты-
пель. Амфибрахий). Авторское сло-
во *тойсть* образовано с помощью одно-
временного обращения к **синкопе** ([й]сть
вм. [йэ]сть) и **синалефе** — слиянию двух
фонетических слов в одно грамматическое
(*тойсть* = *то+есть*).

Выступая сквозным средством выра-
зительности, метаплазмы могут выпол-
нять и **текстообразующую функцию**.
Примером текста, полностью построенно-
го на использовании метаплазм, являет-
ся следующее стихотворение:

...Аще возможна
Благодать — рукой подать, и...
строим шорох... в окно... То в
Кои, пра, года?... Ата!.. и в там-
Бур... из мажора...

За... мишу-
Рой... воочью мочек,.. под пе-
Речмок... взасос... воздушный
Душ изо всех синичьих моши —
Примочек на...

«-слезавтра в Ту-
Шино...» Меш — ок!.. булата! В

Лад... под боком у... шопота,
В — дрожь!.. под гашеткой каран-
Даша... за «ради» бога! кровати,
В сутках от

Кушетки — в судах
От ломоты метелок за *молоть-*
Бой... Лишь — омовеньем... *маве-*
Нья!.. шалой метиолы — «*Узвара-*
Шум!»!.. *медвыно-*

фена метео-свод-
Ная возможность — «под занавес»...
за занавеской — парировать *мош-*
Ной шемежа крапило зависи «из-
Вестки» «навеса»:

Очная *возмож-*
Ность! Ли правом... Ась?... на
Тур прощальный... натуры... Ног
Промеж... таможни!.. *тр* — а ля
Рижане, — парижане...
(Г. Худяков. ...Аще возможна...)

Значительное число фонетических транс-
формаций делает текст трудным для пони-
мания, что характерно для стиля, известно-
го как **заумный язык**. Текст соткан здесь из

¹⁰ Москвин В. П. Указ. соч. С. 258.

обрывков вагонных разговоров, «полуслов», слов, оборванных тряской — всё это изображает гул движущегося, раскачивающегося вагона с невнятными обрывками речи пассажиров.

Различные звуковые трансформации слова используются и в целях **актуализации**. Так, метаплазмы помогают Вл. Гандельсману передать три смысловых акцента одновременно: ...и *входит внук / одна одна / жды там одна / она лежит молчит и он несме / ло видит и ни сме / ха ни дыха / он видит сме / он видит смер / он видит ть / его зовут при при примерь / ка на себя...* (В. Гандельсман. Вторая репетиция). Данное стихотворение входит в «Девять стихотворений из книги «Слова на ветер»». Во-первых, при сильном ветре слова собеседника могут доноситься обрывками, именно такого изобразительного эффекта автор достигает при помощи **стиховых переносов** (*несме / ло и т. д.*), а также **апокопирования** (*дыха*). Во-вторых, звуковые трансформации отражают особенности речи одного из героев стихотворения — «мальчика-заики», что выражается при помощи повторов и звуковых трансформаций (*одна одна, при при примерь*). В-третьих, испуганному человеку тяжело говорить, он будто глотает концовки слов, что изображено с использованием **апокопирования** (*сме — смер — ть*). Далее в тексте образ смерти объединяется с образом тьмы: ...из-за порттер его зо зо / из-за дверей / в нем селят страх приснить / вот это **ть** вот эту **тьму** / **смертьму смертьму**... Эффект усиливается **фигурой градации**: апокопированное *ть* — *тьму* — скорнированное *смертьму*.

Способность метаплазм затемнять сущность обозначаемого, создавать эффект недосказанности, прерванности мысли закономерно приводит к возможности использования фонетических трансформаций в **эвфемистической функции**, что также наблюдается в современной русской поэзии. Так, **апокопа** позволяет лирической героине Веры Павловой не только подобрать нужную рифму в стихотворении, где ряд кратких прилагательных в конце строк создает особый ритм, но и изобразить смерть, не произнося этого слова:

Не то чтобы красива,
не то чтобы дурна,
на видео смешлива,
а в зеркале — грустна,
на фото — резколица,

по отзываю — проста,
я многим буду снится,
когда меня не **ста**.

(В. Павлова. Не то чтобы красива...)

В ряду функций, реализуемых метаплазмами, отметим и **комическую**. Обратившись к **параморфозе**, Евгений Клюев в одном из своих стихотворений создает особую игру слов:

До свиданья, город Лёйт!
Мы отправились в полёйт...

...Впрочем, Бог с ним: мы спешим,
ибо в нас несокрушим
дух... кого бы? — *самолёйта!*
Полетели, *самолёйт*...

(Е. Клюев. До свиданья, город Лёйт!)

Выводы. Подводя итоги, отметим, что метаплазмы используются в современной русской поэзии довольно активно и выполняют ряд значимых функций: ритмическую (в двух ее частных проявлениях: метрообразующем и рифмообразующем), иконическую, компрессивную, текстообразующую, функцию актуализации, эвфемистическую и комическую. Обращение к фонетическим преобразованиям слов не ограничивается целью строгого следования стиховым канонам либо нарочитого отступления от привычного звукового оформления речи, но мотивировано стремлением через трансформацию звучащей стороны стихотворения расставить смысловые акценты. Результаты проведенного анализа служат дополнением к существующим в языковедческой литературе сведениям о метаплазмах. Практическая ценность работы состоит в возможности использования ее результатов при комплексном филологическом анализе текстов. Методическую ценность для учителей русского языка и литературы представляет опыт рассмотрения поэтических вольностей в стихотворениях современных поэтов, чье творчество отражено в школьной программе, но вызывает у школьников определенные трудности в процессе анализа. Перспективу дальнейших исследований представляет поиск других функций, реализуемых фонетическими трансформациями слов в современной русской поэзии, благодаря чему будет возможным расширение наших представлений о метаплазмах как выразительном художественном средстве.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андросова С. В., Гусева С. И., Деркач С. В. [и др.] К вопросу об эллипсисе и элизии в спонтанной речи (на материале английского языка) // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 413. С. 5–13. DOI: 10.17223/15617793/413/1.
2. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / ред., вступ. статья и прим. Р. А. Будагова. М.: Изд-во иностранной литературы, 1955. 416 с.
3. Галинская Е. А., Пиперски А. Ч. Причастия на -сь в русском поэтическом языке XVIII–XIX веков // Вопросы языкознания. 2018. № 5. С. 77–86. DOI: 10.31857/S0373658X0001398-6.
4. Квинтилиан М. Ф. Двенадцать книг риторических наставлений / пер. с лат. А. Никольского. СПб.: Российская академия, 1834. Ч. 1. 486 с.
5. Общая риторика: пер. с франц. / Ж. Дюбуа, Ф. Эделин, Ж.-М. Клинкенберг [и др.]; общ. ред. и вступ. статья А. К. Авеличева. М.: Прогресс, 1986. 392 с.
6. Хлебников В. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 1 / под общ. ред. Р. В. Дуганова. М.: ИМЛИ РАН, 2000. 544 с.
7. Якобсон Р. Я. Новейшая русская поэзия // Якобсон Р. Я. Работы по поэтике: переводы / сост. и общ. ред. М. Л. Гаспарова. М.: Прогресс, 1987. С. 272–316.
8. Encyclopedia of rhetoric and composition: communication from ancient times to the information age / ed. Theresa Enos. New York; London: Taylor & Francis, 1996. 803 p. DOI: 10.4324/9780203854884.
9. Rahman F., Weda S. Linguistic deviation and the rhetoric figures in Shakespeare's selected plays // XLinguae. 2019. Vol. 12, No. 1. P. 37–52. DOI: 10.18355/XL.2019.12.01.03.
10. Shevchenko S. N. Stylistic features of reduced words in poetry (in the English, Russian and Italian languages) // Research Result. Theoretical and Applied Linguistics. 2019. Vol. 5, No. 2. P. 108–118. DOI: 10.18413/2313-8912-2019-5-2-0-11.

REFERENCES

1. Androsova S. V., Guseva S. I., Derkach S. V. et al. Elision in spontaneous speech (based on English). *Tomsk State University Journal = Bulletin of Tomsk State University*. 2016. No. 413. P. 5–13. DOI: 10.17223/15617793/413/1. (In Russ.).
2. Bally Sh. General linguistics and questions of the French language / R. A. Budagov (ed.). Moscow: Foreign Literature publ., 1955. 416 p. (In Russ.).
3. Galinskaya E. A., Piperski A. Ch. Participles in -s' in the language of Russian poetry of the 18th and 19th centuries. *Voprosy jazykoznanija = Topics in the study of the language*. 2018. No. 5. P. 77–86. (In Russ.). DOI: 10.31857/S0373658X0001398-6.
4. Kintilian M. F. Twelve books of rhetorical instructions: translation from Latin / A. Nikol'sky (russ. ed.). Saint-Petersburg: Russian Academy, 1834. Part. 1. 486 p. (In Russ.).
5. Dyubua Zh., Ehdelin F., Klinkenberg Zh. M. et al. General rhetoric: translation from French / A. K. Avelicheva (russ. ed.). Moscow: Progress, 1986. 392 p. (In Russ.).
6. Khlebnikov V. Collected works: in 6 vol. Vol. 1 / R. V. Duganova (ed.). Moscow: IWL RAS, 2000. 544 p. (In Russ.).
7. Jakobson R. Ya. The latest Russian poetry. *Yakobson R. Ya. Raboty po poehtike: perevody = Works on poetics: translations* / M. L. Gasparova (ed.). Moscow: Progress, 1987. P. 272–316. (In Russ.).
8. Encyclopedia of rhetoric and composition: communication from ancient times to the information age / Theresa Enos (ed). New York; London: Taylor & Francis, 1996. 803 p. DOI: 10.4324/9780203854884. (In Engl.).
9. Rahman F., Weda S. Linguistic deviation and the rhetoric figures in Shakespeare's selected plays. *XLinguae*. 2019. Vol. 12, No. 1. P. 37–52. DOI: 10.18355/XL.2019.12.01.03. (In Engl.).
10. Shevchenko S. N. Stylistic features of reduced words in poetry (in the English, Russian and Italian languages). *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*. 2019. Vol. 5, No. 2. P. 108–118. DOI: 10.18413/2313-8912-2019-5-2-0-11. (In Engl.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ольга Сергеевна Храмушина, магистрант, кафедра русского языка и методики его преподавания, Волгоградский государственный социально-педагогический университет

Olga S. Khramushina, Graduate Student, Department of Russian Language and Methods of Teaching, Volgograd state socio-pedagogical University

Статья поступила в редакцию 02.09.2020; одобрена после рецензирования 29.09.2020; принята к публикации 05.10.2020.

The article was submitted 02.09.2020; approved after reviewing 29.09.2020; accepted for publication 05.10.2020.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81'28.811.161.1

DOI: 10.30515/0131-6141-2021-82-2-57-65

Гендерные диалектные стереотипы: национальные стандарты мужской красоты

Людмила Витальевна Маркина

Московский городской педагогический университет, г. Москва, Россия, markina.lv@mail.ru

Аннотация. Цель исследования – выявить и обосновать существование в языке единиц, носящих специфические черты национальных стандартов мужской красоты как одного из ценностных ориентиров этноса. Основным методом исследования является описательно-сопоставительный, также использованы метод контекстуального анализа и прием количественного подсчета. В статье подтверждено бытование в сознании носителей современных говоров представления о второстепенности мужской красоты по сравнению с качествами, репрезентирующими мужское доминирование и статусное превосходство (сила, активность, ум и т. д.), что отражает национальные традиционные ценностные установки. Отмечено, что, несмотря на отсутствие в традиционном обществе признания социальной значимости мужской красоты, в говорах эта красота не остается без внимания и можно говорить о существовании ее стандартов. Выявлены отвечающие традиционным эстетическим представлениям русского народа и подтверждающиеся паремиологическим материалом содержательные характеристики мужской красоты: крепкое и гармоничное телосложение, физическая сила, стать, хороший рост, округлое лицо, светлые волосы и глаза и др. Кроме прочих факторов, установлено, что пренебрежительное отношение русских мужчин к своему внешнему виду обусловлено их приверженностью к актуальной для патриархального общества «норме антиженственности», исключающей заботу о собственной привлекательности как недостойную для мужчины, снижающую его статус. Сделан вывод о специфике русских стандартов мужской красоты, содержательные характеристики которых выявляют национально-культурное представление о маскулинности. Высказаны предположения о необходимости анализа жизнеспособности и устойчивости этих стереотипов в условиях агрессивной глобализации.

Ключевые слова: гендерные стереотипы, диалектная коммуникация, традиционные ценности, маскулинность, стандарты красоты, эстетическая оценка, атрибуты мужской красоты, семантика

Для цитирования: Маркина Л. В. Гендерные диалектные стереотипы: национальные стандарты мужской красоты // Русский язык в школе. 2021. Т. 82, № 2. С. 57–65. DOI: 10.30515/0131-6141-2021-82-2-57-65.

ORIGINAL RESEARCH ARTICLE

Gender dialect stereotypes: national standards of male beauty

Liudmila V. Markina

Moscow City Pedagogical University, Moscow, Russia, markina.lv@mail.ru

Abstract. This article aims to identify and substantiate the existence of specific national standards of male beauty as the nation's value orientation. The research was conducted using the methods of descriptive, comparative and contextual analysis, as well as quantitative calculations. The article confirms that the carriers of modern dialects have the idea of the secondary importance of male beauty over such qualities as strength, activity, intelligence, etc., which represent male dominance and status superiority. This idea reflects the national traditional value attitudes. It is noted that, although the traditional society does not recognize the social significance of male beauty, this phenomenon and its standards find representation in dialects. The following content characteristics of male beauty, which meet the traditional aesthetic ideas of Russian people, were confirmed by paroemiological materials: strong and harmonious body, physical strength, manner, good height, round face, blond hair, light-coloured eyes, etc. In addition, it was found that the

disdainful attitude of Russian men towards their appearance is associated with their adherence to the "norm of anti-femininity", which is typical of a patriarchal society. This norm also implies that men consider care about attractiveness as disrespectful, lowering their status. A conclusion is made about the specificity of Russian standards of male beauty, the content characteristics of which reveal the national-cultural idea of masculinity. Assumptions about the necessity to analyse the viability and stability of these stereotypes in the context of aggressive globalisation were made.

Keywords: gender stereotypes, dialect communication, traditional values, masculinity, beauty standards, aesthetic assessment, male beauty attributes, semantics

For citation: Markina L. V. Gender dialect stereotypes: national standards of male beauty. *Russkii yazyk v shkole = Russian language at school*. 2021. Vol. 82, No. 2. P. 57–65. DOI: 10.30515/0131-6141-2021-82-2-57-65. (In Russ.).

Введение. Представление о красоте как внешней привлекательности человека мыслится и отражается в общественном сознании посредством сложившихся стереотипов (стандартов, образцов). Стандарты красоты, как и любые другие стереотипы, — это реалии окружающей действительности. В современном мире, во многом ориентированном на западные ценности, внешняя привлекательность превращается в условие и мерило социальной успешности как женщин, так и мужчин. Она необходима для построения карьеры актера, модели, является составляющей имиджа телеведущего, политического или общественного деятеля и т. д. Меняется и само представление о красоте: привлекательность больше не расценивается только как совокупность дарованных человеку природой определенных внешних данных, она может быть и оказывается результатом сознательно предпринимаемых усилий — пластическая хирургия, культуризм, диеты, фитнес и проч. Образ красивого, имеющего внешнюю привлекательность человека соотносится с предлагаемыми, даже навязываемыми обществу новыми канонами, стандартами, которые тиражируются конкурсами красоты, соревнованиями бодибилдеров, всякого рода интернет-опросами, интервью с представителями фэшн-индустрии и др., выявляющими, например, мужчины какой национальности в большей степени отвечают жестким современным стандартам красоты. Любопытно, что из ряда таких опросов явствует, что русские мужчины самые некрасивые в мире (гуру моды Карл Лагерфельд), т. е. новым требованиям не соответствуют. Между тем общеизвестным является факт, что представление о красоте, в том числе и мужской, как важной характеристике образа человека, зафиксированное в любой национальной языковой картине мира, обусловлено

(и одновременно транслирует их) определенными, специфическими эстетическими установками той или иной культуры, стандартами. Ломка же стереотипов, отказ от них — процесс весьма болезненный, чреватый в том числе социальной депрессией. Кроме того, возникает вопрос о достижимости и оправданности этого процесса в современном отечественном социуме.

Выявление эстетических представлений как одного из национальных ценностных ориентиров, значимых для человека, традиционных стереотипов, в которых они реализованы, представляется возможным прежде всего при обращении к диалектной речи, а также к паремиологическому фонду языка, в которых находит отражение национальное самосознание, позволяющее реконструировать их национальную специфику. Народное сознание отличается гендерностью (гендерная асимметрия), которая проявляется в том, что мужественность (маскулинность) осознается как более значимая, важная категория, что связано с традиционными установками на главенствующую роль мужчины в социуме. В связи с этим изучение национальных стереотипов мужской красоты напрямую связано с осмыслением содержания понятий мужского и женского начала, с глубинными представлениями об их роли в мире, их специфических свойствах и функциях, оценением соответствия/несоответствия тех или иных качеств мужчин общепринятым представлениям о нормальном положении вещей в русской картине мира. Вопросы гендера в разных аспектах и на материале единиц различных языковых уровней литературного языка представлены в исследованиях А. В. Кириловой, Е. И. Горюшко, Е. С. Гриценко, А. А. Григоряна, Г. Г. Слышкина, В. Н. Телия, В. В. Васюк, И. В. Зыковой, Н. И. Голубевой-Монаткиной, А. М. Кузнецова и целого ряда других

лингвистов. Менее многочисленны и обращены прежде всего к анализу традиционных стереотипных представлений о женщинах работы по изучению гендера в диалектной сфере общения [Маркина 2019; Толстова 2016; 2019 и др.]. Гендерные представления о мужчинах, в том числе и в рассматриваемом аспекте, эпизодичны [Новоселова, Храмцова 2017; Маркина 2020]. Народные стереотипы мужской красоты рассматривались на материале русских паремий [Прудникова 2012; Агзамова 2016].

Целью данной статьи является выделение и описание особенностей традиционных гендерных представлений о мужской красоте, бытующих в современной диалектной коммуникации. В задачи работы входило: определить методом направленного отбора контексты и лексико-фразеологические единицы, актуализирующие семантику характеристики внешности человека в деревенском социуме, выделив атрибуты внешней привлекательности мужчин, в качестве составляющих формирующие стандарты мужской красоты; показать связь содержательного наполнения диалектных гендерных стереотипов мужской красоты с традиционным национальным представлением о мужественности. Под гендерными стереотипами понимаются культурно и социально обусловленные мнения и пресуппозиции о качествах, атрибутах, нормах поведения представителей обоих полов, которые отражены на всех уровнях языка и тесно связаны с формами выражения оценки в языке¹.

Источником фактического материала для наших наблюдений и выводов по проблеме послужила русская диалектная речь — записи высказываний носителей русских говоров, так называемых говоров позднего заселения, относящиеся ко второй половине XX — началу XXI в. и послужившие иллюстративным материалом для «Словаря русских говоров на территории Мордовской АССР» (с 2001 г. «Словарь русских говоров на территории Республики Мордовия»)², в сборе материала для которого и его создании принимал участие

автор, личные записи автора, не вошедшие в словарь. Примеры даны в упрощенной фонетической транскрипции.

Важнейшая, наряду со словарем, роль иллюстративных текстов диалектных словарей в изучении национального сознания народа, их, если можно так выразиться, «культуронность» отмечена к настоящему времени многими исследователями, и прежде всего представителями томской диалектологической школы (см. труды О. И. Блиновой, Т. А. Демешкиной, И. В. Тубаловой и др.): «Иллюстративную часть диалектных словарей можно рассматривать как гипертекст бесписьменной традиционной культуры. При этом он носит спонтанный, неподготовленный характер, что позволяет увидеть языковое сознание народа и именно ту его сферу, где проявляется отношение к миру, его видение, его оценка. ...именно словарные иллюстрации позволяют реконструировать и духовные, и материальные проявления традиционной культуры, которую коммуникативно обслуживают говоры» [Калиткина 2006: 13]. О репрезентации концептуальных признаков образа человека в различных составляющих словарной статьи диалектного словаря, в том числе «зоне иллюстраций», см. также: [Литвинова, Загоровская 2015]. Словарные иллюстрации, используемые в качестве материала нашего исследования и представляющие собой контексты, зафиксированные на значительной территории (двести обследованных русских населенных пунктов), обеспечивают, на наш взгляд, достоверность выводов, поскольку дают возможность представить объективную картину общности традиционного видения и оценки гендерных социальных установок и предписаний. В работе мы обращаемся также к сборнику В. И. Даля «Пословицы русского народа»³ как к одному из наиболее известных и авторитетных, тематическая представленность пословиц в котором позволяет выявить отношение русского человека к важным для него жизненным приоритетам и ценностям.

Методы. Основным методом в работе является описательно-сопоставительный,

¹ Кирилина А. В. Словарь гендерных терминов / под ред. А. А. Денисовой. М.: Информация XXI век, 2002. С. 98.

² Словарь русских говоров на территории Мордовской АССР. Саранск: Изд-во Морд. ун-та, 1978; 1980; 1982; 1986; 1993. Вып. 1–5; Словарь русских говоров на территории

Республики Мордовия. Саранск: Изд-во Морд. ун-та, 2001; 2002; 2006 (СРГРМ).

³ Даль В. И. Пословицы русского народа: в 2 т. М.: Художественная литература, 1984. 770 с.

использованы также метод контекстуального анализа и прием количественного подсчета.

Анализ. Для обозначения общего понятия «красивый» (человек) в анализируемых говорах используют прилагательные: *баский, гожий, зглядный, красивый, красовитый, рахманный, умильный, хороший* и др., а также целый ряд устойчивых выражений: *в стенку врезать, в гранку фставить, гоже(а) собой, из окошка продать, из-под ручки поглядеть (посмотреть), любо-дорого взглянуть (поглядеть), от красного лица, сто сот стоит, хоть картину пиши* и др.:

Сын у миня был в вайну убили, уш такой *баскый*, фсе дефки льнули, и карахтир харошый был⁴;

Спроть (напротив) нас уш больнь *красивый* паринь жыл⁵;

Баили пръ нёво што он страшный нъ лицом, пьгляи-къ, какой он *кръсовитый*⁶;

Ты вить вон какой на вит красивый, тибя токъ *в гранку фставить* и *ис-пад ручки* нъ тибя *пъсмастреть*⁷.

Не менее обширен ряд обозначений человека с некрасивой, невзрачной внешностью: *благой, додон, немудровый, неприглядчивый, охлюпок; без слез ни взглянишь, благой лицом, бог рога приделал, как из бревна вырезанный, как чулида страшный, моль кафтанная, не от красного лица, отворота не наглядись, самоварная заглушка, страсть страстью, шишига шишигой* и др.:

Ф ково он *благой* такой, у них фсе хорошы⁸;

А што в нём харошгъвъ, *охлюпкъ* какой-то ниуклюжый⁹;

Ну Настёнкъ и жыниха нашла, *как чулида страшный*¹⁰;

Последний у них нихарошый, ни знай, нъ каво и пахош, *как ыз бревна выризный*¹¹.

Следует отметить при этом, что красота в народном сознании связана прежде всего с молодостью. Высказывания, где отмечается внешняя привлекательность мужчин среднего и старшего возраста, в говорах чрезвычайно редки:

У миня и отец, и дет, и прадет были *бодрыи* (стройный, осанистый)¹²;

Дедушка Игнат да старьсти *ицо нъ гълаве прънисет* (о степенной, плавной походке)¹³.

Гендерные стереотипы тесно связаны с представлениями о мужественности и женственности как противоположных началах. В традиционном гендерно-иерархизированном социуме к базовым составляющим маскулинности относят качества, определяющие и обосновывающие доминирующее и привилегированное положение мужчины, — физическая сила, активность, ответственность, выносливость, работоспособность, ум: «Что касается характеристик мужественности в представлении диалектоносителей, то речь идет прежде всего о соответствии мужчины его статусной роли — праве принимать решения, отдавать приказы, распределять обязанности, требовать их исполнения, что по умолчанию признается мужской прерогативой» [Маркина 2020: 7]. Анализ показывает, что в говорах при оценивании мужчины его положительные «мужские» качества (добытчик, опора, кормилец, защитник) оказываются весомее физической привлекательности:

Он не больнь *кръсовитый*, ну *умствинный* (умный, толковый)¹⁴;

Зять-ть у ней ни больнь *гожий* сабой, ну хазяин, у них пчельник какой, дом хараший, чый сваи руки (о человеке, умеющем все делать собственноручно) (Старая Уда, Лямбирский. Личные записи);

Мужык-ть у ей хъш и *немудраций* (непривлекательный, невзрачный), а калган-ть (голова) у ёво варит¹⁵;

А у ней мужык нипьющий, хазяйствъ, машина, вот ана и ходит *гърдыбачицъ* (вести себя чванливо, важничать)¹⁶.

Этот тезис хорошо иллюстрируется и пословицами:

И косолап, да цеп из рук не валится;
Неуклюж, да дюж. Не отесан кряж, да навес держит;

Не пригож лицом, да хорош умом;
Не будь складен, да будь ладен.

⁴ СРГРМ-1978. С. 30.

⁵ СРГРМ-2002. С. 124.

⁶ СРГРМ-1982. С. 84.

⁷ СРГРМ-1993. С. 155.

⁸ СРГРМ-1978. С. 40.

⁹ СРГРМ-1993. С. 95.

¹⁰ СРГРМ-2006. С. 185.

¹¹ СРГРМ-1978. С. 100.

¹² Там же. С. 41.

¹³ СРГРМ-1993. С. 289.

¹⁴ СРГРМ-2006. С. 92.

¹⁵ СРГРМ-1982. С. 14.

¹⁶ СРГРМ-1986. С. 113.

Внешняя непривлекательность мужчины не становится, например, решающим негативным фактором его оценки в случае брачного выбора:

У Мотьки снаха-ть как пистьна. — А ты уш и ни бай-ка. Уш таку харошу сибѣ привѣс, а сам *страсть страстью* (некрасивый, безобразный)¹⁷;

Ну Нюркъ и мужыка привязла, *атвѣртя нѣгидисси* (о человеке с некрасивой внешностью), где токъ взяла таковъ¹⁸.

Ср. при этом:

Ету *калбѣшку* (полная женщина небольшого роста) и замуш-ть нихто ни взял зѣ иѣ рост дѣ тылшыну¹⁹;

Зглядную (имеющий красивую внешность) дефку фсягда быстрой замуш вазьмут²⁰.

Красота, следовательно, представляется не первостепенным достоинством мужчины, не является мерилом его статусности. Возможно, именно этим обстоятельством объясняется отсутствие понятия «русский красавец» при существующем *русская красавица*. Более того, по нашим наблюдениям, красивая внешность мужчины в деревенском социуме вызывает некий «когнитивный диссонанс», настороженность, опасение (недоверие), даже негативную реакцию:

Изгиляющѣ (насмехаться, потешаться над кем-чем) нѣда мной дефки, и нѣт кудрями маими изгиляющѣ, куклѣнкѣм завут²¹.

Поскольку сущность мужественности в традиционном понимании составляют присущие только мужчине качества, которые обеспечивают его доминантность и статусное превосходство, — сила, активность, надежность, ум, способность нести бремя ответственности, красота как качество, свойственное и женщине, ставит мужчину в системе ценностей на один уровень с ней, тем самым обесценивая мужское начало. Цели восстановить статусное превосходство мужественности, как нам представляется, служит стремление отыскать у обладателя красивой наружности какие-либо изъяны, недостатки, дискредитирующие значимость физической привлекательности:

Фсем харош Игорѣф-ть сын: и ростѣм взял, и лицом. Адно плохѣ — *слѣбарук* (склонный к драке), уш больнѣ, драцѣ любит²²;

Нѣ нѣво пыгидеть-ть он в ызбу зайдет, ф пытолок вышина дѣ ф плечах косяя сажѣнѣ, дѣ дел-ть ут нѣво никакех, *ѣтлыгат* от дель-ть (уклоняться от работы) (Суподеевка, Ардатовский. Личные записи).

То же можно отметить в паремиях:

Сокол хотѣ на кол, да гол, что мосол;

Молодец красив, да на душу крив;

Личиком беленок, да умом простенок.

Примеры, где мужская красота признается положительной характеристикой, единичны: *В рожу (на рожу) счастлив* (т. е. красавец). Безоговорочно позитивно красивая внешность в говорах воспринимается в сочетании с базовыми мужскими качествами:

Паринѣ *любѣ-дорѣгѣ пыгидеть* (о человеке с красивой внешностью), и в руках фсѣ гарит²³.

Показательно и осуждение социумом излишнего внимания к своей внешности со стороны мужчин, стремления приукрасить себя:

Наш Ванѣк сроду *намызгѣцѣ* (надушиться) дикалонѣм, а парню эѣ ни к чяму вофси. А станиш гѣварить — ни слущѣт²⁴;

Гѣльвоchos (франт, шеголь) ей в жынихи-ть попалси: долѣг пирѣд зеркѣлѣм стоит²⁵;

Заскѣт (заворачивать, загигать) съпаги, выпустит чюп и ходит фарсит²⁶.

Объяснением этому факту может служить встроенная в традиционное понимание мужественности «норма антиженственности»: мужчина должен избегать любых считающихся чисто женскими навыков, привычек, склонностей, занятий, увлечений и проч., в том числе внимания к внешней привлекательности и заботы о ней. «Быть как баба» крайне унижительно, компрометирует мужской статус, несет в себе угрозу упасть в глазах мужского сообщества, считается зазорным и осуждается. Отсюда и пренебрежение деревенскими мужчинами своим внешним видом, нежелание заботиться о нем, что и зафиксировано контекстами

¹⁷ СРГРМ-2002. С. 151.

¹⁸ СРГРМ-1986. С. 63.

¹⁹ СРГРМ-1981. С. 50.

²⁰ Там же. С. 104.

²¹ Там же. С. 117.

²² СРГРМ-2002. С. 75.

²³ СРГРМ-1978. С. 74.

²⁴ СРГРМ-1986. С. 85.

²⁵ СРГРМ-1978. С. 119.

²⁶ СРГРМ-1981. С. 94.

и лексико-фразеологическими единицами, актуализирующими семантику ‘неопрятный, неряшливый’: *обрыв, орёна, размухрышка, чуняк, чурствик, чучмек, шёбол и шебол, шеболятник; как куриный отребушек, обросить себя, побывать в колях-мялях* и др. Приведем примеры из словарей:

Ну што ты, Петь, зь *рзмухрышкь* (неряха, грязнуля), ни умоиць как следвьт, вольсы ни чёсны²⁷;

Шёболятник ты еткый, сними уш грязну рубаху-ть²⁸;

Мишь-ть больнь хороший, зь сабой фсягда слидит, а Сашкь – нъястайщий *чурствик*²⁹;

Снял бы свой-ят *змумызгнь* (грязный, заносенный) кустом дь надел чово получчы, вить ни нь роботу идёш, а в гости (Суподеевка, Ардатовский. Личные записи).

Исследуемый материал свидетельствует также о том, что отношение к мужской красоте в современных говорах обнаруживает черты амбивалентности. Сказанное выше не отменяет факта, что красивая внешность мужчины в деревенском сообществе не остается незамеченной, привлекает к себе женское внимание: *Ну и што, шть рзвиденый, зато нь яво ис-пад ручки псма-треть*³⁰. Отметим, что народное представление о мужской привлекательности, красоте, как показывает анализ, связано прежде всего с фигурой, статью – крепким телосложением, соразмерностью частей тела – свидетельствам силы, здоровья, способности много трудиться³¹. Эталонными являются такие признаки, как рост не ниже среднего, широкие плечи, сильные руки и ноги, соразмерная голова правильной формы. О здоровом, сильном, физически крепком мужчине говорят: *бугай* (перен.), *солущей*, *как бык мирской, быку лоб сшибет, рысаком не сомнешь, как вавила варнаков*. Приведем примеры:

Дет больнь уш здоровый был, *бугая* таковъ ни токъ ф силе, в уезди не была³²;

²⁷ СРГРМ-2001. С. 25.

²⁸ СРГРМ-2006. С. 204.

²⁹ Там же. С. 189.

³⁰ СРГРМ-1993. С. 155.

³¹ О связи эстетического аспекта оценки внешности человека с прагматическим по принципу здоровья/нездоровья см.: *Богуславский В. М.* Оценка внешности человека: словарь. М.: АСТ, 2004. 256 с.

³² СРГРМ-1978. С. 50.

Тяткь здаровый был *как вавиль варнакф*, лошть за задния ноги валил, дь зубами стол пьднимал (Паньжа, Ковылкинский. Личные записи);

Глянъ-къ, он какой *солущей* (крепкий, здоровый), жаръм пыштъ ат няво³³.

В народном сознании красивый мужчина – это мужчина здоровый, а значит упитанный (не худой): *Чай, он был плохущей* (тощий, худой), *на чэм токъ штаны держались, а ичас стал здоровый, как нълитой* (упитанный, полный)³⁴. Идея связи привлекательности и здоровой полноты транслируется в русских пословицах:

Кто гладенек, тот и миленек;

Будто кровь с молоком.

Не спрашивай здоровья, гляди в лицо.

Однако чрезмерная полнота в говорах осуждается: экспр. о толстом человеке: *толща, тютюня, чурбак, хамула, решетом не охлупишь* и др. См. примеры в словарях:

Иван такой *толща*, аш в дверь бокъм фходит³⁵;

Ваньку рзнясло фшырь и врось, он ы есть как *хамулъ*³⁶;

Вот тьк худинькый пашол. Харю *ришытом* ни *ахлупиш* (груб. О широком, полном лице)³⁷.

Худоба в народно-речевой культуре прочно связана с болезнью, немощью, слабостью, неспособностью работать, считается большим недостатком во внешности, олицетворяет собой невзрачность, особенно у мужчин. По возможности такой недостаток следует исправлять.

Худой, тощий: *сухеря, сухопаря, сухоня, сухощеный, стялый, стяблый, плохой*; как конопляник, как назола, *труп ходячий, как бычий хвост, одни костыши* (мослы, мотолыжки) *торчат*, душа на жиголочке держится, спину через брюхо чешет, как столбунец, как выпитый и др.

И где ты нашла таковъ *сухерю*³⁸;

Есть не будеш, так и будиш такой *сухошчэный*³⁹;

Зять-ть у Миширяковых какой худой, *как бычий хвост*. – Пил бы меньшы и не был бы *как бычий хвост-ть*⁴⁰.

³³ СРГРМ-2002. С. 106.

³⁴ СРГРМ-1986. С. 82.

³⁵ СРГРМ-2006. С. 45.

³⁶ Там же. С. 125.

³⁷ СРГРМ-1993. С. 94.

³⁸ СРГРМ-2002. С. 176.

³⁹ Там же. С. 177.

⁴⁰ СРГРМ-2006. С. 128.

Хилое, слабое телосложение, мало-сильность ассоциируется у носителей говоров и с маленьким ростом: *Дъ вить как нарошнъ адни мухортики събрались, што такой канпанией зделъш: бривно ни падымиш*⁴¹. Такая внешность далека от русского эталона мужской привлекательности. Группа номинаций с семантикой ‘мужчина маленького роста’ весьма обширна: *мухортик, мухрышка, мухряк, пырдик, пурындыш, скулюлой, шыбздик, чибздик, шитик, шлюпень, шишгют, шпиндик; до печурки не достает, как жук по ногам, как шокура, метр с кепкой, шивота шивотой* и др.:

Рибяты каки мелки пашли, нъстаяши шытики⁴²;

Он нъстаяща съмаварнъ заглушкъ: маленький дъ страшный⁴³;

Сама такая бабинъ, а мужык у ниё как мухортик⁴⁴.

В деревенском социуме негативно оценивается также и чрезмерно высокий рост, особенно если он сочетается с худобой, что вместе рассматривается как непропорциональность сложения и неуклюжесть.

Худой человек высокого роста (верзила): *вавила, дигилястый, жердина, соган, стогометатель, тенето, шалдыба, холудина, хлябина; полтора ивана, только портянки сушить, только собак вешать* и др.

Ну дал бох *вавилу*, в ызбу згибащъ фходит. И сё растёт⁴⁵;

Рядъм с этим *хлябинъ* и идти стыднъ⁴⁶;

Соган ты етъкый нуклюжый, фся адёжь тибе мала⁴⁷.

Непременным атрибутом мужской красоты считается хорошая осанка и легкая походка. Впечатление от походки человека обусловлено особенностями его тела (стройностью).

Стройный, с хорошей осанкой: *аккуратный, бодрый; яйцо на голове пронесет, идет как пишет, идет как с маслом.*

Шуркъ у Макаркиных красифше фсех; нъ лицо *как письнъ* (красивый), *ицо нъ гълаве прънисёт*⁴⁸;

Паринъ-тъ какой *бодрый*⁴⁹;

Идет как с масълм, гълава кверху, аш ноги пѣт собой ни видит⁵⁰.

Ср.: **нескладный/неуклюжий/плохая осанка:** *суглобый, сугоблый, сувилистый; как куль:*

А нъ *сувилиствъ* нарят надень, и он фсё ни гош⁵¹;

К саседим дочъ с мужъм приехълъ. Он-тъ *как куль*, уш такой нескладный⁵².

Русские пословицы также утверждают:

Красен человек статью;

Знать сокола по полету, а доброго молодца по походке (по выступке);

Без осанки конь — корова.

Эстетическая оценка мужской привлекательности в рассматриваемых говорах не слишком акцентируется на особенностях лица. Отсутствие детализации при оценивании внешности, на наш взгляд, подтверждает мысль о вторичности такой характеристики, как красота, применительно к мужчине. Тем не менее имеющиеся высказывания позволяют сделать вывод, что красивым считается округлое лицо, светлая кожа, прямой и небольшой нос:

Васькъ-тъ Чернышоф какой парнина вымъхъл, *как ыс картонки вырезный* (круглолицый), белый как репъ (Атемар, Лямбирский. Личные записи);

Он у них один такой *усколёзый* (узколиций), фсе круглолицы⁵³;

Уш чяво харошъвъ, у няво *сурно* (лицо) фсягда краснъя, как пьмидоръ⁵⁴.

Пословицы подтверждают такие наблюдения:

Личиком беленок, да умом простенек;

Рожа красная, хоть онучи суши. Рожа как клюковка, глаза — луковки;

Толстогубый курносому сродни.

В топ-лист привлекательных мужских черт в рассматриваемых говорах по какой-то причине не попадает характеристика зубов, которая в современном социуме

⁴¹ СРГРМ-1986. С. 43.

⁴² СРГРМ-2006. С. 218.

⁴³ СРГРМ-2002. С. 16.

⁴⁴ СРГРМ-1986. С. 43.

⁴⁵ СРГРМ-1978. С. 58.

⁴⁶ СРГРМ-2006. С. 136.

⁴⁷ СРГРМ-2002. С. 99.

⁴⁸ СРГРМ-1993. С. 289.

⁴⁹ СРГРМ-1978. С. 41.

⁵⁰ СРГРМ-1981. С. 113.

⁵¹ СРГРМ-2002. С. 162.

⁵² СРГРМ-1981. С. 101.

⁵³ СРГРМ-2006. С. 86.

⁵⁴ СРГРМ-2002. С. 173.

является статусной. Предпочтение отдается также светлым волосам (русым, желателно кудрявым), светлым (голубым) глазам (светлый равно приятный, теплый): *Сказали три парня кудрявых приехали. Вить схвастали* (говорить неправду, врать), *адни дефки тут*⁵⁵. См. в русских пословицах:

Русы волосы сто рублей, буйна голова – тысяча, а всему молодцу и цены нет;

Рыжий да красный – человек опасный: изба-ви нас, боже, от лыса, коса, рыжа и кривоноса;

Глаз черный, взгляд бойкий, обычай волчий;

Черный глаз, карий глаз – минуй нас!

При оценке красоты мужчины отмечается пропорциональность тела – форма и размер головы, рук, ног:

Нашла себе жъниха, руки дъ каленьф, гъла-ва тыхвй, нос картошкый висит, а шъя как плить агурешный, тонка, словъм, *дадон* (человек с некрасивой, уродливой внешностью)⁵⁶.

См. в пословицах:

Руки граблями, ноги вилами. Руки сковородником, ноги ухватом;

У него ножки, что сошки, брюшко, как волюночка;

Скоморошьи ноги. Стрекозы паучиные ножки.

Выводы. Таким образом, стандарты мужской красоты в русской диалектной картине мира существуют, имеют национальную специфику, базируются прежде всего и в основном на прагматических, «приземленных» ценностях (физическая сила, здоровье, выносливость, трудоспособность). Мужская красота по-русски – это крепкое и гармоничное телосложение, статность, хороший рост и осанка, легкая походка, а также округлое лицо, желателно светлые глаза и волосы, небольшой прямой нос.

В работе впервые на диалектном материале анализируется мужская красота как одна из составляющих феномена маскулинности, изучение которого в диалектной гендерологии переживает пока еще этап накопления эмпирических данных, а также представлены выявленные в рамках собранного фактического материала национальные стандарты мужской красоты. Изучение традиционных стереотипов мужской красоты дает

пищу для размышлений о национально-культурном представлении маскулинности, о месте и значении данных стереотипов в коллективном национальном сознании, их динамике и статике в современном мире в условиях агрессивных процессов глобализации и шире – о приверженности русских к поискам опоры в традициях, в прошлом.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Азимова Д. Р.* Красота в русских пословицах: гендерный аспект // *Филология и культура*. 2016. № 3(45). С. 6–11.

2. *Калиткина Г. В.* Диалектные словари как лингвокультурологический источник: опыт реконструкции традиции (статья 1) // *Вестник Томского государственного университета*. Серия: Филология. 2006. № 291. С. 12–19.

3. *Литвинова Т. А., Загорская О. В.* О возможностях лексикографической репрезентации образа человека в современном диалектном словаре (на материале многоаспектного компьютерного словаря номинаций лиц в воронежских говорах) // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2015. № 12(54), ч. 4. С. 82–86.

4. *Маркина Л. В.* Гендерные стереотипы диалектной коммуникации (на материале бранных номинаций женщин) // *Русистика и компаративистика: сб. науч. тр. по филологии* / гл. ред. С. А. Васильев. М.: ООО «Книгодел», 2019. Вып. XIII. С. 245–254. DOI: 10.25688/2619–0656.2019.13.15.

5. *Маркина Л. В.* Гендерные стереотипы маскулинности в диалектной коммуникации (на материале бранных номинаций мужчин) // *Неофилология*. 2020. Т. 6, № 21. С. 5–14. DOI: 10.20310/2587–6953–2020–6–21–5–14.

6. *Новоселова О. А., Храмова Л. Н.* Оценочные номинации женщины и мужчины в русской народно-речевой культуре (по данным сибирских говоров) // *Вестник НГУ. Серия: История, филология*. 2017. Т. 16, № 9: Филология. С. 40–48. DOI: 10.25205/1818–7919–2017–16–9–40–48.

7. *Прудникова Е. С.* Стереотипные гендерные характеристики человека в русском языковом сознании (на материале паремий о мужчине) // *Вестник Вятского государственного гуманитарного университета*. 2012. № 1(2), т. 2: Филология и искусствоведение. С. 37–40.

8. *Толстова М. А.* Гендер в традиционной культуре сквозь призму словаря // *Вестник Томского гос. ун-та. Серия: Культурология и искусствоведение*. 2016. № 4(24). С. 68–75.

9. *Толстова М. А.* Отражение гендерной картины мира в наименованиях лиц женского пола в диалекте // *Научное наследие*

⁵⁵ СРГРМ–2002. С. 180.

⁵⁶ СРГРМ–1981. С. 24.

В. А. Богородицкого и современный вектор исследований Казанской лингвистической школы: труды и материалы международной конференции. Казань, 2016. С. 292–298.

REFERENCES

1. Agzamova D. R. Beauty in Russian proverbs: gender aspect. *Filologiya i kul'tura = Philology and Culture*. 2016. No. 3(45). P. 6–11. (In Russ.).
2. Kalitkina G. V. Dialect dictionaries as a linguistic and cultural source: experience in the reconstruction of tradition (article 1). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Tomsk State University*. 2006. No. 291. P. 12–19. (In Russ.).
3. Litvinova T. A., Zagorovskaya O. V. On the possibilities of lexicographic representation of the image of a human image in the modern dialect dictionary (by the material of a multi-aspect computer dictionary of nominations of people in Voronezh dialects). *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki = Philological sciences. Questions of theory and practice*. 2015. No. 12(54), part 4. P. 82–86. (In Russ.).
4. Markina L. V. Gender stereotypes of dialect communication (based on the material of abusive nominations of women). *Rusistika I comparativistika: sb. nauch. tr. po filologii = Russian and Comparative Studies: coll. of scientific works on philology* / S. A. Vasiliev (ed.). Moscow: Knigodel, 2019. Issue XIII. P. 234–243. (In Russ.).
5. Markina L. V. Gender stereotypes of masculinity in dialect communication (based on

the material of men's expletive nominations). *Neofilologiya = Neophilology*. 2020. Vol. 6, No. 21. P. 5–14. (In Russ.).

6. Novoselova O. A., Khramtsova L. N. Evaluating nominations of woman and men in the Russian people's speech culture (as of Siberian speaks). *Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, filologiya = Bulletin of NSU. Series: History and Philology*. 2017. Vol. 16, No. 9: Philology. P. 40–48. (In Russ.).
7. Prudnikova E. S. Stereotypical gender characteristics of the man in Russian speakers' mentality (on the material of proverbs about a man). *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo humanitarnogo universiteta = Bulletin of Vyatka State University for the Humanities*. 2012. No. 1(2), vol. 2: Philology and art history. P. 37–40. (In Russ.).
8. Tolstova M. A. Gender in traditional culture through a dictionary. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Kul'turologiya i iskusstvo-vedenie = Bulletin of Tomsk State University. Series: Cultural studies and art history*. 2016. No. 4(24). P. 68–75. (In Russ.).
9. Tolstova M. A. Reflection of the gender picture of the world in the names of females in the dialect. *Nauchnoe nasledie V. A. Bogoroditskogo i sovremennyyi vektor issledovaniy Kazanskoi lingvisticheskoi shkoly: trudy i materialy mezhdunarodnoi konferentsii = Proceedings and materials of the international conference Scientific heritage of V. A. Bogoroditskogo and the modern vector of research of the Kazan linguistic school*. Kazan, 2016. P. 292–298. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT AUTHOR

Людмила Витальевна Маркина, доктор филологических наук, профессор, кафедра русского языка и методики преподавания филологических дисциплин, Институт гуманитарных наук, Московский городской педагогический университет

Liudmila V. Markina, Dr. of Sci. (Philol.), Professor, Department of Russian Language and Methods of Teaching Philological Disciplines, Institute of Humanities, Moscow City Pedagogical University

Статья поступила в редакцию 15.05.2020; одобрена после рецензирования 18.05.2020; принята к публикации 25.08.2020.

The article was submitted 15.05.2020; approved after reviewing 18.05.2020; accepted for publication 25.08.2020.

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 80.811.161.1

DOI: 10.30515/0131-6141-2021-82-2-66-75

Кто я? (Личное имя как инструмент самоидентификации русскоязычных детей-билингвов)

Александр Васильевич Зеленин¹, Наталия Леонидовна Иванова²

¹ Университет Тампере, г. Тампере, Финляндия, aleksandr.zelenin@tuni.fi

² Университет Тампере, г. Тампере, Финляндия, natali.martynovaa@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются результаты обработки социолингвистического электронного анкетирования, проведенного в 2017–2019 гг. в Финляндии. Цель анкетирования – выяснить отношение детей в би- и полилингвальных семьях, проживающих в Финляндии, к своему имени. На анкету ответили 19 детей (дополнительно проведено 4 интервью) в возрасте от 10 до 16 лет (2002–2010 гг. рождения). Методами исследования являлись: метод социолингвистического электронного анкетирования, сопряженный в необходимых случаях с фокусированным интервью, метод верификации полученных социолингвистических данных, метод case study. Результатами проведенного исследования стало выявление социопсихологических мотивов, обуславливающих функционирование вариантов имен детей с ориентацией как на культуру родителей (семьи), так и на финский социум. Новизна проведенного пилотного исследования заключается в анализе рефлексии детей-билингвов о своем личном имени, отражающей процессы самоидентификации.

Ключевые слова: многоязычие, личное имя ребенка, поликультурность, самоидентификация, фокусированное социолингвистическое интервьюирование, электронная анкета, гибридная культура

Для цитирования: Зеленин А. В., Иванова Н. Л. Кто я? (Личное имя как инструмент самоидентификации русскоязычных детей-билингвов) // Русский язык в школе. 2021. Т. 82, № 2. С. 66–75. DOI: 10.30515/0131-6141-2021-82-2-66-75.

ORIGINAL RESEARCH ARTICLE

Who am I? (Personal name as a tool for self-identification of Russian-speaking bilingual children)

Aleksandr V. Zelenin¹, Natalia L. Ivanova²

¹ University Tampere, Tampere, Finland, aleksandr.zelenin@tuni.fi

² University Tampere, Tampere, Finland, natali.martynovaa@gmail.com

Abstract. This article presents the results of a sociolinguistic electronic survey conducted in 2017–2019 in Finland. The purpose was to reveal the attitude of children towards their names in bilingual and polylingual families living in Finland. The questionnaire was answered by 19 children (4 interviews was taken additionally) aged from 10 to 16 years old (born between 2002–2010). The research methods were: the method of sociolinguistic questionnaire, focused interviews, the method of verification, the case study method. As a result, socio-psychological motives determining the orientation of variants of children's names both at the culture of their parents (family) and the Finnish society. The novelty of the pilot study is an analysis of bilingual children's reflections on their personal name as a significant part in self-identification processes.

Keywords: multilingualism, child's personal name, polyculturalism, self-identification, focused sociolinguistic interview, electronic questionnaire, hybrid culture

For citation: Zelenin A. V., Ivanova N. L. Who am I? (Personal name as a tool for self-identification of Russian-speaking bilingual children). *Russkii yazyk v shkole* = *Russian language at school*. 2021. Vol. 82, No. 2. P. 66–75. DOI: 10.30515/0131-6141-2021-82-2-66-75. (In Russ.).

Введение. Личное имя — важный знак индивидуальной, социальной (само)идентификации и даже ценностной ориентации личности. Личное имя как антропонимический феномен в культурном пространстве социума, с одной стороны, обращено в прошлое как хранитель памяти и традиций, с другой — устремлено в будущее, фиксируя те или иные инновации, свидетельствующие о сдвигах в антропонимической системе, а значит — в изменениях ценностной матрицы этнической, национальной группы.

Основной функцией имени является идентификация личности. Эта функция формирует прочную связь между *именем* и *идентичностью*: вещи, которые связаны с чувствами и хотя бы идентифицированными, обычно называют, им присваивается идентичность.

Имя, даваемое ребенку родителями, может быть связано с культурно-историческим наследием родителей, их памятью, прежним местом жительства. Имя может служить психологическим и социокультурным способом адаптации как родителей, так и ребенка к новой этнической среде проживания. Индивидуальная идентификация начинается с личного имени и желания родителей (родственников) и самого индивида (в разумном, осмысленном возрасте) придать ему значение, «примерить» имя на себя, почувствовать в нем социально-коммуникативный комфорт или, напротив, испытать дискомфорт.

В данной статье речь пойдет о способах и мотивации выбора родителями личного имени ребенка, рожденного в монолингвальных или полилингвальных семьях, использующих (в разной степени) русский язык вне российского культурно-языкового ареала, а именно — в финском контексте.

Анализ. Перспективной сферой исследования в последние десятилетия является исследование антропонимов в социокультурном окружении. Такие работы активно проводятся, например, в США и Великобритании (W. Nicolaisen, F. Simmonds, G. Mathews, R. Alford, G. Hofstede), частично — в Германии и Франции (L. Breddella, W. Delanoy), в Польше¹ (см. также:

[Kowalik-Kaleta 2007]), России² (см. также: [Бойко, Электронный ресурс; Чиршева 2012]). Проблемы финской антропонимики занимаются Т. Ainiala, М. Saarelma, Р. Sjöblom, Е. Kiviniemi, S. Latomaa, L. Nissilä, Н. Vaarala, К. Pitkänen, М. Dufva.

Материалом исследования послужили социолингвистические данные, собранные в 2017–2019 гг. в монолингвальных (оба родители русские или один родитель русский, другой мог быть выходцем из бывшего СССР: латыш, карел, грузин; языком семьи является русский) и билингвальных семьях (один родитель — русский, другой — финн; язык семьи — финский, английский, немецкий). С помощью сайта *webanketa.com* была составлена электронная анкета для всех предполагаемых информантов (взрослых и детей). В проведенном эксперименте использовался социолингвистический метод опроса, представленный в двух разновидностях: анкетирование (индивидуальное и групповое) и интервьюирование полустандартизированное, смешанное с анкетированием) [Schuman 2001; Milroy, Gordon 2008; Lindlof, Taylor 2010; Mallinson & al. 2017]. Цель социолингвистического анкетирования — получение информации от родителей о мотивах выбора имени, а также от самих детей об их отношении к своим именам. Вопросы родителям и детям были предложены отдельно; эти вопросы затрагивали две сферы коммуникации: внутри семьи (включая родителей, братьев, сестер, родственников) и вне семьи (окружение ребенка в детском саду, школе, в общении со сверстниками). В настоящей статье мы проанализируем часть полученных данных, касающихся психологических, социальных, личностно-ценностных интерпретаций своего личного имени детьми.

Kraków: Wydawnictwo Instytutu Języka Polskiego PAN, 1999. Т. 1: А–К. 504 с.

² Гарагуля С. И. Антропонимическая прагматика и идентичность индивида (опыт системного описания личных имен США): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М.: МГУ, 2009. 42 с.; Чэньчэнь Ли. Функционирование имени собственного в аспекте билингвизма (на материале русского и китайского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2012 [Электронный ресурс]. URL: http://www.philology.nsc.ru/dissovet/2012_12/li_chenchen_autoref.pdf (дата обращения: 27.02.2020).

¹ Rymut K. Nazwiska Polakow: słownik historyczno-etymologiczny / Malec M., Klimek Z. (rec.)

Было проведено письменное анкетирование 19 детей-информантов (плюс взято 4 интервью). Сложность сбора материала заключалась в получении согласия родителей (а через них – и детей) участвовать в анкетировании: нежеланием как родителей, так и детей отвечать на вопросы, некоторым страхом (для кого-то это было первый раз в жизни) или сомнением в анонимности проводимого эксперимента. Тем не менее в пилотный эксперимент удалось вовлечь определенное число респондентов. Количество детских имен, указанных самими детьми, – 23. Возраст информантов от 10 до 16–17 лет, 2002–2010 гг. рождения. Вопросы анкетирования были даны на русском языке, формулировки понятны для билингвальных детей школьного возраста, проживающих в Финляндии. Цель таких анкет – собрать высказывания (рефлексию) детей (желательно без участия родителей) для выяснения фрагмента их самоидентификации через свое имя. В некоторых вопросах общие понятия-термины, такие как *kutsumanimi* (так называемое *звательное имя*, которое репрезентирует человека в социуме), даны на финском языке для точного понимания ребенком, поскольку с указанным словом и понятием ребенок бывает знаком с детского сада. По усмотрению ребенка-информанта анкета могла быть заполнена как на русском, так и на финском языках. В структуре анкеты более важные вопросы представлены первыми.

Этническая идентификация, связанная с личным именем, естественна и многопланова в социуме. Это мотивирует членов этнических групп, с одной стороны, скрывать свою этническую принадлежность, меняя имена, с другой – проявлять свою идентичность, сознательно выбирая этническую принадлежность и предъявляя ее как своеобразный манифест обществу (Ainciburu, Buttazzi 2019). Таким образом, имя выступает символом принадлежности к той или иной культуре, этносу, имеет (для имядателей или носителей имени) эмоциональное содержание, являя собой многослойную структуру, *layers of meaning* (Nyström 2016; Walkowiak 2016).

Под самоидентификацией понимают характеристику (мироощущение) человека, которая заставляет его делать выбор и принимать решения, исходя из собственных предпочтений и интересов, позволяя

контролировать и регулировать свои собственные действия, мотивирует человека чувствовать себя ориентированным на достижение какой-либо цели и быть достаточно самостоятельным, независимым в своих действиях (см.: [Nyström 2016; Frändén 2016]). Таким образом, самоидентификация – широкое понятие, включающее в себя, например, следующие аспекты: 1) «отождествление себя с кем-то и в чем-то и одновременно различение себя от кого-то и от чего-то» [Губогло 2003: 55; Gil 2018: 440]; 2) «восприятие собственного “я” через взаимодействие и соотнесение себя с другими индивидами» [Mathews 2000: 16]. Как правило, для анализа функционирования личного имени в микро- и макросоциуме важно выяснение следующих факторов: идентификация человека; язык, которым индивид пользуется; культура, к которой он принадлежит и с которой он себя идентифицирует; общество, в котором он живет; межличностные отношения в этом обществе [Комова 2003: 9].

Приведем характерный пример, показывающий, насколько важна антропонимическая идентификация человека для общей самоидентификации. Так, англо-американский лингвист немецкого происхождения В. Николайсен определяет свою антропонимическую идентификацию 23 различными формами имени. Каждый вариант имени, по его мнению, отражает различные стороны его собственного «я» в отношении к себе и окружающему миру в разные периоды жизни [Nikolaisen 1999: 185].

Русская антропонимическая система чрезвычайно богата количеством производных от полного (нейтрального) имени; например, мужское имя *Александр* имеет 126 производных форм³ [Тихонов и др. 1995: 30–36]. Разумеется, этот корпусный (тезаурусный) спектр имени в реальной жизни конкретного индивида не представлен, однако сама потенциальность имени в выстраивании всего антропонимического гнезда в русском языке весьма характерна и показательна.

Через антропонимическую призму имени ребенка происходит социокультурная самоидентификация как родителей, так

³ Тихонов А. Н., Бояринова Л. З., Рыжкова А. Г. Словарь русских личных имен. М.: Школа-пресс, 1995. 733 с.

и ребенка. Роль родителей в имяназвании и прогнозировании использования имени в жизни ребенка (детский сад, школа, подростковый возраст, взрослая жизнь) высока и ответственна. Всегда ли бывают готовы родители к имяназванию ребенка в иноэтническом (для родителей или одного родителя) обществе? Насколько они учитывают отличие другой антропонимической системы от русской? Пытаются ли сохранить антропонимическую преемственность или же обрывают ее? Какова самоидентификация самих родителей, проживающих в Финляндии? На эти и множество других вопросов приходится отвечать родителям, родившимся и воспитанным в СССР/России, но переехавшим в Финляндию, где они и обзавелись семьями, в процессе имяназвания ребенка, родившегося уже в Финляндии и автоматически становящегося гражданином этой страны.

Родительская самоидентификация⁴ в иносоциуме чаще всего осуществляется в смешении прежней и новой культур и поиске своего места в этом симбиозе. Понятие «прежняя культура» подразумевает этническую культуру, которую родители впитали во время жизни, например, в России до момента миграции в Финляндию. Понятие «новая культура» включает в себя финскую культуру, которая осваивается и усваивается родителями, переехавшими в Финляндию. В результате смешения двух культур появляется смешанная, гибридная культура (назовем ее *гибридная культура-1*). *Гибридная культура-1* предполагает моделирование родителями фрагментов культуры, взятых из прежней культуры, с включением новых элементов (поведенческих, социальных стереотипов, морально-этических ценностей). Фрагменты этой *гибридной культуры-1* путем имяназвания детей родители транслируют своим детям. В каждом конкретном случае выбор индивидуален: кто-то хочет сохранить и подчеркнуть «антропонимическую русскость» своего ребенка, кто-то, напротив, планирует вписать имя ребенка в антропонимическую финскую систему.

Социокультурная (и связанная с этим антропонимическая) **самоидентификация ребенка** формируется в иной конфигурации:

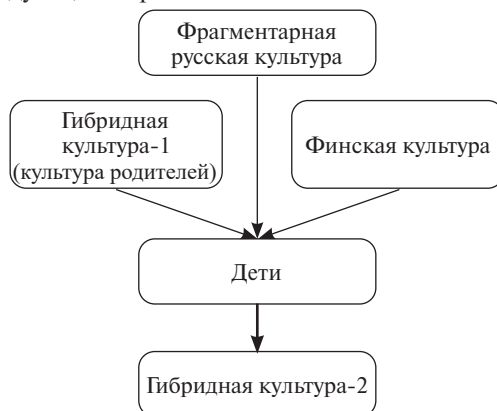
1) *гибридная культура-1*, являющаяся смешанной (прежней и новой) культурой родителей;

2) *фрагменты русской культуры* (не в этническом смысле, а скорее понимаемая как российская повседневно-бытовая культура), которая у ребенка возможна (но не обязательна!); возможна в случае поездок ребенка в Россию (или республики бывшего СССР), просмотра программ российского телевидения, участия в социальных медиа, использования Интернета, участия в праздниках русскоязычных в Финляндии и т. п.;

3) *финская культура* (повседневное окружение ребенка в Финляндии).

Сочетание этих трех компонентов формирует так же, как и в случае с родителями ребенка, *симбиозную, гибридную культуру*, но уже с другим соотношением и семантикой фрагментов культур. В симбиозной культуре ребенка поддерживается относительно независимое сосуществование родительских традиций и актуальной, повседневной современности в различных сферах жизни индивида.

Это можно изобразить схематично следующим образом:

И этническое, и психологическое, и языковое сознание ребенка-билингва (в некоторых случаях, судя по нашим анкетам, следует говорить о ребенке-трилингве) представляет собой гибкую структуру, вмещающую две и более культурно-этнические и лингвистические системы.

При ответе на вопрос: *Какое (финское или русское) у тебя имя и какое из них ты используешь как повседневное, kutsutanimi («звательное имя»)?* – информанты могли писать

⁴ О родительской самоидентификации и мотивах выбора имени ребенку/детям см.: [Зеленин, Иванова 2020].

свое имя как кириллицей, так и латиницей. Среди широкого разнообразия имен существуют как русские, так и финские имена. Как оказалось, почти 80 % детей имеют одно имя, по 2 имени – у 10 % и по 3 имени также у 10 % детей.

Вопрос: *Кто из родственников тебя так назвал?* – преследовал цель выяснить знания ребенка об имянорекалеле. В этом вопросе информанту-ребенку на выбор было представлено пять вариантов ответа (*мама, папа, бабушка, дедушка, другой*), среди которых можно выбрать несколько или вписать другого имядателя в графе «другой». Анкета показала, что имядателями в основном являются родители: мамы и отцы в 86 % случаев, бабушка – в 14 %.

Затем ребенку предлагалось ответить, знает ли он историю выбора своего имени и почему родители выбрали именно такое имя. Интересными ассоциативно-смысловыми мотивировками, которые указали сами дети (очевидно, на базе семейных рассказов, воспоминаний матери), являются:

1) выбор имени мамой во время беременности:

Kun olin äidin mahassa, äiti kertoi minulle nimiä ja kun tuli nimi Renat niin potkasin äitiä mahaan. Näin hän ymmärsi, että tykkään tästä nimestä ja sain sen heti syntyessä (Когда я был еще в животе мамы, мама называла меня по разным именам, и когда она произнесла имя Ренат, то я толкнул маму в живот. Так она поняла, что мне нравится это имя, и его я и получил при рождении);

2) ассоциация с положительным персонажем, актером в популярном фильме:

Долго не могли выбрать, хотели что-то подходящее. Посмотрели фильм Амели⁵ и назвали [так];

Пересмотрели «Один дома»⁶ [и назвали Кевин];

3) ассоциация со сказочным персонажем:

⁵ «Амели» (фр. *Le Fabuleux Destin d'Amélie Poulain* – «Невероятная судьба Амели Пулен») – французская романтическая комедия 2001 г., режиссер Жан-Пьер Жёне.

⁶ «Один дома» (англ. *Home Alone*) – американский рождественский комедийный фильм 1990 г., режиссер Крис Коламбус, сценарий Джона Хьюза.

Не знаю, наверное, родителям нравилась Василиса Премудрая.

В последнем случае интересны поиски ребенком антропонимической и социокультурной мотивации своего необычного для финского социума имени; любопытно и характерно здесь обращение ребенка к русскому сказочному прецедентному имени.

Следующий вопрос ставил целью выяснить, нравится или нет данное родителям имя самому ребенку. Ответы таковы: да, очень нравится (33 %), хорошее имя (33 %), нормальное имя (19 %), не очень нравится (14 %). Таким образом, большинству детей (67 %) нравится свое имя. В данном вопросе есть уточняющая графа, предлагающая ребенку дать развернутый ответ: *Почему тебе нравится/не нравится свое имя?* Полученные ответы таковы:

1) положительная оценка собственного имени:

Не знаю, просто классное. На разных языках если говорить;

А почему оно плохое?;

Не знаю, нравится и все. Мое же имя;

Красивое. С этим именем есть хорошие персонажи (Vasilisa);

Редкое, иностранное и красивое;

Оно мне подходит;

Потому что это имя моей святой;

Tykkään siitä, koska se ei ole tavallinen ja on helppo ääntääsen [правильный вариант: ääntää] (Мне нравится, потому что оно необычное и [его] легко произносить);

Сначала не нравилось, а потом, когда стала слышать ото всех, что это имя популярное, влюбилась в свое имя;

2) осознание ребенком антропонимического своеобразия своего имени:

Необычное;

Нормальное имя. Потому что оно не финское;

Ну мне нравятся русские имена, например Кристина или Виктория;

Ни у кого другого такого имени нет;

Я бы хотел еще какое-то имя, ни у кого другого такого имени нет;

3) отрицательная оценка собственного русского имени:

На финском мое имя не так звучит, как надо;

Потому что от имени Владислав, все зовут меня Vallu.

Таким образом, дети очень по-разному реагируют на данные им имена: от одобрения и даже гордости до ощущения ребенком антропонимического дискомфорта (при несовпадении произносительных норм и правил образования некоторых форм (в частности, звательных имен, *kutsumanimi*) двух антропонимических систем: русской и финской).

Удовольствие или раздражение от своего имени проверялось в вопросе: *Если бы ты мог выбрать себе имя, какое бы ты выбрал?* В ответах видны антропонимические ориентиры и предпочтения детей: 1) выбрал(а) бы свое имя — 7 детей; 2) поменял(а) бы имя (финское на русское или русское на финское) — 8 детей; 3) выбрал(а) бы параллельное имя (финское — на другое финское или русское — на другое русское) — 3 ребенка. Очевидно, что антропонимические сомнения присутствуют у большинства детей.

Одна из полученных анкет представляет собой концентрированный синтез антропонимических корреляций двух систем и самоидентификационных интерпретаций. Ребенку родители дали два имени, сочетав в его составе финское и русское имена — *Michael Vladislav*. Родители исходили из лучших побуждений: с одной стороны, имя *Владислав* (обратим внимание, что оно стоит все-таки на втором месте) связано с желанием родителей (или просьбой родственников) передать ребенку частичку своей прежней (российской) культуры; с другой — финское имя в шведской огласовке *Michael* преследует цель снабдить (антропонимически обезопасить) ребенка; это имя — стремление родителей вписать ребенка и себя (даже в первую очередь именно себя, родителей/родителя) в финскую антропонимическую систему. Сложная антропонимическая игра, связанная с выбором такого симбиозного имени, не заканчивается, а продолжается... В семье и среди русскоязычных родственников используется преимущественно второе, русское, имя. Самоидентификация ребенка отражается скорее не в русском имени *Владислав*, *Влад(ик)*, а в звательном имени (*kutsumanimi*) *Vallu* (финноязычная краткая форма русского имени *Владислав*). Однако вне семьи может использоваться также англоязычная форма первого (шведоязычного) имени *Микаэл* — *Майкл*.

Michael Vladislav — полные формы личных имен антропонимической формулы. Сам же ребенок так мотивировал обилие вариантов своего имени в анкете: 1) *Владислав* — «не очень нравится, потому что от имени *Владислав*, все [в Финляндии] зовут меня *Vallu*»; 2) *Vallu* (звательное имя) — «все зовут меня *Vallu*»; это же имя использует его папа (его родной язык — финский); также это имя используют «все остальные [финны]»; 3) *Владик*, *Влад* — имена, которые использует мама (родной язык — русский); 4) *Микаэл*, *Майкл* — «мое первое имя *Майкл*» [в частности, так сам мальчик представляется вне Финляндии и России, например в других европейских странах; также эта форма используется в шутивно-фамильярном обращении к мальчику в России в качестве лингвоэтнического параметра «иностранец»] [Зеленин 2013].

Приведенные выше варианты имени/имен свидетельствуют о гибридной, поликультурной ориентации в семье в использовании детского имени: *Владислав*, *Владик* и *Влад* рассматриваются как принадлежность к русской культуре (гибридная культура-1 одного из родителей, мамы); *Mickael*, *Vallu* — принадлежность к финской культуре (первое имя — в шведской огласовке); *Майкл* — принадлежность к европейской интернациональной (англоориентированной) культуре (гибридная культура-2 самого ребенка). Таким образом, каждое из личных имен — *Mickael Vladislav* — имеет свое этническое и культурное содержание и является существенным для антропонимической самоидентификации ребенка в его семейной и внесемейной коммуникации. Мальчик, имеющий имя *Michael Vladislav*, использует разные личные имена своей антропонимической формулы в зависимости от того, как он воспринимает себя и как его воспринимают другие, тем самым акцентируя разные компоненты своей антропонимической и социокультурной идентификации. Однако, судя по ответам анкеты, этому ребенку не нравится его «смешанное» имя и он бы хотел «какое-нибудь» другое. Идентификацию в таких случаях можно рассматривать как «плавающую», отражающую изменчивое, приспособленное к актуальному в данный момент микросоциуму (семья, родственники, внесемейное окружение: школа, друзья, путешествия в другие страны) поведение и самоощущение ребенка.

Таким образом, можно говорить о социо-психологическом, коннотативном и культурно-окрашенном отношении к имени как о сложном комплексе его интерпретаций и модификаций в сознании ребенка в процессе самоидентификационного поиска.

Вопрос: *Какие имена используют папа, мама и другие родственники?* — стремился выявить количество имен детей, существующих именно в их детском языковом сознании. В анкетах обнаружилось большое разнообразие гипокористических форм имени: от трех до девяти форм каждого личного имени, например:

Eemeli (муж.): Эмилька, Эмисюн, Эмиль, Эмисюша, Эмели, Эмили, Эмиль;

Emilia (жен.): Миль, Миля, Эмилия, Эмиличка, Емрри, Эми, Эмюся.

При анкетировании мы отметили любопытный психологический феномен: дети-информанты с радостью перечисляют все ласкательные формы, что показывает их удовольствие от разнообразия вариантов имени. Показателем такого эмоционально положительно окрашенного отношения и к самому вопросу, и к желанию отвечать на него являются характеризующие визуальные элементы оценки информации — идеограммы (смайлики).

У детей-билинггов, как правило, бывает обостренный фонологический слух, основанный на контрастах русского и финского языков (отсутствие в финском твердости-мягкости согласных, разноместное ударение в русском, наличие в русском шипящих и свистящих и др.). Один из вопросов анкеты касался выяснения фонологического аспекта использования личного русского имени в финском окружении ребенка: *Случалось ли такое, что твое имя произносили неправильно?* Больше половины детей-информантов встречались с неправильным произношением имени, и этот факт языковое сознание ребенка фиксирует довольно рано. Такое явление с лингвистической точки зрения объясняется тем, что ребенок обратил внимание на следующие различия:

1) фонологическую трансформацию своего имени: *Кэвин. Но я же не Кэвин* (финское произношение с твердым [k]), *я — Кевин* (русское произношение с мягким [к']) (очевидно, что русская произносительная норма имени (со смягчением первого согласного)

доминирует в сознании ребенка как форма, к которой он привык с рождения в семейном кругу); *я Гоша, а не Госа* (финнам трудно услышать разницу между русскими свистящими и шипящими);

2) различие акцентологических норм в финском и русском языках: *Тро́фин*⁷ (в финском языке ударение всегда падает на первый слог). В анкетах дети отметили и другие фонологические аспекты произношения своего русского имени сверстниками. Если русское имя представляет сложность, нетипичность для финской графико-фонологической системы, то ребенку приходится подстраиваться под финскую фонологическую модель и прибегать к компенсирующим и адаптирующим механизмам: русское имя *Egor (Egor)* финны могут произносить как [Э]gor (графически — *Egor*), *Иикор (Iikor, с долгим [и] и глуким [k] вместо русского звонкого [г])* или *Игор (Igor, с твердым [р])*. Таким образом, ребенок владеет «двумя» именами, при котором их распределение зависит от коммуникативной ситуации. В данном случае в семье и русскоговорящем окружении употребляется имя *Egor*, а в общении с финноязычными — *Iikor, Igor*. Фонологические варианты приобретают в голове маленького «стихийного лингвиста» лингвокультурную дифференциацию.

Выводы:

1. Самоидентификация ребенка так же, как и самоидентификация родителей, является подвижной, меняющейся и формируется (по меньшей мере) с помощью трех компонентов: гибридной культуры родителей (гибридная культура-1), фрагментов русской культуры (возможно и отсутствие этих фрагментов из-за полного прекращения отношений с культурой родителей, их родственников, живущих в России) и финской культуры.

2. Вариативность имен, зафиксированных в анкетах, свидетельствует о существовании в детском антропонимиконе лабильной, незамкнутой антропонимической системы, ориентированной на гибридную культуру-1

⁷ Данное имя является финской гибридной словообразующей формой (вариацией) от славянского имени *Трофим*. Ср. имена со схожей финальной огласовкой *Кэвин, Мэ́ртин* и пр. на первом слоге (как и *Тро́фин*).

(культуру родителей), на финскую культуру и на гибридную культуру-2 (сочетающую две предыдущие культуры).

3. Ребенок в процессе своей самоидентификации в моно- и билингвальных семьях в разные возрастные периоды чутко реагирует на использование имени в семейной и внесемейной коммуникации. В этих сложных процессах построения идентичности личное имя — один из важнейших маркеров в меняющемся самоощущении ребенка, вариации имен могут вызывать у ребенка чувство психологического комфорта или дискомфорта.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бойко Л. Б. О структуре антропонима и его функционировании в русском и английском языках // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. 2015. № 2. С. 14–22.
2. Губогло М. Н. Идентификация идентичности: этносоциологические очерки. М.: Наука, 2003. 764 с.
3. Зеленин А. В. Немцы в русской культуре (лингвистическая имагология) // Русский язык в школе. 2013. № 4. С. 63–71.
4. Зеленин А. В., Иванова Н. Л. Кто ты? (Родительские стратегии имяназвания детей-билингвов) // Русский язык в школе. 2020. Т. 81, № 5. С. 67–74. DOI: 10.30515/0131-6141-2020-81-5-67-74.
5. Комова Т. А. Концепты языка в контексте истории и культуры. М.: МАКС Пресс, 2003. 118 с.
6. Чиршева Г. Н. Межъязыковые инновации в речи американских русских детей // Уральский филологический вестник. Язык. Система. Личность. Лингвистика креатива. 2012. № 3. С. 50–54.
7. Ainciburu M. C., Buttazzi I. "Esa no soy Yo": Self-Image and Name Change from the Perspective of Female Immigrants // Languages. 2019. Vol. 4, No. 4 [Электронный ресурс]. URL: <https://doi.org/10.3390/languages4040083> (accessed: 20.02.2020).
8. Ainiala T., Saarelmä M., Sjöblom P. Names in Focus: an Introduction to Finnish Onomastics. Helsinki: Finnish Literature Society, 2012. 287 p.
9. Alford R. D. Naming and identity: a cross-cultural study of personal naming practices. New Haven: HRAF Press, 1988. 190 p.
10. Bredella L. The Anthropological and Pedagogical Significance of Aesthetic Reading in the Foreign Language Classroom. Challenges of Literary Texts in the Foreign Language Classroom. Bredella and W. Delanoy (eds.). Tübingen: Gunter Narr, 1996. P. 1–29.
11. Delanoy W. Come to Mecca: Assessing a Literary Text's Potential for Intercultural Learning. Experiencing a Foreign Culture. W. Delanoy, J. Köberl and H. Tschachler (eds.). Tübingen: Narr, 1993. P. 275–299.
12. Frändén M. "Surnames in the Melting Pot: Presentation of a Project on Surnames and Immigration" // Proceedings of the 25th International Congress of Onomastic Sciences. Carole Hough [s] Daria Izdebska (eds.). Glasgow: University of Glasgow, 2016. P. 233–237.
13. Gil R. Neuropsychologie. 7 ed. Elsevier-masson, 2018. 512 p.
14. Hofstede G. Culture's Consequences: Comparing Values, Behaviors, Institutions and Organizations across Nations. Thousand Oaks, CA: Sage, 2001. P. 9–10.
15. Kiviniemi E. Rakkaan lapsen monet nimet: suomalaisten etunimet ja nimenvaihtoa. Espoo: Weilin Göös, 1982. 376 p.
16. Kiviniemi E. Suomalaisten etunimet. Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Toimituksia 1103. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 2006. 431 p.
17. Kowalik-Kaletka Z. Historia nazwisk polskich na tle społecznym i obyczajowym (XII–XV wiek). Warszawa: Slawistyczny Ośrodek Wydawniczy, 2007. T. 1. 440 s.
18. Latomaa S. Kotikielestä äidinkieleen ja kaksikielisyyteen // Oma kieli kullaa kallis. Opas oman äidinkielen opetukseen. Helsinki: Opetushallitus, 2007. P. 36–40.
19. Lindlof T. R., Taylor B. C. Qualitative Communication Research Methods. Sage Publications, 2010. 400 p.
20. Mallinson Ch., Childs B., Van Herk G. Data Collection in Sociolinguistics: Methods and Applications. 2nd ed. London: Routledge, 2017. 348 p.
21. Mathews G. Global Culture / Individual Identity: Searching for Home in the Cultural Supermarket. London: Routledge, 2000. 228 p.
22. Milroy L., Gordon M. Sociolinguistics: Method and Interpretation. John Wiley & Sons, 2008. 280 p.
23. Nicolaisen W. F. H. In the beginning was the name: Selected essays by Professor W. F. H. Nicolaisen. Glasgow, 1999.
24. Nissilä L., Vaarala H., Pitkänen K., Dufva M. Kaksi- ja monikielisten kielelliset oppimisvaikeudet ja kielen oppimisen tuki. Maahanmuuttajien oppimisvaikeudet. 2 painos / toim. L. Nissilä, H.-M. Sarlin. Helsinki: Opetushallitus, 2009. P. 36–63.

25. *Nyström S.* "Names and Meaning" // The Oxford Handbook of Names and Naming. Carole Hough (ed.). Oxford: OUP, 2016. P. 3.

26. *Schuman H.* Attitude surveys: Question-answer processes // Concise Encyclopedia of Sociolinguistics. R. Mesthrie (ed.). Oxford: Elsevier, 2001. P. 761–765.

27. *Simmonds F. N.* Naming and identity. Reconstructing Womanhood, Reconstructing Feminism. Writing on Black Women. D. Jarret-Macauley (ed.). L., N. Y., 1996. P. 104–115.

28. *Walkowiak J. B.* Personal Name Policy: From Theory to Practice. Poznań: Wydział Neofilologii UAM, 2016. 421 p.

REFERENCES

1. *Boiko L. B.* On the structure of anthroponyms and their functioning in the Russian and English. *Vestnik Baltijskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Seriya: Filologiya, pedagogika, psihologiya* = *Bulletin of the Baltic Federal University named after I. Kant. Series: Philology, pedagogy, psychology*. 2015. No. 2. P. 14–22.

2. *Guboglo M. N.* Identification of identity: articles on ethnosociology. Moscow: Science, 2003. 764 p. (In Russ.).

3. *Zelenin A. V.* The Germans in the Russian culture (linguistic imagology). *Russkii yazyk v shkole* = *Russian language at school*. 2013. No. 4. P. 63–71. (In Russ.).

4. *Zelenin A. V., Ivanova N. L.* Who are you? (Parents' naming strategies for their bilingual children). *Russkii yazyk v shkole* = *Russian language at school*. 2020. Vol. 81, No. 5. P. 67–74. (In Russ.). DOI: 10.30515/0131-6141-2020-81-5-67-74. (In Russ.).

5. *Komova T. A.* Concepts of language in the context of history and culture. Moscow: MAKSPress, 2003. 118 p. (In Russ.).

6. *Chirsheva G. N.* Interlanguage innovation in the speech of American children. *Ural'skii filologicheskii vestnik. Seriya: Yazyk. Sistema. Lichnost'*. *Lingvistika kreativa* = *Ural Russian Philology Bulletin. Series: Language. System. Personality. Linguistics of the creative*. 2012. No. 3. P. 50–54. (In Russ.).

7. *Ainciburu M. C., Buttazzi I.* "Esa no soy Yo": Self-Image and Name Change from the Perspective of Female Immigrants. *Languages*. 2019. Vol. 4, No. 4 [Electronic resource]. URL: <https://doi.org/10.3390/languages4040083> (accessed: 20.02.2020). (In Engl.).

8. *Ainiala T., Saarelma M., Sjöblom P.* Names in Focus: an Introduction to Finnish Onomastics. Helsinki: Finnish Literature Society, 2012. 287 p. (In Fin.).

9. *Alford R. D.* Naming and identity: a cross-cultural study of personal naming practices. New Haven: HRAF Press, 1988. 190 p. (In Engl.).

10. *Bredella L.* The Anthropological and Pedagogical Significance of Aesthetic Reading in the Foreign Language Classroom. Challenges of Literary Texts in the Foreign Language Classroom. Bredella and W. Delanoy (eds.). Tübingen: Gunter Narr, 1996. P. 1–29. (In Engl.).

11. *Delanoy W.* Come to Mecca: Assessing a Literary Text's Potential for Intercultural Learning. Experiencing a Foreign Culture. W. Delanoy, J. Köberl and H. Tschachler (eds.). Tübingen: Narr, 1993. P. 275–299. (In Engl.).

12. *Frändén M.* "Surnames in the Melting Pot: Presentation of a Project on Surnames and Immigration". *Proceedings of the 25th International Congress of Onomastic Sciences*. Carole Hough [s] Daria Izdebska (eds.). Glasgow: University of Glasgow, 2016. P. 233–237. (In Engl.).

13. *Gil R.* Neuropsychologie. 7th issue. Elsevier-masson, 2018. 512 p. (In Engl.).

14. *Hofstede G.* Culture's Consequences: Comparing Values, Behaviors, Institutions and Organizations across Nations. Thousand Oaks, CA: Sage, 2001. P. 9–10. (In Engl.).

15. *Kiviniemi E.* Many names of the beloved child: Finnish divorces and name selection. Espoo: Weilin Göös, 1982. 376 p. (In Fin.).

16. *Kiviniemi E.* The first names of the Finns. Editions of the Finnish Society of Literature 1103. Helsinki: Finnish Literature Society, 2006. 431 p. (In Fin.).

17. *Kowalik-Kaleta Z.* History of Polish surnames on the social and moral background (12th–15th centuries). Warsaw, 2007. Vol. 1. 440 p. (In Pol.).

18. *Latomaa S.* From home language to mother tongue and bilingual. My own language gold expensive. A guide to the teaching of your mother tongue. Helsinki: Education Government, 2007. P. 36–40. (In Fin.).

19. *Lindlof T. R., Taylor B. C.* Qualitative Communication Research Methods. Sage Publications, 2010. 400 p. (In Engl.).

20. *Mallinson Ch., Childs B., Van Herk G.* Data Collection in Sociolinguistics: Methods and Applications. 2nd issue. London: Routledge, 2017. 348 p. (In Engl.).

21. *Mathews G.* Global Culture / Individual Identity: Searching for Home in the Cultural Supermarket. London, 2000. 228 p. (In Engl.).

22. *Milroy L., Gordon M.* Sociolinguistics: Method and Interpretation. John Wiley & Sons, 2008. 280 p. (In Engl.).

23. *Nicolaisen W. F. H.* In the beginning was the name. Selected essays by Professor W. F. H. Nicolaisen. Glasgow, 1999. (In Engl.).

24. *Nissilä L., Vaarala H., Pitkänen K., Dufva M.* Linguistic and multilingual learning difficulties and support for language learning. Difficulties in learning

for immigrants. 2nd edition / L. Nissilä, H.-M. Sarlin (eds.). Helsinki: Education Government, 2009. P. 36–63. (In Fin.).

25. *Nyström S.* "Names and Meaning". *The Oxford Handbook of Names and Naming*. Carole Hough (ed.). Oxford: OUP, 2016. P. 3. (In Engl.).

26. *Schuman H.* Attitude surveys: Question-answer processes. *Concise Encyclopedia of Sociolinguistics*. R. Mesthrie (ed.). Oxford: Elsevier, 2001.

P. 761–765. (In Engl.).

27. *Simmonds F. N.* Naming and identity. Reconstructing Womanhood, Reconstructing Feminism. Writing on Black Women. D. Jarret-Macauley (ed.). London; New York, 1996. P. 104–115. (In Engl.).

28. *Walkowiak J. B.* Personal Name Policy: From Theory to Practice. Poznań: AMU Faculty of Modern Languages, 2016. 421 p. (In Pol.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT AUTHORS

Александр Васильевич Зеленин, доктор филологических наук, лектор, факультет информационных технологий и коммуникационных наук, Университет Тампере

Наталья Леонидовна Иванова, магистр, факультет информационных технологий и коммуникационных наук, Университет Тампере

Aleksandr V. Zelenin, Dr. of Sci. (Philol.), lector of Faculty of Information Technology and Communication Sciences, Tampereen yliopisto

Natalia L. Ivanova, Master's degree, Faculty of Information Technology and Communication Sciences, Tampereen yliopisto

Статья поступила в редакцию 19.02.2020; одобрена после рецензирования 22.02.2020; принята к публикации 22.03.2020.

The article was submitted 19.02.2020; approved after reviewing 22.02.2020; accepted for publication 22.03.2020.

Уважаемые авторы и читатели журнала «Русский язык в школе»!

Напоминаем, что идет подписка на II полугодие 2021 г. Мы верим, что нас с вами объединяют не только интерес и любовь к русскому языку, но и общая цель – сохранение научно-методического журнала как феномена, присущего исключительно российской действительности. Пережив экономические кризисы, в очень непростых условиях наш журнал остается единственным пространством, объединяющим учителей, методистов и лингвистов. В сохранении этого уникального единства важно усилие каждого из вас.

Вы можете оформить подписку:

1) через наших партнеров – подписные агентства: «Почта России» (индекс для индивидуальных подписчиков и организаций – ПЗ896), «Урал-Пресс» (индекс для индивидуальных подписчиков и организаций – 73334), «ПРЕССИНФОРМ», НПО «ИНФОРМ-СИСТЕМА»; ООО «ИВИС»;

2) через интернет-сайты: <https://www.pochta.ru/> (выбрать раздел «Другие сервисы», далее – «Подписка онлайн»); <http://www.riash.ru/> (выбрать раздел «Подписка»).

ПРОБЛЕМЫ РУССКОЙ ОРФОГРАФИИ

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81'35.811.161.1

DOI: 10.30515/0131-6141-2021-82-2-76-84

Приставки *пре-* и *при-*: лингвистические факторы, критерии кодификации и современная редакция правила (из материалов академического описания русской орфографии)**Елена Виленовна Бешенкова***Институт русского языка имени В. В. Виноградова, Российская академия наук, г. Москва, Россия, evbeshenkova@gmail.com*

Аннотация. Статья представляет собой фрагмент академического описания орфографии, посвященный написанию слов с приставками *пре-* и *при-*. Оспаривается утверждение, что написание гласной полностью определяется правильным выбором проверяемой приставки *пре-* или приставки *при-*. Этот тезис верен только для тех значений приставок, которые встречаются в ударной позиции. В других случаях написание не отражает системного противопоставления морфем, оно исторически обусловлено. В статье сравниваются существующие типы описания данной орфограммы: используемые критерии, степень охвата материала, непротиворечивость и четкое разграничение сферы действия правила и действия словаря (если такая есть). Показывается, что в описании данной орфограммы используется два критерия: этимологический и семантический. Анализируются использование семантического критерия в разных формулировках правила, выделяется его системно обусловленная часть и условная. Показывается целесообразность построения правила на основе классификации значений лексем, а не приставок. Обосновывается ограничение на применение правила проверки приставки, определяется, когда проверка допустима только формами или производными того же слова. Рассматриваются основания для включения непроверяемых значений приставки в правило. На основе анализа письма как саморазвивающейся системы с ее системной и асистемной частями предлагается новая редакция правила, отражающая системное противопоставление приставок и исторически обусловленное написание, отвечающая предъявляемым к академическому описанию требованиям.

Ключевые слова: орфография, русские приставки *пре-* и *при-*, иноязычная приставка *пре-*, принципы орфографии, условное и отражательное в орфографии

Для цитирования: Бешенкова Е. В. Приставки *пре-* и *при-*: лингвистические факторы, критерии кодификации и современная редакция правила (из материалов академического описания русской орфографии) // Русский язык в школе. 2021. Т. 82, № 2. С. 76–84. DOI: 10.30515/0131-6141-2021-82-2-76-84.

ORIGINAL RESEARCH ARTICLE

Prefixes *pre-* and *pri-*: linguistic factors, codification criteria and modern edition of the rule (from materials of the academic description of Russian spelling)**Elena V. Beshenkova***Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, evbeshenkova@gmail.com*

Abstract. The article is a fragment of the academic description of spelling. It is dedicated to the spelling of words with prefixes *pre-* and *pri-*. The assertion that the spelling of the vowel is determined by the correct choice of the prefix *pre-* or the prefix *pri-* is disputed. This thesis is true only for those meanings that occur in the stressed position. In other cases the spelling does not reflect the systemic opposition of morphemes, it is historically conditioned. The existing types of description of this spelling problem are compared. Two criteria are used in the description of this spelling: etymological and semantic. The semantic criterion can include different meanings and can refer to a prefix or a word. The expediency of building a rule based on the classification of the meanings of lexemes, rather than prefixes, is shown. The restriction on the application of the prefix "check rule" is substantiated, it is determined when the check is allowed only

by forms or derivatives of the same word. The reasons for including unchecked prefix meanings in the rule are considered. A version of the rule is proposed that reflects the systemic opposition of prefixes and the historically conditioned spelling that meets the requirements for an academic description.

Keywords: spelling, Russian prefixes *pre-* and *pri-*, foreign language prefix *pre-*, spelling principles, conditional and reflective in spelling

For citation: Beshenkova E. V. Prefixes *pre-* and *pri-*: linguistic factors, codification criteria and modern edition of the rule (from materials of the academic description of Russian spelling). *Russkii yazyk v shkole* = *Russian language at school*. 2021. Vol. 82, No. 2. P. 76–84. DOI: 10.30515/0131-6141-2021-82-2-76-84. (In Russ.).

Введение. Считается, что написание безударных гласных в приставках определяется общим правилом проверки (кроме приставки с чередованием гласных *раз-/роз-*). Этому же правилу подчиняются и приставки *пре-* и *при-*. Так ли это? Для применения правила проверки необходимо определить значение (спектр значений) той или иной приставки с ударной гласной и вычленить это значение (одно из спектра) в слове с безударной приставкой. Эта задача не всегда легко решается. Реально мы не проверяем приставки в соответствии с этим требованием правила. Насколько правомерно его применение для определения написания безударной гласной в приставках *пре-* и *при-*? Зачем в правилах привлекаются другие критерии и какие? Почему существующие формулировки правила столь существенно различаются по кругу сопоставляемых значений? Что в этой орфограмме определяется системным противопоставлением приставок, а что традицией, т. е. чисто условно? Что предпочесть: простое, но чисто условное правило или более сложное, но отражающее и системную, и условную часть написаний? Попробуем ответить на эти вопросы.

Анализ. Критерии правила: этимологический и системный (семантический)

Орфограмма «Безударная гласная в приставках *пре-*, *при-*» включает в себя выбор одной из трех разных морфологических единиц: иноязычная приставка *пре-* (*пребиотики*, *препозиция*, *прерафаэлиты*) и русские (славяно-русские) приставки *пре-* и *при-*.

Из трех приставок на основании только этимологического критерия определяется написание всегда безударной иноязычной приставки *пре-*: «Иноязычной приставки *при* нет. Поэтому в словах иноязычного происхождения может писаться только *пре* (имеются в виду иноязычные слова, которые перешли в русский язык, уже имея начальный элемент *пре*, а не те,

которые получили приставки в русском языке, например: *привокзальный*, *прескандальный*)» [Шапиро 1961: 57]. Иноязычной приставки *при-* в русском языке действительно нет, это важно для решения орфограммы: можно не определять значения иноязычной приставки, не противопоставлять по значению иноязычную и русские приставки. Но при этом надо знать историю образования слова: пришло оно с начальным компонентом *пре* или было образовано уже в русском языке. В большинстве случаев, действительно, слова были заимствованы уже с этой приставкой (ср.: *преадаптация* (или с русской приставкой *преадаптация*), *преанимизм*, *пребиотики*, *прекома*, *премедикация*, *прерафаэлиты*), но по аналогии образуются новые слова с иноязычными корнями уже в русском языке (*преонкологический* — существительное только с русской приставкой *предонкология*). Поэтому возникает необходимость вводить в правило помимо этимологического критерия (иноязычная приставка) не исторический критерий (образовано в языке — источнике заимствования), а семантический (значение). Сочетание этимологического и семантического критериев используется у К. И. Былинского и Н. Н. Никольского: «От русских приставок *при-*, *пре-*, *пере-* надо отличать нерусские *пре-* (со значением «перед», «впереди») и *пери-* (со значением «вокруг»)»¹.

Этимологический, а вернее исторический и стилистический аспекты иногда привлекаются и при описании слов со славянской приставкой *пре-*: отмечается ее архаичность и характерность для высокого художественного стиля, для церковной лексики. Архаичностью объясняются, в частности, трудности описания значения приставки: «Архаическим характером

¹ Былинский К. И., Никольский Н. Н. Справочник по орфографии и пунктуации для работников печати. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1970. § 43.

приставки *пре* объясняется и то, что значения, ею вносимые, далеко не всегда так отчетливо осознаются в слове, как значения, вносимые приставкой *при*» [Шапиро 1961: 57].

Для определения написания русских приставок *пре-* и *при-* также требуется использование семантического критерия, основанного на противопоставлении их значений. Написание безударных гласных в приставках подчиняется общему «правилу проверки»: «В соответствии с общим правилом (см. § 33) написание букв на месте безударных гласных в приставках (кроме приставки *раз-/роз-*, см. § 40) устанавливается путем проверки словами и формами с той же приставкой, в которых проверяемый гласный находится под ударением. <...> *пробежа́ть, промахну́ться, пропу́скать, прорва́ться, протерё́ть (про́мах, про́пуск, про́рванный); праба́бушка (праде́д)*»². При проверке должна привлекаться приставка с «тем же» значением. Но не всегда различие значений приставок очевидно, ср. *побег* («отросток») и *пасынок* («боковой побег»), *похожий* и *наклен* «дерево, похожее на клен». И для точной дифференциации на помощь приходят другие различия (например, приставка *на-* выступает только под ударением, т. е. в безударной позиции может быть только *по-*). Большинство русских приставок многозначны, и далеко не все их значения встречаются в ударной позиции. Так, под ударением приставка *по-* выступает в словах: *поверху, повист, поженка, полог, поиск, помочи, помощь, попранный, поросль, поступь, погреб, подвиг* и некоторых других. Можно ли на основании анализа значений приставки в этих словах применить правило проверки к приставкам в словах *побольше, поспать, поспрятаться* и др.? Строго говоря, нельзя. Применять правило проверки для приставок можно только в случаях идентичности значения, а в остальных случаях его применение некорректно. Только при условии корректной проверки можно говорить о том, что на письме отражается системное противопоставление языковых единиц. В других

случаях написание приставок условно, исторически обусловлено. Реально правило проверки для определения написания приставок используется исключительно редко. Данное противоречие не приводит к каким-либо сложностям при выборе написания. Приставок не так много, их написание легко запоминается, а значение часто даже не осознается и не вычленяется из общего значения слова. У пишущего вопрос проверки приставки возникает в очень редких случаях.

В этом отношении исключение как раз составляют приставки *пре-* и *при-*: при написании слов с приставками *пре-* и *при-* пишущим необходимо обращаться к значению слова, находить те компоненты его значения, которые соответствуют перечисленным в правиле, поэтому семантика приставки и вводится как необходимый критерий правила: «Применение общего правила требует учета разных значений этих приставок»³. Однако в ударном положении приставка *пре-* встречается только в значении, «близком к значению приставки *пере-*» (например, в словах *прерванный, предал*), а приставка *при-* в значениях «близости...» (*пригород*); «приближения, присоединения» (*прибыль, пришлый*); «неполноты действия, свойства» (*придурь, прибранный*); «сопутствующего действия, свойства» (*привкус, присказка*). Если опираться на противопоставление значений этих приставок, как этого требует вышеприведенное правило, то только эти значения однозначно определяют приставку, только в этих значениях письмо отражает системное их противопоставление. В остальных случаях значения приставок не дают возможности определить их письменный облик на системных основаниях, т. е. написание этих приставок условно.

Семантический критерий: область действия и репертуар общих и частных значений, включенных в правило

Вычленить значение приставки из общего значения слова бывает непросто. В словарных толкованиях во многих случаях тот компонент значения, который вносится приставкой, никак не объективирован, не выделен. Пишущий вынужден самостоятельно проводить семантический анализ, а это предсказуемо приводит

² Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник / под ред. В. В. Лопатина. М.: Эксмо, 2006. § 38 (Правила-2006).

³ Правила-2006. § 39.

к ошибочному написанию, если, например, в слове *пр?льстить* определить компонент значения ‘приближение’, как в *при-влекч*, а в словах *пр?скорбие*, *пр?скорбный* выделить значение приставки ‘высокая степень’, как в *превеликий*.

Поэтому более адекватным поставленной орфографической задаче — определить написание слова с безударной гласной в приставке — представляется другой подход, при котором определяется не значение приставки, а значение всей лексемы. Кажется, разница между формулировками «приставка *пре-* обозначает действие, проявляющееся в высокой степени»⁴ и приставка *пре-* «образует глаголы со значением интенсивности или полноты действия»⁵ совсем невелика. Но вторая формулировка, во-первых, позволяет пишущему не выделять значение приставки из общего значения слова, а именно в нем искать необходимый компонент смысла. Отметим, что авторы орфографических справочников часто тоже описывают не значения приставок, а общий компонент, присущий значениям того или иного круга слов. Во-вторых, говоря о значении приставки, орфографисты рассматривают только конкретный лексико-семантический вариант (ЛСВ). Например, одно из значений слова *прикрыть(ся)* — значение неполноты действия (*прикрой дверь, прикрой землю, наготу*), но у него есть и другие значения: ‘защитить’ (*прикрыть пехоту, работать под прикрытием*), ‘скрыть’ (*прикрыть обман*), ‘ликвидировать’ (*прикрыть фирму*). Таким образом, можно говорить о проверяемости только одного из значений приставки, в остальных случаях оно не соответствует перечисленным в правиле. Это сильно сужает область его действия. Но в случае если определяется значение лексемы в целом, теоретически оправданна опора на нужное значение хотя бы в одном ЛСВ, для того чтобы все остальные писать аналогично. Это позволяет не вводить в правила разные ЛСВ одной лексемы, которые соответствуют правилу и которые надо запомнить, как это сделано, например, в словарной статье

Н. А. Метс⁶. Однако существует несколько слов, у которых разные подзначения соответствуют значениям разных приставок (*преувеличить*: 1) представить большим, чем на самом деле; 2) прибавить лишнего). Написание таких слов долгое время получало противоречивую кодификацию и до сих пор вызывает споры.

В предлагаемой редакции правила принимается второй подход: а) определяется компонент значения всей лексемы, а не приставки; б) если хотя бы у одного значения лексемы есть соответствующий правилу компонент, то это диктует выбор приставки для всей лексемы, а не только для данного значения; в) для слов с продуктивными, ясно выделяемыми значениями приставки допускается проверка приставкой в ударном положении, для остальных слов проверка допускается только формой слова.

В разных формулировках правила для приставок *пре-* и *при-* дается разный набор значений, но есть и общая часть. К общей части относятся значения приставок, которые противопоставлены в ударных позициях, т. е. при системном противопоставлении морфем. Какие именно компоненты значения многозначных приставок, не участвующие в системном противопоставлении, включать в правило, а какие не включать, авторы правил решают по-разному. В этой условной (не отражательной) области написания приставок нет предопределенности системой. От принятого решения зависит предсказательная «сила» правила, распределение слов на две категории: пишущиеся по правилу и по словарю. Самые лаконичные правила определяют написание приставки *при-* с тремя значениями (‘близость’, ‘отнесенность к чему-либо’, ‘неполнота действия’), приставки *пре-* с двумя значениями (‘высокая степень проявления чего-либо’, синонимичное приставке *пере-*), все остальные слова с начальным компонентом *пр(е/у)*, в том числе заимствования, пишутся по традиции⁷. Самая дробная классификация значений приставок дана в работе Н. А. Метс.

⁶ Метс Н. А. ПРЕ- и ПРИ-. Правописание приставок // Большой словарь русского языка. М.: Дрофа, 2000. С. 390–424.

⁷ Селезнёва Л. Б. Орфография и пунктуация русского языка. Три способа писать без ошибок: учеб. пособие. 3-е изд., стер. М.: Флинта: Наука, 2017. 176 с.

⁴ Правила-2006.

⁵ Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов. М.: Азбуковник, 2007. 1175 с.

Большинство проанализированных справочников и словарей выделяют следующие основные значения приставки *пре-* (или компоненты значений лексем с приставкой *пре-*):

1) высокая степень качества (*предобрый*) или действия (*преисполниться*) (возможна замена приставки словами *очень, весьма*);

2) значение ‘через’, ‘по-иному’ и др., близкие к значению приставки *пере-* (*перевать, превращать, преображать, преступать, преломляться, претерпеть*).

Основные значения приставки *при-* (или компоненты значений лексем с приставкой *при-*):

1) близость, примыкание к чему-либо (*приморье*);

2) приближение, добавление, скрепление (*прибывать, приходить, прибавать*);

3) неполнота действия (совершение действия не в полном объеме или на ограниченный срок) (*призадуматься, прихрамывать, приобнять*);

4) сопутствующее действие (*вприглядку, приплясывать*)⁸.

Кроме того, отмечают некоторые неосновные значения приставки *пре-* (или лексем с приставкой *пре-*):

а) чрезмерность, выход за пределы чего-нибудь (*превысить, пресытиться, преизбыток*)⁹;

б) интенсивность или полнота действия (*преисполниться, преувеличить*)¹⁰;

в) наличие кого/чего-либо в большем количестве, достижение более высоких показателей, стремление к чему-то лучшему, определение очень привлекательных, притягивающих к себе объектов, а также объектов, обладающих исключительным правом на первенство (*превосходить*,

превышать, превозвысить, преобладать, преуспевать, прельщать, преимущественный, предельный, прелестный)¹¹;

г) высшая степень чувствования — уважения или неуважения (*преклоняться, преисполниться, презирать, пренебрегать, претить, пресловутый*)¹²;

д) наличие, создание, преодоление каких-либо трудностей, преград, нарушение норм поведения (*препятствие, преткновение, предавать, преодолеть, превозмогать, претерпеть*)¹³ —

и неосновные значения приставки *при-* (или лексем с приставкой *при-*):

а) доведение действия до конца (*пристрелить*)¹⁴, до конечной цели (*приехать*)¹⁵;

б) направление действия к себе, в своих интересах (*пригласить, присвоить*)¹⁶, присвоение, приобщение (*прибереечь, приваждать, приобщить(ся), приохотить(ся), приручить, присвоить, пристраститься*)¹⁷;

в) освоенности действия (в сочетании с постфиксом *-ся*) (*прижиться, принохаться*)¹⁸, приспособление к обстоятельствам, иногда временное приспособление с определенной целью (*привыкать, приглядеться, пригреться, прижиться, приловчиться*)¹⁹;

г) направление действия на предмет сверху вниз (*придавить, прижать*)²⁰;

д) полнота, законченность действия (*приучить*)²¹;

е) неполная, слабая мера действия (*прихворнуть, припудрить*)²²;

ж) сближение позиций, точек зрения (*примирить, примириться, приравнять*)²³.

Все авторы отмечают также наличие слов, в которых значение приставки неясно или само выделение приставки неочевидно. Таких слов с приставкой *при-* много: по материалам Н. А. Метс, их около 100 (не считая производных), с приставкой

⁸ Греков В. Ф., Крючков С. Е., Чешко Л. А. Пособие для занятий по русскому языку в старших классах средней школы. М.: Просвещение, 1976. 270 с.; Розенталь Д. Э., Джанджакова Е. В., Кабанова Н. П. Справочник по правописанию, произношению, литературному редактированию. М.: ЧеРо, 1999. 400 с.; Розенталь Д. Э. Справочник по правописанию и литературной правке / под ред. И. Б. Голуб. М.: Рольф, 2001; Правила-2006.

⁹ Правила-2006. § 39.

¹⁰ Толковый словарь русского языка / отв. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Азбуковник, 2007. 1164 с. (ТСРЯ).

¹¹ Метс Н. А. Указ. соч. С. 408.

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ Былинский К. И., Никольский Н. Н. Указ. справочник.

¹⁵ ТСРЯ.

¹⁶ ТСРЯ.

¹⁷ Метс Н. А. Указ. соч. С. 408.

¹⁸ ТСРЯ.

¹⁹ Метс Н. А. Указ. соч. С. 408.

²⁰ ТСРЯ.

²¹ Там же.

²² Там же.

²³ Там же.

пре- значительно меньше (около 20). В принципе это дает основание сформулировать другое правило — правило написания приставки *пре-*, введя 20 слов для запоминания, а в остальных случаях писать приставку *при-*. Такое правило было бы более формальным, условным, не отражало бы системного противопоставления приставок, которое закрепилось в языковом сознании пишущих. Поэтому в предлагаемой редакции сохранен традиционный способ описания. Кроме значений ударных приставок в правило введены некоторые из тех значений, которые встречаются только в безударных приставках, на основании учета их частотности или ясности выделения.

Правила написания слов с приставками *пре-* и *при-*

Приставка *пре-* употребляется в следующих случаях:

1. Иноязычная приставка *пре-* употребляется в словах со значением **предшествования**, например: *пребиотики*, *прекоматозный*, *прелюдия* (ср.: *интерлюдия*), *премастеринг*, *премодерация*, *препозиция*, *препринт*, *префаэлиты*, *прескрипция*.

2. Русская²⁴ приставка *пре-* употребляется в **прилагательных, наречиях и существительных со значением высокого качества**: *превеликий*, *превосходный*, *премудрый*, *премудрость*, *Пресвятая*, *прехорошенький*; *вкусный-превкусный*, *пребольшо*, *превыше*, *премного*, *преизбыток* (ср. *переизбыток*), **в глаголах со значением интенсивности или полноты действия и их производных**: *превзойти* (и *непревзойденный*), *превознести*, *превозносить(ся)*, *преисполниться* (и *преисполненный*), *пресытиться* (и *пресыщенный*), *преуспеть* (и *преуспевающий*, *преуспевание*).

3. Правило. Русская приставка *пере-* употребляется в словах со значением **передачи-перехода, превращения, преграды, деления надвое, взаимного действия, превосходства над кем-чем**, например:

прерванный — *прервать*, *преградить*, *преграда*, *препона*, *прекратить*, *препятствие*, *преткновение*, *препинание*, *пресечь* (ср. *перегородить*, *перестать*, *перерыв*);

прéдан — *предание*, *предать* (*предавать*), *предатель*, *предательство*, *предаться* (*неприятелю*), *препоручать* (ср. *передать*);

преступить (*преступник*, *преступление*) (ср. *переступить*);

превратиться, *преобразоваться*, *преобразиться* (ср. *переделать(ся)*, *переменить(ся)*); *преодолеть*, *превозмочь* (ср. *перемогать(ся)*, *пересилить*);

препираться, *пререкаться* (ср. *переругиваться*), *преломить(ся)*, *преломление* (света) (ср. *перелом*);

превзойти, *превосходить*, *превысить*, *преимущество*, *преобладать* (ср. *перезнать*).

Приставка *при-* употребляется в словах со следующими значениями:

1. **Близость, непосредственное примыкание к чему-н., нахождение при ком-чем-н., во время чего-то**, например: *пригород* — *приморье*, *Прибалтика*, *прибрежный*, *приволжский*, *приглагольный*, *приграничный*, *прилюдно*, *придворный*, *примыкать*, *прижизненный*;

2. **Приближение, присоединение, прибавление**, например: *прибыль*, *пришлый* — *прибавить*, *прибежать*, *прибиться*, *привнести*, *привходящий*, *прикупить*; *привадить*, *приголубить*, *приурочить*;

3. **Неполнота действия, свойства**, например: *придурь*, *прибранный* — *приболеть*, *приглушить*, *пригубить*, *приобнять*, *приободрить*, *приоткрыть*, *приподнять*, *припугнуть*, *притихнуть*, *притушить*, *прихрамывать*;

4. **Сопутствующее действие, свойство**, например: *при́вкус*, *при́сказка* — *приговаривать* (*ходил и приговаривал*), *придыхание* (*говорил с придыханием*), *припев*, *припевать* (*шагать припевая*), *присвистнуть*, *присловье*, *присюсюкивать*, *пританцовывать*, *два прихлопа*, *три притопа*, *причмокивать*, *прибаутка*, *вприпрыжку*;

5. **Совершение действия в собственных или чьих-либо интересах**, например: *прибереечь*, *прибрать* (себе), *придержаться*, *прижимистый*, *приискать*, *прикарманить*, *припасти* (*припасы*), *припрятать*, *присвоить*;

6. **Привыкание, приспособление, освоенность действия**, например: *привыкнуть*, *прижиться*, *приладиться*, *приловчиться*, *примелькаться*, *примириться* с чем-то, *приноровиться*, *принюхаться*, *приохотиться*, *приспособиться*, *пристрелять*, *пристраститься*, *притереться*, *притерпеться*;

7. **Притворство, нереальное событие**, например: *притворяться*, *придуриваться*, *прикидываться*, *примиряться*; *привидеться*, *пригрезиться*, *примниться*, *присниться*, *причудиться*;

8. **Принуждение**, например: *приказать*, *приговорить*, *примирить*, *приневолить*,

²⁴ Приставка *пре-* по происхождению является церковнославянской, исконно русской является приставка *пере-*.

принудить, присудить, приструнить, притеснять, приучить, прищипуть;

9. Уничтожение, например: *прибить* (кого-то), *придавить*, *пристукнуть*, *придушить*, *прикончить*, *пришлепнуть*, *пристрелить*, *пришить* (кого-то).

Написание русских приставок *пре-* и *при-* в словах, не имеющих значений, указанных в правиле, определяется по словарю.

Примечание 1. Под ударением может выступать и приставка *пре-* в значениях ‘передача-переход, преграда’ (*прёрванный*, *прёдан*), и приставка *при-* в значениях ‘близость, непосредственное примыкание к чему-н., нахождение при ком-чем-н., во время чего-то’ (*пригород*), ‘приближение, присоединение, прибавление’ (*прибыль*, *призванный*, *пришлый*), ‘неполнота действия, свойства’ (*придурь*) и ‘сопутствующее действие, свойство’ (*призванный*). В этих значениях допускается проверка приставки (*прибавить* – *прибыль*). Если лексема хотя бы в одном из своих значений имеет проверяемое значение приставки, то и в других значениях выступает та же приставка. В остальных значениях проверка допустима только с помощью форм самого проверяемого слова или его производными, например: *предать* кого-то – *предал* кого-то, *преданный*, *придать* форму – *приданная* форма.

Примечание 2. Слова *преувеличить*, *приумножить*, *преуменьшить* – *приуменьшить*, в которых могут быть компоненты значений обеих приставок.

Преувеличить. Слово означает: а) ‘представить бóльшим, чем есть на самом деле’, б) ‘присочинить’. Употребляется в контекстах с наречиями степени *сильно*, *весьма*, *несколько*, *чуть-чуть*, *немного* (например: *Потом – университет. Тут я немного преувеличил. Меня выгнали с третьего курса; Если в этой истории что и преувеличено, то самая малость; Слухи об опасности вируса сильно преувеличены*).

Приумножить и **приумножить*. На основании анализа частотности употребления слово *преумножить* было исключено из орфографического словаря в 1991 г. (29-е, испр. и доп. изд.) и оставлено только слово *приумножить*, этому следует и «Русский орфографический словарь».

Преуменьшить и *приуменьшить*. Эти слова в словарях иногда различаются по значению (*преуменьшить* ‘представить меньше,

чем на самом деле’; *приуменьшить* ‘несколько уменьшить’ с пометой *устар. книжн.*), иногда их дают как синонимы со значением ‘представить меньшим’. В текстах оба слова встречаются в данном значении: *Его роль невозможно ни отрицать, ни преуменьшить; Цифра погибших в лагерях преуменьшена. – Я совсем не желаю приуменьшить доблесть и достоинство твоих островных псов; Я пытаюсь смягчить, сгладить, приуменьшить*. Слово *приуменьшить* в значении ‘уменьшить’ встречается редко: *Конечно, и у нас немало людей с японской или немецкой «закваской». Когда-то, очевидно, их было много больше, но долгий период «строительства социализма» существенно приуменьшил количество таких работников*.

Примечание 3. Следует различать слова, близкие по звучанию:

пребывать ‘находиться’ (в месте, в состоянии) – *прибывать* ‘приезжать, прилетать, приходить’ (*прибыл*) (*пребывать в тоске – прибывать в пункт назначения*);

предать кого-л. (*прёдан* другом) – *придать* (форму, огласке) (*придан* огласке);

предание (старинный глубокой) – *придание* (формы, огласке);

предел (терпению, пределы страны, родные пределы) – *придел* ‘часть постройки’;

преемник ‘последователь’ – *приёмник* (радиоприёмник);

презреть ‘пренебречь’, *презирать* (*презренный*, *презрение*) – *призреть* ‘приютить’; *призирать* ‘присматривать’;

преклонить ‘в знак уважения склонить’ (голову, колено, знамена: *он молитвенно преклонил колени перед ней*), *преклоняться* ‘уважать, восхищаться’, *преклонение* ‘восхищение’ – *приклонить* ‘приблизить, слегка наклонить’ (*приклонить* голову к ногам отца, девочка *приклонила* ухо к земле, *приклонить* голову куда, где (перен.) ‘найти приют’), *приклонять* (тяжелые плоды *приклоняют* ветви к земле, отец *приклоняет* меня и шепчет), *приклониться*, *приклоняться* (устар.) (*приклоняясь к матери, рыдает*), *приклонение* ‘наклон, приближение’ (*приклонение* веток розы спасет от вымерзания);

предложить ‘переложить, подать иначе’ – *приложить* ‘добавить, сопроводить’;

преподать (урок) – *припадать* (к земле, к руке) ‘приближаться’;

преступить (закон) – *приступить* (к чему-то, кому-то);

претворить (в жизнь) ‘реализовать’ — *притворить* ‘прикрыть’;

преходящий (успех) ‘временный’ — *приходящий* ‘появляющийся’.

Дополнительные примеры

Слова с приставкой **пре-** с другими или **трудно вычленяемыми значениями**:

— слова с приставкой **пре-** со значением **предшествования в заимствованных словах**: *преадаптация*, *пreamбула*, *преанимизм*, *превалировать*, *превентивный*, *предикат*, *прекапилляры*, *премедикация*, *премиллениаризм* (ср.: *постмиллениаризм*, *миллениум*), *препресс*, *препринт*, *пресимптомный*, *пресуппозиция*, *преюдиция* (*преюдициальный*). В некоторых случаях приставка выделяется лишь исторически, например: *предмет*, *презент*, *презентабельный*, *президент*, *презумпция*, *прат*²⁵;

— слова с приставкой **при-** со значением **близости, непосредственного примыкания к чему-н., действия, нахождения при ком-чем-л.**, например: *приазовский*, *Приазовье*, *приангарский*, *приантлантический*, *приаральский*, *приарктический*, *приволжский*, *Придонье*, *Прииссыкулье*, *приуральский*; *прибалочный*, *приболотный*, *прибрежье*, *привокзальный*, *привратник*, *придорожный*, *прикроватный*;

— слова с приставкой **при-** со значением **приближения, присоединения, прибавления**, например: *приарендовать*, *прибавка*, *прибавочный*, *прибегать*, *прибить* что-то, *прибиться*, *прибой*, *приближать* (*приближённый*), *приблизить* (*приблизительно*), *приблудный*, *прибывать* (*прибытие*, *прибыток*), *привалить* (*привалило счастье*, *привалить к забору*), *приварить*, *привезти*, *приверженный*, *привинтить*, *привесить*, *привесок*, *привить*, *приворожить*, *приворот*, *привходящий* (*приходящие сообщения*), *привязать* (*привязанность*, *привязчивый*), *привозить*, *придать* (*приданое*, *бесприданница*), *в придачу*, *привдвинуть*, *приделать*, *придел*, *призвать*, *приземлиться*, *прийти*, *прикармливать* (ребенка), *прикладывать* (*прикладной*, *приклад*), *приклонить* (*некуда голову приклонить*), *прикомандировать*, *прикрыть*, *прилегающий*, *прилив*, *прилипать*, *приложить* (*приложение*), *прильнуть*, *прилечь*, *приморозить*, *примочка*, *примыкать*, *прикинуть*, *принимать* (*прием*, *гостеприимный*, *мероприятие*), *припасть*, *приписать*, *присвоить*, *присоединить*, *присоседиться*, *приставка*, *пристроить* (*пристройка*), *притачать*, *притягательный*, *притянуть*, *прихватить*, *причастить*, *пришелец*, *пришествие*, *прятать* (*прятель*, *неприятель*); *пригреть*, *призреть*, *приласкать*, *приманить*, *приручить*, *присватать*, *приютить*;

— слова с приставкой **при-** со значением **неполноты действия**: *прибалдеть*, *прибросить*,

привал, *привирать*, *приволакивать*, *приворовывать*, *привстать*, *привядать*, *привяленный*, *приглушенный*, *пригнуться*, *пригорюниться*, *придержаться*, *прикусить*, *прилечь*, *прилечь*, *примолкнуть*, *приналежать*, *принарядиться*, *принижать* (*уменьшать*), *приободриться*, *приплюнуть*, *припомянуть*, *припугнуть*, *присесть* (*присядка*), *присмиреть*, *притаиться*, *притворить*, *приукрасить*, *приуныть*, *приударить* за кем-то (хотя *ударить* в этом значении нет), *приумолкнуть* (*умолкнуть на время*), *прихорашиваться*;

— слова с приставкой **пре-** с **трудно вычленяемыми значениями**: *превратный*²⁶ (*превратности*), *прегрешение*, *предаться* чему, *предел*, *предержащая* (власть), *презрение* (*презренный*), *присподобная*²⁷, *преклоняться* (*преклонение*), *преклонный*²⁸, *прекраснодушный*, *прельститься*²⁹, *прелюбодей*, *презирать* (*презрительный*), *преосвященный*, *преподать*³⁰ (*преподаватель*), *преподнести*, *преподношение*, *преподобие* (*преподобный*), *препоясать(ся)* (*опоясать(ся)*), *преследовать* (*преследование*), *пресловутый*³¹, *пресмыкаться* (*пресмыкающиеся*), *преставиться* (*новопреставленный*)³², *престарелый* (*старый*) и устар. *очень старый*), *претворить(ся)* в (*воплотить*), *непреклонный* (*непреклонность*), *непреложный*³³, *непременный*, *не преминуть*³⁴, *непреходящий* (*постоянный*), *определить*, *распределить* (*распределение*);

— слова с приставкой **при-** с **трудно вычленяемыми значениями**: *прибабах*, *прибамбасы*, *привереда*, *привередливый*, *привередничать*, *привестись* (*Мне привелось там быть*), *привет*, *приволье*, *приглянуться*, *пригляд*, *приглядеться*,

²⁶ Церк.-слав. *прѣврати*ти ‘переворачивать, обращать против, разрушать’.

²⁷ Церк.-слав. *присподѣнии* ‘низменный, очень низкий’. Ср. *испод* ‘сторона, обращенная книзу, изнанка’, *исподнее* ‘нижнее белье’.

²⁸ Церк.-слав. *прѣклонити*ся ‘идти на убыль’.

²⁹ Церк.-слав. *прѣльстити*, родственно с *прелесть* в значении ‘обман, заблуждение’.

³⁰ Церк.-слав. *прѣподавати* ‘давать, уделять’.

³¹ Др.-рус. *прѣсловутъ* ‘очень известный’, ср. в этом значении: *Там, где горы, убегая, / В светлой тянутся дали, / Пресловутого Дуная / Лютя вечные струи* (Ф. Тютчев).

³² Изначально слово означало ‘переместиться’, хотя и употреблялось почти исключительно для обозначения смерти.

³³ Слово заимствовано из церк.-слав. *непрѣложьнь*, вероятно, калька с греч. *a-metathetos* ‘неизменный, непоколебимый’, например: *непреложная истина* ‘истина, которую нельзя переменить, изменить’.

³⁴ Церк.-слав. *прѣминути* ‘перейти через что-то, приступить к чему-либо, превзойти’. Приставка выделяется при сравнении с однокоренными *разминуться*, *неминуемый*, *миновать*.

²⁵ См. описание некоторых слов, данное в: [Орфографическое комментирование... Электронный ресурс].

*пригодиться, пригожий, пригорок, придира-
ться, придумать, признать, призреть, призи-
рять, беспризорник, прийтись, приключиться, прику-
рить, прилавок, приличие, пример, применить,
приметить, примечать, примета, принадле-
жать, приниматься за кого-что-л., приниматься
что (саженец), припадок, приревновать, прискор-
бие, прискучить, прислуга, прислушаться (к сове-
ту), присматриваться, присмотр, присмотреть-
ся, приспичить, пристальный, пристыдить, при-
сутствовать, присущий, причинить; пригладить,
прилизать, примять, причесать, притоптать.*

Выводы. На основе противопоставленности значений и происхождения выделяются три разные морфемные единицы – приставки *пре₁-*, *пре₂-*, *при-*. Это системное противопоставление отражается и на письме, поэтому и семантический критерий, учитывающий те значения этих приставок в составе значения лексемы, которые встречаются под ударением, и этимологический критерий, выделяющий иноязычную приставку, являются критериями определения морфемы. В других значениях написание приставки условно: оно не проверяется ударным положением. Некоторые из этих значений на основании учета их частотности или ясности выделения введены как критерии, определяющие написание, в предложенной редакции правила. Именно эта часть правила отражает условное написание, поэтому

она неоднократно варьируется в учебниках.

Проведенный анализ роли дихотомии «отражательное–условное» в области написания слов с приставками *пре-*, *при-* еще раз показал, что общий тезис об обусловленности письма системой языка требует тщательной проверки реального отражения степени условности нашего письма. Возможная корректировка позволит обосновать те методические приемы, которые используются при составлении правил орфографии, при обучении письму.

ЛИТЕРАТУРА

Орфографическое комментирование русского словаря / Е. В. Бешенкова, О. Е. Иванова [Электронный ресурс]. URL: <http://ruslang-oross.ru/> (дата обращения: 20.04.2020).

Шапиро А. Б. Русское правописание. 2-е изд., перераб. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1961. 248 с.

REFERENCES

Spelling commenting on the Russian vocabulary / E. V. Beshenkova, O. E. Ivanova [Electronic resource]. URL: <http://ruslang-oross.ru/> (accessed: 20.04.2020).

Shapiro A. B. Russian spelling. 2nd ed., revised. Moscow, Publishing house of Acad. sciences of the USSR, 1961. 248 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Елена Виленовна Бешенкова, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт русского языка имени В. В. Виноградова, Российская академия наук

Elena V. Beshenkova, Cand. of Sci. (Philol.), Leading Researcher, Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences

Статья поступила в редакцию 28.07.2020; одобрена после рецензирования 01.09.2020; принята к публикации 14.09.2020.

The article was submitted 28.07.2020; approved after reviewing 01.09.2020; accepted for publication 14.09.2020.

ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ НАСЛЕДСТВО

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81'1

DOI: 10.30515/0131-6141-2021-82-2-85-89

Через версты войны к истинам русской речи

(к 100-летию со дня рождения В. П. Жукова)

Анатолий Власович Жуков

Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина, г. Пушкин, Ленинградская область, Россия, angen.zhosse@yandex.ru

Аннотация. В статье кратко освещается жизненный путь и научное наследие доктора филологических наук, профессора, заслуженного деятеля науки РСФСР Власа Платоновича Жукова (1921–1991), одного из ведущих фразеологов-русистов нашей страны. Конструктивными опорами концепции ученого являются две оппозиции: 1) фразеологизм и слово и 2) слово и компонент фразеологизма. В русле этого направления в свете метода фразеологической аппликации решается целый комплекс фундаментальных проблем: своеобразие фразеологического значения по сравнению с лексическим, знаковые свойства компонентов, типология слов-сопроводителей, разграничение синонимии и вариантности фразеологизмов, роль оценочности в формировании семантики фразеологизма и его категориальных свойств и др. Основные теоретические положения ученого были успешно реализованы в созданных им учебниках, учебных пособиях и словарях.

Ключевые слова: В. П. Жуков, фразеологическая теория, фразеологическое значение, фразеологическая переходность, метод фразеологической аппликации, «Школьный фразеологический словарь русского языка», «Словарь русских пословиц и поговорок»

Для цитирования: Жуков А. В. Через версты войны к истинам русской речи (к 100-летию со дня рождения В. П. Жукова) // Русский язык в школе. 2021. Т. 82, № 2. С. 85–89. DOI: 10.30515/0131-6141-2021-82-2-85-89.

ORIGINAL RESEARCH ARTICLE

Through war miles to the truths of Russian speech

(to the 100th anniversary of the birth of V. P. Zhukov)

Anatoly V. Zhukov

Leningrad State University named after A. S. Pushkin, Pushkin, Leningrad region, Russia, angen.zhosse@yandex.ru

Abstract. The article briefly highlights the life path and scientific heritage of Vlas Platonovich Zhukov (1921–1991), Doctor of Philology, Professor, Honoured Scientist of the RSFSR, one of the leading phraseologists in Russia. The constructive pillars of the scholar's concept consisted in two oppositions: 1) a phraseological unit and a word 2) a word and a component of a phraseological unit. In line with this direction and using the method of phraseological application, a whole complex of fundamental problems can be solved: the originality of the phraseological meaning in comparison with the lexical meaning, the sign properties of the components, the typology of accompanying words, the differentiation of synonymy and variance of phraseological units, the role of evaluativity in the formation of the semantics of a phraseological unit and its categorical properties, etc. The author's main theoretical provisions were successfully implemented in his textbooks, teaching aids and dictionaries.

Keywords: V. P. Zhukov, phraseological theory, phraseological meaning, phraseological transition, phraseological application, School Phraseological Dictionary of the Russian Language, Dictionary of Russian proverbs and Sayings

For citation: Zhukov A. V. Through war miles to the truths of Russian speech (to the 100th anniversary of the birth of V. P. Zhukov). *Russkii yazyk v shkole = Russian language at school*. 2021. Vol. 82, No. 2. P. 85–89. DOI: 10.30515/0131-6141-2021-82-2-85-89. (In Russ.).

Влас Платонович Жуков по праву принадлежит к числу фразеологов-классиков. Его вклад в становление и развитие отечественной фразеологии общеизвестен и общепризнан. Действенную энергию его идей прочувствовали и испытали в своем творчестве не только его непосредственные ученики и сторонники созданной им школы, но и многие его спутники в научной жизни и коллеги по фразеологическому цеху, придерживающиеся иных, подчас диаметрально противоположных, взглядов.

В предлагаемом вниманию читателя очерке в рамках краткого жизнеописания В. П. Жукова освещаются опорные положения его фразеологической теории и определяется его место в истории отечественной фразеологии.

1. Вехи жизни.

Влас Платонович Жуков родился 23 февраля 1921 г. в деревне Трехалёво в бывшей Великолукской (ныне Псковской) области в крестьянской семье. У родителей – Платона Андреевича и Варвары Сафоновны – был еще старший сын Иван. Отец умер в 1930-е гг., когда Влас учился в школе. Мать погибнет во время вражеского налета в годы войны. По окончании Трехалёвской средней школы крестьянский сын поступил в Невельское педагогическое училище. Война началась для него в Крыму в школе младших командиров. За годы войны был трижды тяжело ранен, последний раз в осажденном Берлине за несколько дней до Победы. В числе военных наград старшего лейтенанта Жукова – медаль «За боевые заслуги» (1944), два ордена «Красной Звезды» (1944, 1945), орден «Великой Отечественной войны» (первой степени) (1985). Позже, уже в мирное время, будет награжден орденом «Знак Почета» (1961).

После демобилизации Влас Платонович с отличием окончил Алма-Атинский педагогический институт имени Абая и был рекомендован для поступления в аспирантуру Ленинградского отделения Института языкознания АН СССР. Его научным руководителем стал Александр Михайлович Бабкин, предложивший начинающему исследователю интересную и перспективную тему: «Сказуемое, выражающее устойчивыми словосочетаниями в современном русском языке».

После окончания аспирантуры в декабре 1953 г. в Москве в диссертационном

совете Института языкознания АН СССР В. П. Жуков успешно защитил кандидатскую диссертацию. Председательствовал академик В. В. Виноградов.

Получив путевку в большую науку, В. П. Жуков уехал с семьей в Казахстан, где в Гурьевском педагогическом институте возглавил кафедру русского языка и литературы. В середине 1950-х гг. одно время работал на кафедре и Александр Ильич Фёдоров, которого сближали с Власом Платоновичем и фронтовое братство, и любовь к народной речи.

С 1961 г. Влас Платонович живет и работает в Новгороде. В течение 30 лет он заведует кафедрой русского языка Новгородского пединститута, а в конце 1970-х совмещает эту работу с должностью проректора по науке. На возглавляемой им кафедре в разные годы трудились преподаватели и ученые: Т. П. Крестинская, Н. В. Ведерников, А. Н. Зеленов, В. П. Строгова, В. М. Огольцев, Н. И. Лавров, А. В. Жуков, Л. А. Секретарь, В. А. Сидоренков и др. Новгородский период стал самым значительным в его научной и педагогической деятельности. В 1967 г. в ЛГПИ им. А. И. Герцена защищена докторская диссертация на тему «Фразеологизм и слово», годом позже получено звание профессора. В 1982 г. В. П. Жукову присвоено почетное звание «Заслуженный деятель науки РСФСР».

В своей краткой речи по случаю 60-летия (23 февраля 1981 г.) наторжественном собрании преподавателей и студентов филологического факультета Новгородского пединститута Влас Платонович, в частности, сказал: «Неумолим бег времени. Уходит наше поколение: все меньше сверстников. Мало сделано на подступах к финишной прямой, а хотелось бы сделать лучше и больше. Возраст – это не профессия. Пока человек творит, он всегда молод и необходим. Я реалист в науке. Хорошо понимаю, что поле деятельности безгранично, а жизнь коротка. Для меня как русского человека более всего притягательна фразеология, в которой... запечатлена мудрость народа. Сейчас фразеология – не целина, а распаханное поле, на котором тысяча сеятелей. Молодежь все должна делать раньше нас, по крайней мере, лет на десять: мы все начинали с нуля».

II. Научное наследие.

Фразеологическая теория В. П. Жукова представляет собой целостную систему, которая основывается на нескольких фундаментальных положениях. Конструктивным ядром этих положений, в свою очередь, служат две оппозиции: 1) фразеологизм и слово и 2) слово и компонент фразеологизма.

В русле решения первой проблемы ученый закономерно обратился к сравнительному изучению своеобразия фразеологического значения на фоне лексического.

«Фразеологизмы обладают особым, по сравнению со словом, специфическим значением, которое принято называть фразеологическим. Это значение тем своеобразнее, чем идиоматичнее оборот, чем в большей мере компоненты фразеологизма преобразованы в семантическом отношении» [Жуков 1986: 133].

Специфика фразеологического значения в сравнении с лексическим прослеживается по нескольким линиям.

1. Значение слова так или иначе складывается из значения морфем, причем ядро лексического значения определяется корневой морфемой (ср. *смятенн-ость* 'свойство и состояние смятенного'). При образовании же целостного значения фразеологизма доля участия компонентов, как правило, одинакова (ср. *вставлять палки в колеса*, *ловить рыбу в мутной воде*).

2. В результате метафорического переосмысления слова-компоненты преобразуются в семантическом плане, деактуализируются, вследствие чего между исходным словосочетанием и образованным на его почве фразеологизмом появляется существенный смысловой разрыв.

3. Смысловая целостность фразеологизма находит выражение в его грамматических свойствах — морфологических и синтаксических. Так, в составе предложения фразеологический оборот выступает как единое целое в качестве того или иного члена предложения. Идиоматичность в той или иной мере сдерживает и морфологические потенции фразеологизма в плане формоизменения и формообразования.

4. Своеобразие фразеологизма как особой номинативно-отражательной категории состоит в том, что устойчивые обороты с обобщенно-метафорическим значением служат для обозначения «кусочков

действительности» не непосредственно, а через найденный образ (*вариться в собственном соку*, *гнуть спину*) [Там же: 142].

Решая вторую проблему, В. П. Жуков сумел избежать двух крайностей: с одной стороны — предельно отдалить друг от друга компонент фразеологизма и одноименное слово свободного употребления, уподобив тем самым компонент фонетическому слову, и с другой — склониться к полному признанию так называемой словности компонентов, т. е., напротив, максимально сблизить компонент и исходное слово в содержательном отношении. В результате ученый приходит к диалектическому, более взвешенному выводу: «Несмотря на то что компоненты фразеологизма в силу своей деактуализации лишены основных признаков слова, они так или иначе участвуют в образовании фразеологического значения. Вследствие этого они наделены некоторой долей семантической самостоятельности» [Жуков 1978: 80].

В итоге В. П. Жуковым разработана типология компонентов с точки зрения их знаковости, остаточной или приобретенной семантической. В свою очередь, эта типология пролила свет на проблемы фразеологической переходности [Жуков А. В. 1984].

В наибольшей мере проявляют свою знаковую смыслообразующие компоненты в составе оборотов типа *на скорую руку*, *по пьяной лавочке*, *от молодых ногтей*, *месить грязь*, *первая ласточка*. В других, менее очевидных случаях смысловой остаточности отдельные компоненты могут сохранять элементы семной (*собачья старость*), символической (*капля в море*), стилистической (*воротить нос*), местоименной (*во всё горло*), словообразовательной (*забить ключом*, *поточить ласы*) и грамматической семантики. Наконец, при совмещении в одном компоненте смыслового и категориального центров достигается эффект его максимальной семантической самостоятельности (*пригреть (отогреть) змею на груди*, *биться как рыба об лед*, *вертеться как белка в колесе*, *добывать хлеб* и под.).

Семантическая типология компонентов, а также разработанная В. П. Жуковым оригинальная классификация фразеологических единиц опираются на метод наложения (аппликации) фразеологизма на исходное словосочетание: «Степень участия компонентов в образовании целостного значения

фразеологизма определяется способностью фразеологической единицы противопоставляться эквивалентному свободному словосочетанию» [Жуков 1986: 133].

Метод фразеологической аппликации носит разнонаправленный, многоцелевой характер. Он позволяет не только выявить своеобразие фразеологического значения на фоне лексического, усовершенствовать традиционную семантическую классификацию фразеологизмов, построить типологию остаточной или приобретенной знаковой компоненты, но и решить целый комплекс дополнительных задач. Так, в опоре на данный метод автору удалось не только теоретически отграничить явления синонимии и вариантности фразеологизмов (ср. *сесть в калошу* и *сесть в лужу*; *брать за горло* (за глотку) кого), но и воплотить эти идеи в новаторском «Словаре фразеологических синонимов русского языка»¹. Еще раньше значительный эвристический потенциал метода был реализован при создании «Словаря русских пословиц и поговорок», где четко различаются как собственно пословицы и поговорки (*Чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не плакало* и *Деньги дело наживное*), так и впервые выделяется многочисленный отряд пословично-поговорочных выражений (*Всякому овощу свое время*; *На сердитых воду возят*)².

Метод аппликации был успешно применен при решении сложной проблемы уточнения границ фразеологизма – дифференциации слов-компонентов и слов-сопроводителей (*сидеть между двух стульев*, *ждать у моря погоды* и *сидеть, ждать сложа руки*) с последующей их типологией, при освещении вопроса об управлении при глагольных фразеологизмах и др. [Жуков 1973].

Достоверность и действенность научной теории проявляется в соответствии ее положений языковым фактам, а также в открытых автором глубинных тенденциях и закономерностях. Одной из них является сформулированная В. П. Жуковым зависимость между оценочностью семантики

фразеологизма и его грамматическими свойствами. В этой связи в опоре на тезис, согласно которому «оценочное значение следует рассматривать как синтаксически ограниченное значение», сделан итоговый важный вывод о том, что «под воздействием оценочного фактора происходит семантическое и категориальное перерождение фразеологизма, сближение категорий глагола и имени» (ср. *собаку съел* на чем, *всем взял*, *в сорочке родился*, *пальчики оближешь*) [Жуков 1986: 149, 154].

Влас Платонович Жуков является автором многочисленных статей, опубликованных в ведущих журналах страны, в том числе в журнале «Русский язык в школе», ряда словарей, а также нескольких учебников и учебных пособий для вузов (Семантика фразеологических оборотов. М., 1978; Морфологическая характеристика фразеологизмов русского языка: учеб. пособие к спецкурсу. Л., 1980 (в соавторстве с А. В. Жуковым); Современный русский литературный язык. 1982, 1988 (в соавторстве с П. А. Лекантом, Л. Л. Касаткиным и др.); Русская фразеология. М., 1986 и др.). Все названные книги, преимущественно напечатанные в издательствах Москвы, в последующие годы неоднократно переиздавались.

Особое место в научно-педагогическом творчестве В. П. Жукова занимает «Школьный фразеологический словарь русского языка», впервые изданный в 1980 г. и к настоящему времени выдержавший 7 изданий³. Созданный на надежной теоретической базе и тщательно продуманный в учебно-методическом отношении, этот словарь успешно прошел проверку временем и стал верным помощником школьника и школьного учителя.

Влас Платонович был не только выдающимся ученым, создателем фразеологической школы, но и ярким вузовским преподавателем, замечательным научным руководителем, крупным организатором науки. Так, по его инициативе в июне 1972 г. в Новгороде прошла всесоюзная научная конференция «Вопросы семантики фразеологических единиц», в работе которой принимали участие многие

¹ Словарь фразеологических синонимов русского языка / В. П. Жуков, М. И. Сидоренко, В. Т. Шкляров; под ред. В. П. Жукова. М.: Рус. яз., 1987. 440 с.

² Жуков В. П. Словарь русских пословиц и поговорок. 4-е изд., испр. и доп. М.: Рус. яз., 1991. С. 11–12.

³ Жуков В. П. Школьный фразеологический словарь русского языка: пособие для учащихся. М.: Просвещение, 1980. 429 с.

известные фразеологи (В. Л. Архангельский, А. В. Кунин, В. Н. Телия, Е. Н. Толикина, А. И. Фёдоров, Ю. А. Гвоздарёв, Р. Н. Попов, Л. Я. Костючук, В. И. Зимин, Н. Л. Шадрин, З. Д. Попова, И. Я. Лепешев, М. И. Сидоренко и др.).

III. Память.

На территории бывшего Антоньева монастыря на фасаде главного корпуса Гуманитарного института висит мемориальная доска:

«В этом здании с 1961 по 1991 г. работал видный русский языковед, основатель Новгородской фразеологической школы профессор Влас Платонович Жуков».

За прошедшие со дня смерти Власа Платоновича почти 30 лет здесь многое изменилось. Кафедры русского языка, которую основал в 1961 г. и которой бесценно руководил до последних дней своей жизни В. П. Жуков, уже нет. Нет словарного кабинета его имени, открытие которого было приурочено к началу Первых Жуковских чтений в 1996 г. Нет и самих Жуковских чтений, получивших широкую известность в нашей стране и за рубежом (последние, шестые, прошли в мае 2014 г.).

Но продолжают жить научные идеи и дела большого ученого, которые неподвластны переменам времени и конъюнктуре.

Влас Платонович Жуков был подвижником и первооткрывателем в науке. Многие значительные достижения в области фразеологической теории и лексикографической практики так или иначе связаны с его именем. Его стройная, оригинальная и жизнеспособная научная теория оказала и продолжает оказывать благотворное воздействие на новые поколения русистов.

Влас Платонович был счастливым человеком: родившийся в сельской глубинке и выросший в обычной крестьянской семье, благодаря природному уму, таланту и огромному напряжению воли сумел подняться до «сияющих вершин» научного

знания. Суровыми верстами войны дошел вместе с товарищами по оружию до победного Берлина и вернулся домой, чтобы в поиске и познании истин народной речи постичь смысл собственной жизни. Написал и успел издать большую часть из задуманных им книг — монографий, учебников, словарей.

Натура увлеченная и увлекающая других, он создавал и продолжает создавать вокруг себя магнитное поле большой интеллектуальной и духовной силы, объединяя ученых-единомышленников и вдохновляя их на трудную и необходимую работу.

ЛИТЕРАТУРА

Жуков А. В. Фразеологическая переходность в русском языке: учеб. пособие к спецкурсу. Л.: ЛГПИ, 1984. 93 с.

Жуков В. П. Русская фразеология: учеб. пособие для филол. спец. вузов. М.: Высш. школа, 1986. 309 с.

Жуков В. П. Семантика фразеологических оборотов: учеб. пособие для пед. ин-тов. М.: Просвещение, 1978. 160 с.

Жуков В. П. Способ фразеологической аппликации и классификация фразеологического материала // Системность русского языка: сб. науч. работ. Новгород, 1973. С. 125—137.

REFERENCES

1. Zhukov A. V. Phraseological transition in the Russian language: textbook. manual for the special course. LSPi publ., Leningrad, 1984. 93 p. (In Russ.).

2. Zhukov V. P. Russian phraseology: textbook for the philological specialty of universities. High school publ. Moscow, 1986. 309 p. (In Russ.).

3. Zhukov V. P. Semantics of phraseological turns: study guide for teacher training institutes. Education publ., Moscow, 1978. 160 p. (In Russ.).

4. Zhukov V. P. Method of phraseological application and classification of phraseological material. *Sistemnost' russkogo yazyka: sbornik nauchnykh rabot* = *Systematicity of the Russian language: collection of scientific papers*. Novgorod, 1973. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Анатолий Власович Жуков, доктор филологических наук, заслуженный работник высшей школы РФ, профессор, кафедра литературы и русского языка Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина

Anatoly V. Zhukov, Dr. of Sci. (Philol.), Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation, Professor, Department of Literature and Russian Language, Leningrad State University named after A. S. Pushkin

Статья поступила в редакцию 24.11.2020; одобрена после рецензирования 04.12.2020; принята к публикации 25.12.2020.

The article was submitted 24.11.2020; approved after reviewing 04.12.2020; accepted for publication 25.12.2020.

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81'1

DOI: 10.30515/0131-6141-2021-82-2-90-99

Поэзия науки и наука поэзии

(о научном и поэтическом наследии М. В. Панова)

Оксана Анатольевна Волошина*Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия,
Университет МГУ-ППИ в Шэньчжэнь, г. Шэньчжэнь, КНР, oxanav2005@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматривается научное и поэтическое творчество выдающегося отечественного филолога Михаила Викторовича Панова. Автор анализирует идеи Панова, сформулированные в курсе лекций по языку русской поэзии, подчеркивая, что для Панова развитие русского поэтического языка опирается на движение поэтических форм, воплощенное на уровне фонетики, словесного и образного ряда художественных произведений. Динамика поэтической формы обусловлена стремлением поэтов находить новые, неожиданные формы поэтического языка, но этот поиск идет по пути повтора привычных поэтических формул или сознательного их смещения (сдвига). Панов-ученый находит схему, матрицу описания самых разнообразных поэтических направлений и стилей, предлагая научную классификацию поэтических приемов. Однако ученый, будучи еще и поэтом, обладает талантом обнаруживать поэзию в любимой науке – автор статьи анализирует несколько стихотворений Панова о жизни, о войне (участником которой он был), о науке, об ученых... Лингвистика и сформулированные языковедами научные идеи становятся героями поэтических произведений Панова. Таким образом, в творчестве М. В. Панова гармонично сочетается подход ученого и поэта – в поэзии он находит систему, а в науке – поэзию.

Ключевые слова: М. В. Панов, язык русской поэзии, динамика поэтических форм, уровни языка, поэтика сдвига, поэтическая форма, И. А. Бодуэн де Куртенэ, поэзия науки

Для цитирования: Волошина О. А. Поэзия науки и наука поэзии (о научном и поэтическом наследии М. В. Панова) // Русский язык в школе. 2021. Т. 82, № 2. С. 90–99. DOI: 10.30515/0131-6141-2021-82-2-90-99.

ORIGINAL RESEARCH ARTICLE

The poetry of science and the science of poetry

(about the scientific and poetic heritage of M. V. Panov)

Oksana A. Voloshina*Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia,
Shenzhen MSU-BIT University, Shenzhen, P. R. China, oxanav2005@mail.ru*

Abstract. The article examines the scientific and poetic creativity of the outstanding Russian philologist Mikhail Viktorovich Panov. The author analyses Panov's ideas formulated in the course of lectures on the language of Russian poetry, emphasizing that, for Panov, the development of the Russian poetic language relies on the movement of poetic forms embodied at the level of phonetics, verbal and figurative series of literary works. The dynamics of poetic form is determined by poets' desire to search for new and unexpected forms of poetic language; however, this search frequently follows the path of repeating familiar poetic formulas or their conscious displacement (shift). Panov-the researcher finds a scheme or matrix for describing a wide variety of poetic trends and styles, offering a scientific classification of poetic techniques. However, having a poetic talent, Panov was able to discover poetry in science, which he adored. The author of the article analyses several of Panov's poems about life and war (of which he was a participant), about science and scientists. Linguistics and scientific ideas formulated by linguists became heroes of Panov's poetry. Therefore, Panov's work intertwined the approach of both a scientist and a poet: he finds science in poetry and poetry in science.

Keywords: M. V. Panov, Russian poetry language, dynamics of poetic forms, levels of language, poetics of shift, poetic form, I. A. Baudouin de Courtenay, poetry of science

For citation: Voloshina O. A. The poetry of science and the science of poetry (about the scientific and poetic heritage of M. V. Panov). *Russkii yazyk v shkole* = Russian language at school. 2021. Vol. 82, No. 2. P. 90–99. DOI: 10.30515/0131-6141-2021-82-2-90-99. (In Russ.).

В 2020 г. весь ученый филологический мир отмечал 100-летие со дня рождения выдающегося отечественного ученого-филолога и поэта Михаила Викторовича Панова.

Научное наследие М. В. Панова огромно: известны его работы по русской фонетике¹, фонологии и орфографии², он выступил редактором коллективной работы «Языки народов СССР» и сам написал в этом сборнике большой раздел по русскому языку³.

М. В. Панов много и охотно писал для школьников, он обладал талантом просто говорить о сложных научных понятиях, находить удачные примеры, увлекать широкую аудиторию читателей и слушателей, создавая атмосферу диалога. Он был редактором знаменитого «Энциклопедического словаря юного филолога»⁴, собрал команду ярких авторов, которые в популярной форме рассказали старшеклассникам о языкознании и литературоведении. В 1990-х гг. Панов вместе с единомышленниками разработал новую серию школьных учебников, настаивая на введении в школьную программу учения о фонеме⁵, пред-

лагая ребятам самостоятельно наблюдать принципы устройства и функционирования родного языка, а не заучивать громоздкие правила.

Глубокие исследования М. В. Панова в области истории русского литературного произношения⁶ и морфологии русского языка⁷ поставили Панова в ряд выдающихся отечественных лингвистов XX в.

Однако мы хотели бы отдельно остановиться на работах М. В. Панова по языку русской поэзии — эта тема увлекала ученого всю жизнь, он читал курсы лекций по языку произведений русских поэтов XVIII–XX вв. Автору этой статьи посчастливилось слушать лекции Михаила Викторовича по языку поэзии Серебряного века в 1992 г. С благодарностью вспоминаю ту удивительную атмосферу научного творчества, которую так умело создавал лектор, увлекая слушателей идеями о развитии поэтического языка, о преемственности и новаторстве форм поэтического языка в творчестве Ахматовой, Блока, Маяковского и др. Курсы лекций по языку русской поэзии были опубликованы лишь после смерти Михаила Викторовича [Панов 2017; Панов 2019].

В предлагаемой работе хочется отметить талант Михаила Викторовича не только анализировать поэзию с позиции ученого, т. е. обнаруживать закономерности развития поэтического языка, но и выявлять поэзию в науке, что свойственно истинным ученым. Как известно, М. В. Панов писал стихи, некоторые из них посвящены науке и известным ученым, например И. А. Бодуэну де Куртенэ. Панов-поэт с воодушевлением описывает тайну научного творчества, ведь для Панова наука — живая, многогранная, бесконечная и яркая, как сама жизнь. Научные теории

¹ Панов М. В. Русская фонетика. М.: Просвещение, 1967. 438 с.

² Панов М. В. И все-таки она хорошая! Рассказ о русской орфографии, ее достоинствах и недостатках. М., 1964. 174 с.

³ Панов М. В. Русский язык // Языки народов СССР. Т. I: Индоевропейские языки. М.: Наука, 1966. С. 55–122.

⁴ Энциклопедический словарь юного филолога (языкознание) / сост. М. В. Панов; редкол.: Степанов Г. В. (гл. ред.) и др. М.: Педагогика, 1984. 351 с.

⁵ Русский язык. 5 класс: учеб. для общеобразоват. учреждений / М. В. Панов, С. М. Кузьмина, Н. Е. Ильина и др.; под ред. д-ра филол. наук, проф. М. В. Панова. 2-е изд. М.: ООО «ТИД «Русское слово—РС», 2010. 354 с.; Русский язык. 6 класс: учеб. для общеобразоват. учреждений / М. В. Панов, С. М. Кузьмина, Л. Н. Булатова; под ред. д-ра филол. наук, проф. М. В. Панова. 2-е изд. М.: ООО «ТИД «Русское слово—РС», 2013. 384 с.; Русский язык. 7 класс: учеб. для общеобразоват. учреждений / М. В. Панов, Н. Е. Ильина, Е. В. Красильникова и др.; под ред. д-ра филол. наук, проф. М. В. Панова. 2-е изд. М.: ООО «ТИД «Русское слово—РС», 2013. 296 с.; Русский язык. 8 класс: учеб. для общеобразоват. учреждений / М. В. Панов, С. М. Кузьмина, Л. Н. Булатова и др.; под ред. д-ра филол. наук,

проф. М. В. Панова. 2-е изд. М.: ООО «ТИД «Русское слово—РС», 2010. 272 с.; Русский язык. 9 класс: учеб. для общеобразоват. учреждений / М. В. Панов, Л. Н. Булатова, С. М. Кузьмина; под ред. д-ра филол. наук, проф. М. В. Панова. 2-е изд. М.: ООО «ТИД «Русское слово—РС», 2010. 280 с.

⁶ Панов М. В. История русского литературного произношения XVIII–XX вв. / отв. ред. Д. Н. Шмелев; АН СССР, Ин-т рус. яз. М.: Наука, 1990. 453 с.

⁷ Панов М. В. Позиционная морфология русского языка. М.: Наука, 1999. 275 с.

согласуются, гармонично сочетаются у Панова с поэтическим языком, служат основой его изучения⁸.

В курсе лекций по русской поэзии М. В. Панов ставит себе цель обнаружить «внутренние законы», по которым развивается поэтический язык. Он пишет: «Если изучается внутреннее самодвижение поэзии, то надо найти нечто общее в организации поэтического произведения и это общее изучать: как оно меняется» [Панов 2017: 12].

Основой всякой поэтической техники М. В. Панов, вслед за Е. Д. Поливановым⁹, предлагает считать повтор, так как поэтический язык весь состоит из повтора звуков, слогов, морфем, слов, синтаксических конструкций, образов и т. п. Однако Панов уточняет: «В основе всякого поэтического текста лежит повтор отношения... Все, что вы ни возьмете, — строфическую организацию (членение текста на строфы, строфоиды), рифменную организацию, организацию с помощью звуковых повторов внутри строк, — все это можно рассматривать как разные типы повтора отношений» [Там же: 12–13]. Таким образом, повтор является главным организующим, структурирующим принципом любого поэтического текста. Однако простой повтор лишает поэтический текст неожиданности, делая его предсказуемым и скучным. Ведь тогда придется признать, что «забор есть наиболее совершенное произведение искусства,

потому что повтор в заборе осуществлен с наибольшей полнотой... Тем не менее забор — вещь очень скучная. Есть хорошие заборы, некоторые, вот такие, как решетка Летнего сада в Петербурге-Ленинграде, это хороший забор — но почему? Потому что он включает динамику» [Там же: 15]. При таком подходе именно движение, развитие форм является главной характерной чертой истории живописи, архитектуры, музыки и т. п. Именно развитие, преобразование, динамика повторяющихся форм, основанная на разнообразном (часто неожиданном) сочетании повторяющихся компонентов, по мнению Панова, составляет главный принцип построения поэтического текста. Панов предлагает рассматривать язык русской поэзии как историю «чистого движения поэтических форм», причем это движение выявлялось им на фонетическом, словесном и образном уровнях.

Например, звуковой уровень пронизан повтором звуков, их сочетаний, соотношения ударных и безударных слогов, рифм и т. п. Поэтический текст может быть построен на причудливых комбинациях сходных или различных звуков по артикуляционно-акустическому признаку. «Поэтическая речь способна... высказать свое пристрастие к определенному звуковому признаку, к артикуляционному оттенку, к типу фонетических сочетаний» [Панов 2007б: 580]. Сочетания звуков могут поддерживать семантику стиха, сами ее создавать. Так, «В. Хлебников... одними звуками рисует портрет: *Бобэбб пелись губы...* Губы написаны губными гласными и согласными... Звуки стали красками» [Там же: 582].

Звучание поэтической речи оказывается важнейшим механизмом развертывания текста, для большей художественной выразительности поэт может использовать квази-слова, составленные из выбранных звуков, при этом заумь оставляет простор для творчества и фантазии, так как не навязывает автору общеупотребительных слов с нужной семантикой. «Поэт, в поисках нужного ему строя стиха, может протянуть руку и подальше — к иноязычным фонетическим мирам» [Там же: 569].

Так, в стихотворении Алексея Крученых «Глухонемой» сочетания низких звуков (носовых согласных и лабиализованных гласных) создает своеобразную картину мира, порожденную сознанием глухого человека:

⁸ Например, Панов пишет об особенностях авторского образования неологизмов в поэзии Хлебникова и Маяковского: «Хлебников работает обычно со словообразовательными суффиксами, редко — с префиксами. Понятно: приставки агглютинативны, поэтому они и не нужны для фузионных неологизмов Хлебникова. А Маяковский особенно ценил префиксальные неологизмы. Понятно: его неологизмы агглютинативны. Границы между морфемами резки. Используются наиболее продуктивные словообразовательные модели. При этом сохраняются самые распространенные значения прибавляемых аффиксов» [Панов 2007а: 517].

⁹ «В виде обобщения всех различных систем поэтической техники (или стихосложения) можно указать один главный принцип, по которому организуется языковой материал в поэтическом произведении. Это — принцип повтора фонетических представлений» [Поливанов 1963: 106].

Муло́миг
улва
глулов кул...
амул ягул валгул
за-ла-е
у-гул
волгала гыр
марча...

В этом тексте 90 % низких звуков, тогда как в обычной речи соотношение низких и высоких 50 % на 50 %, низкие звуки создают семантику поэтического текста. Панов пишет: «Заметна вязкость, напряженность артикуляций. Ряд звуков дискретен. Используются дискретные единицы — звуки. Но артикуляционно они связаны в такие тугие, вязкие, напряженные единства, нужны такие трудные произносительные работы при переходе от одних звуков к другим, что создается впечатление континуума, нечленимости этих звуковых пластически-громоздких единств... Глубокая мысль: мир предстает нам дискретным, расчлененным и упорядоченным под влиянием языка» [Панов 2007б: 583].

А в стихотворении Александра Туфанова «Весна» высокие звуки (гласные переднего ряда и мягкие согласные) создают в воображении слушающего весеннюю картину яркого солнца, передают звуки капающей талой воды, звон сосулек, щебет птиц...

Сиинь соон сийй селле соонг с
Сиинд сеельф сиййк сигналъ сеель
Лийй левиш ляик лийсиньлюк
Ляай луглет ляав лилийн лед

В этом тексте 75 % высоких звуков — именно эта акустическая характеристика позволяет создать ясную, весеннюю, солнечную картину.

По мнению Панова, «эти стихи могут рассматриваться как проявление стабильных, многим носителям русского языка свойственных фонетических восприятий... Заумь оказалась особенно удобной для такого использования, ведь в ней выбор звуков не обусловлен, не ограничен выбором значимых слов» [Панов 2004: 337].

М. В. Панов в своих собственных произведениях также активно использовал звуко сочетания для выражения определенного смысла. Так, прочитав однажды в старинной грамматике набор слов, правильное написание которых нужно запомнить, он воспринял эти слова как характеристики

человека, дополнив список квазисловами в стихотворении «Чмюхр¹⁰ (из старинной грамматики)»:

Пишите правильно:

заскоруэл
облезл
безмозгл
рыл
хрипл
дрял

Какой удивительный человек

Глянул из этого столбца!

Экий Савл Проклыч или Прокл Саввич!

Годный для смешного романа в 24 стула!

О, мой дорогой веснушчатый (так! — О. В.) друг!

Никогда, никогда не будь:

квепл
шрыгл
фрякл
чмюхр!

Никогда! никогда! не будь! [Панов 2001: 15].

Очевидно, что Панов не только анализировал значение зауми в творчестве разных поэтов, но и сам использовал в своих произведениях изобразительные свойства звуков речи, создавая определенное настроение, выпуклые образы, емкие характеристики и т. п. В поэзии выбор звуков очень важен, ведь звучание иногда может перевешивать значение слов.

Выбор лексики, сочетания слов также показывают движение поэтической формы в произведениях русских поэтов. На лексическом уровне мы видим повтор слов (ключевых слов) поэтического текста или, наоборот, сдвиг — «соединение несоединимого», нарушение ожиданий слушателя. Такой сдвиг использовал еще Василий Кириллович Тредиаковский (по определению Панова, «самый смелый поэт XVIII в.»), описывая, как Харон отпихивал души умерших, стремящиеся сесть в ладью:

Сей Бог,
коего вечная старость всегда есть сурова,
Но исполнь ядрености, пхая, их отрывает.

Здесь Тредиаковский сочетает слова разных стилистических пластов: *пхатъ* (*пихатъ*) — просторечное слово и *отрывать* (*отвергать*, *отринути*) — церковнославянизм.

¹⁰ К вопросу о семантике звука (примечание М. В. Панова).

Неожиданное сочетание несочетаемого также создает движение поэтического текста, способствует созданию новых поэтических форм, развитию языка поэзии.

Как особый прием художественной выразительности, как принцип построения поэтического произведения сдвиг сознательно стал использоваться поэтами начала XX в. Панов пишет: «Сдвиг был открыт футуристами как особый способ построения поэтического мира и особый способ видения мира. <...> Сдвиг – непримиримый, бунтующий оксюморон. Он не сулит успокоения» [Панов 2007а: 499].

В частности, поэтика Маяковского – поэтика сдвига: «У Маяковского сдвиг представлен поэтической системой, где резки и определены разрывы, сломы, отстояния... Сдвиг внутренне напряжен... в его составе такие части, которые рвутся из этого единства, стремятся врозь» [Панов 2007б: 583]. Например:

Думалось:
В хорах архангелова хора
Бог, ограбленный, идет карать!
А улица присела и заорала:
«Идемте жрать!»

Сдвиг создает контрасты – лексические, образные и синтаксические.

Сдвиг превращается в ведущий технический прием в поэзии В. Хлебникова, но «у Хлебникова сдвиг пластичен: части переливаются одна в другую, упор сделан на то, что очень разное необходимо для данного единства; сильны силы разъединения, но центростремительные силы господствуют над ними» [Панов 2007а: 500].

В поэтическом мире Хлебникова сдвиг пронизывает все уровни – ритмической организации стиха, лексических неологизмов, синтаксических парадоксов. Сдвиг здесь многократный и многоярусный – «дважды сдвиг: в привычную модель вдвинуто то, что для нее непривычно». Например,

Люди, когда они любят,
Делающие длинные взгляды
И выпускающие длинные вздохи.

В этой конструкции нет предикативного центра (сказуемого) в главном предложении. «Синтаксис показывает, что поэт свернул с дороги, на которую он было вступил; так построение предложения помогает ритмике создать образ движения» [Там же: 505].

Здесь мы видим сломанную синтаксическую структуру – динамический синтаксис, который связывает стихи и своеобразным образом их организует.

Итак, поэзия имеет внутри себя источник самодвижения и саморазвития – на звуковом, словесном и образном уровне в творчестве разных поэтов появляются зачатки развития нового в недрах привычного и традиционного – как будто идет непрерывная эстафета поэтических форм. «Берется стандартная организация текста, давно известная русской поэзии, в ней что-то меняется – она становится и узнаваемой, и неузнаваемой» [Панов 2017: 183], но непременно является источником новых поэтических форм.

Панов настаивает на том, что в поэзии (как и вообще в искусстве) нет прогресса, нельзя выстраивать иерархию поэтов: поэт первого уровня, второго и т. д. Каждый поэт, создавший хотя бы одно совершенное произведение, остается в вечности, занимает определенное место в бесконечной цепочке творцов поэтической формы, влияющих на развитие языка поэзии.

Интересно, что Панов написал большую поэму «Звездное небо», в которой «сделана попытка представить те образные впечатления, которые возникают <...> при чтении русских поэтов» [Панов 2001: 155]. Он не только исследовал русскую поэзию как ученый, но и оставил воплощенные в поэтическую форму свои впечатления от прочтения произведений русских поэтов. Панов выстраивает череду поэтов, предлагая яркие характеристики их поэтического стиля.

Вот как представлен основоположник сравнительно-исторического языкознания Александр Христофорович Востоков, поэт, филолог, ученый – фигура, которая была особенно близка Панову:

Остр
взор Востокова:
прочтет лодку,
услышит дали...
увидит века...
Востоков [Там же: 160].

А. Х. Востоков первым включил материал древнего славянского языка в исследование компаративистов, он издал Остромирово Евангелие – памятник XI в., прокомментировал текст и описал на базе

этого памятника славянский язык древнейшего периода. Именно на базе языка этого памятника Востоков выделил в особую группу восточнославянские языки, описав их фонетические черты. В частности, сочетания плавных согласных (*л* и *р*) с гласными в разных группах славянских языков: *лодка* в древнерусском языке и *ладия* в старославянском (и других южных славянских языках). Далеко видел Востоков, он открыл тайны славянского письма, в частности, именно он «разгадал юсы» — особые буквы старославянской азбуки, которые были созданы Кириллом и Мефодием для передачи носовых гласных древнейшего славянского языка IX в. Именно эти дали и века имел в виду Панов.

А впечатления от поэзии Ф. Сологуба Панов описывает так:

Бесконечная вечная снежная пыль.
В ней бьется, разбегается,
болеет и гибнет свет отреченного солнца.
Федор Сологуб [Панов 2001: 162–163].

Поэзия Сологуба насквозь символична, а символ — это «метафора с бесконечным количеством переосмыслений» [Панов 2017: 160]. Панов пишет, что у героя Сологуба нет анкеты, в стихотворениях нет сюжета, что Сологубу «не нужны слишком предметные слова, ему нужны слова бесплотные, слова, которые полностью превращены в дух» [Панов 2017: 149].

Вот как описывает Панов впечатления о поэтическом языке В. Маяковского, Б. Пастернака и В. Хлебникова:

Глыбистый материк **Маяковского**:
провальное небо и водопады.
Планета **Пастернака**.
Вселенная **Хлебникова**.
И все

эти
пространства —
конгруэнтны! [Панов 2001: 167].

У Маяковского — материк с провалами, водопадами и глыбами, у Пастернака — уже планета, а у любимого Хлебникова — целая вселенная.

Основа поэтического языка Хлебникова — сдвиг, неожиданность, именно поэту Хлебников оказывается ни на кого не похожим поэтом:

Похожий на думающее облако.
Похожий на страстный сухой муравейник.
Похожий на исповедь кенгуру.
Похожий на философствующие часы.
Только на себя похожий [Там же: 157].

Способность лирического героя Хлебникова перевоплощаться, принимать разные облики позволяет построить поистине космический мир. «Лирический герой Хлебникова — это пророк, ребенок, ученый, колдун, конструктор-изобретатель, невменяемый, воин, бомж — как сказали бы сегодня, инопланетянин. И все ипостаси поэта перетекают одна в другую, совмещаются, пластически наслаиваются одна на другую...» [Панов 2007а: 518].

«Человечество пережило много трагедий, связанных с тем, что одна культура убивала другую. Чего же хотел Хлебников? Их слияния? Нет, слияние — утрата главных, наиболее ценных отличий; утрата неповторимости. Хлебников хотел мирного многообразия культур. Об этом и его поэмы, и его лирика» [Там же: 523]. Именно поэтому Хлебников — «вселенная».

Тема поэзии и науки занимает значительное место в творчестве Панова-поэта. Первый сборник стихов М. В. Панова «Тишина. Снег», вышедший в 1998 г., включает стихотворения военных и послевоенных лет. Лейтмотивом проходит мысль-сожаление о непрожитых жизнях убитых на войне; о женщинах, которых война обрекла на одинокую жизнь; о родителях, потерявших на фронте своих детей. Поражает способность автора чувствовать чужую боль как свою — редкий дар...

В стихах М. В. Панова — понимание ценности жизни, благодарность за жизнь рядом с воспоминаниями о страшной войне:

На ветке
один-одинешенек
треплется сосновый лист.
Он покороблен,
трачен серыми пятнами,
болен —
но как его, беднягу, тянет жить!
Как он остр и хрупок!
И я с болью вспомнил...

(1948) [Там же: 91].

Без пафоса, без патетики автор предлагает свое понимание счастья:

Счастье? Выполнить назначение.
Себя выполнить,
исполнить,
наполнить [Панов 1998: 109].

У каждого человека свое предназна-
чение, своя судьба, свое место в мире.
Счастье, по Панову, — это прожить свою
жизнь, оказаться на своем месте — том
самом, которое поможет человеку рас-
крыть свои способности, таланты, проя-
вить себя. Выполнение назначения, как
считает автор, дает счастье, радость, уве-
ренность, покой...

Его назначение — быть ученым и поэ-
том, даже на войне он думал о поэтическом
языке, это и было его счастье:

Приехали ночью, вкопали ЗИС-3. К пяти
замаскировали ее.

Не спалось. Я лежал на снегу под двумя зад-
ними шинелями.

Слепо светили две звезды, да и те пропали.
Дышал, дышал на руки: от холода
одеревенели.

Вспомнил: «Она пришла с мороза
раскрасневшаяся...»

Родной для меня это стих! Это Блок!

(Книгу-то взводный, гад, зажил, — думаю
в полусне. —

А ведь нес ее от Кавказа... и всегда... как зени-
цу ока...)

Думаю о судьбе русского свободного стиха:
будущее — за ним. И совсем не бескрылый,
не безвольный, вранье: это стих глубокого
дыханья,
яркости, крутизны. Блок давно уже это
открыл.

К шести забылся. Резало от ремня и кобуры,
неснятых на ночь.

В кармане тихо шелестели часы (трофейные,
анкерные).

В семь ноль-ноль на высоте 120 и две десятых
Бешено и мертво застучали немецкие танки.

(1942) [Панов 1998: 60–61].

Интересна композиция стихотво-
рения — первое и последнее четверости-
шие о военных буднях, о задачах солдат-проти-
вотанкистов, а два центральных четверо-
стишия — о поэзии. Архитектоника произ-
ведения показывает, что главное и на войне
для поэта и ученого — его предназначе-
ние — поэзия и наука.

Во втором сборнике стихов М. В. Пано-
ва, вышедшем посмертно в 2001 г., много

стихотворений о науке, ведь Панов — уче-
ный, наука — его работа, его стихия, его
поэзия.

Сера наука,
но зелено
вечное древо жизни —
сказал Гете и его переводчик.
Жаль мне, что поэт
знал только древо.

Перевод
подчеркнул это, прояснил, занозил.
Древо? Пусть так.

Но нужно и древо —
с живым и честным стволом,
с листьями, которые любят ветер,
с птицами; качаются на ветвях. А вверху
над ним, в небе мгновенные облака.

...Сера наука?

Гетева, может быть, сера.

А наука, которая впрямь наука, —
зеленое,
ласковое,
зовущее древо.

Веет прохладой и счастьем.

А если вокруг него солнце и дождь...

Ну!

Потому что: де-ре-во.

То есть — наука [Панов 2001: 91].

Наука и есть сама жизнь — не схема-
тичное древо (родословное древо индо-
европейских языков Августа Шлейхера),
а именно живое растущее древо, кото-
рое переживает осень и зиму, сбрасывает
листья и покрывается снегом, спит под сне-
гом, ожидая весны. Приходит новое время,
и наука-древцо распускает новые листья,
дает молодые побеги, становится домом
для птиц, качающихся на его ветвях...

М. В. Панов, читавший студентам курс
истории лингвистических учений, под-
черкивал, что наука живая. Она развива-
ется в теориях талантливых, умных людей,
страстно ищущих истину, иногда — кон-
фликтующих и спорящих, иногда — согла-
шающихся и поддерживающих друг дру-
га, но в любом случае наука не может быть
скучной и предсказуемой, если она стано-
вится скучной, догматичной, схематичной
(как *древцо*), она перестает быть наукой.

Несколько стихотворений М. В. Панов
посвятил любимому ученому — Бодуэну
де Куртенэ (некоторые из них так и назы-
ваются «Люблю Бодуэна!»). В этих произ-
ведениях Панов воспевал (другого глагола

и не подобрать) идеи Бодуэна, перевернувшие современную ему науку о языке, заложившие основы лингвистики XX в.

Например, Панов подчеркивает новаторство Бодуэна-диалектолога, ведь именно Бодуэн впервые предложил транскрипцию — систему записи звучащей речи, описал и теоретически осмыслил резьянские говоры, предложив рассматривать их как результат языкового смешения славянского и мадьярского (венгерского) языкового типа. В стихотворении «Люблю Бодуэна!» Панов пишет:

...Разглядеть
среди сшибки-скрежета
речевой непогоды
разглядеть
кристаллически-прозрачную глыбу:
язык.
...В непогоде. В ветре!
Увидеть —
труд Бодуэна.
Ползть в поле за языком —
его прозорливость...
Хорош Бодуэн — полевой охотник
За увертливым языком... [Панов 2001: 39–40].

Действительно, «разглядеть среди... речевой непогоды... кристаллически-прозрачную глыбу: язык» удастся не каждому. Часто диалектологи, полевые исследователи языка довольствовались сбором материала, а обобщить данные, «разглядеть язык» под силу только теоретику высокого класса, каким и был Бодуэн де Куртенэ.

В другом стихотворении с тем же названием «Люблю Бодуэна!» Панов отмечает важнейшее достижение Бодуэна де Куртенэ — выделение морфемы как отдельной единицы языка — минимальной, но, в отличие от звука, имеющей значение. Вот это значение и явилось кирпичиком, из которого вырастает значение целого слова. Панов сравнивает морфему с клеткой живого организма (распространенная метафора натуралистического языкознания середины XIX в.), ведь из клетки можно вырастить живой организм, как из морфемы — слово.

Оказалось:
клетка живая.
Из нее можно вырастить:
овес, белку, носорога, стрекозу, человека.
Вот так-то и в слове нашел Бодуэн живое:

морфему.

Растет в ней мысль.

Напрягает вокруг себя

думательное поле.

И тянет к себе и влечет:

в себя; **в слово; в мысль.**

О морфеме

первый стал думать Бодуэн [Там же: 39].

Именно Бодуэн предложил ввести в лингвистику специальный термин — *морфема*, разделить все аффиксальные морфемы на *префиксы* (предшествующие корню) и *постфиксы* (следующие за корнем), заменить термином *постфикс* такой непонятный, «мутный» термин *суффикс* (лат. 'прикрепленный снизу'). Бодуэн стремился навести порядок в терминологии, так как был уверен — стройная система терминов будет служить основой четких научных описаний языка. Понятие морфемы позволило выявить структуру слова, выстроить ряды слов с общей корневой и аффиксальной морфемой — что легло в основу структурного описания языка в XX веке.

Выделение понятий «морфема» и «морфемная структура слова» явилось базой формулировки закона об изменении морфемного членения слов в индоевропейских языках — закон передвижения основ в пользу окончаний. Вот как пишет Панов об этой закономерности, обнаруженной Бодуэном:

Окончание уворовало кусок основы.

И еще — кусок.

И еще — кусок.

...Передвигаются

перегородки в слове.

Квартира слова

то однокомнатна,

то коммуналка. Так

сквозь микроскоп ума

понял —

увидел —

узнал

Бодуэн.

Слово перестало быть поленом:

явилось, гибко и прытко,

как ласка, как горностай.

Вывел горностая

из твердой колоды

Бодуэн — пониматель [Там же: 41–42].

Еще один важный закон сформулировал Бодуэн: славянские языки (и русский язык в частности) идут по пути разветвления

системы согласных звуков (консонантизма) и сокращения системы гласных звуков (вокализма).

Панов так пишет об этом законе:

Проницатель
в язык
самых древних племен! В середину
тысячелетних дерев!
Зодчий науки
из новых, далеких,
еще не прилетевших столетий!
Бодуэн! Первый узревший закон:
из века в век

**вянет русская гласность,
цветет согласность –**

из века в век
все сильней, ветвистей.
Одни листья поникли,
но разбушевались другие...

Мелкоту законов
он сложил
в свой огромный закон;
в свой холщовый мешок мысли.
Велел назад –
до праславянских вихрей,
видел вперед –
до наших асфальтовых дней.
Экое богатейство! [Панов 2001: 38].

В славянских языках заднеязычные заднеязычные согласные звуки [к], [г], [х] изменились перед гласными переднего ряда и превратились в аффрикаты ([ч] и [ц]): *старик – старче, рука – в руке*, а также в шипящие (*Бог – божже, дух – душе*) и в свистящие (*Бог – в Боже, дух – о дусе*). Таким образом, в славянских языках в результате такого изменения звуков (оно получило название палатализация, так как заднеязычные заднеязычные звуки продвигались вперед к переднему нёбу – палатум) возникли ряды аффрикат, шипящих и свистящих согласных.

Кроме того, с течением времени в русском языке возникли пары согласных по твердости/мягкости – дифференциация, которой не было в древнерусском языке.

А вот гласных звуков становилось все меньше: исчезли носовые гласные, которые обозначались юсами – специальными буквами в старославянской азбуке (А и Ж), исчезли сверхкраткие ерь (Ь) и ер (Ъ), исчез гласный переднего ряда, обозначавшийся буквой ять (Ѣ). Действительно, «вянет русская гласность, цветет согласность».

Не мог пройти Панов-фонолог мимо важнейшего открытия Бодуэна де Куртенэ – учения о фонеме. В стихотворении «Люблю Бодуэна!» М. В. Панов пишет:

...Две единицы,
Совсем разные, как веник и человек,
могут быть – одно.

И люди их не различают,
в одном видят другое:
если они функционально равны:
работают в разные смены,
но в одинаковой должности.

Называется: **фонема**.

Ряд позиционно чередовательных звуков,
самых разных, непохожих.

А говорители думают: это все одно,
неразличимое то же.

Это волшебство в языке открыл Бодуэн
[Там же: 43].

Одна фонема может быть представлена в речи рядом позиционно чередующихся звуков: «У нас в подъезде новый код [т]. Я не знаю нового кода [д]» – из-за оглушения на конце фонема <Д> произносится как глухой [т], а в позиции перед гласным эта фонема реализуется как звонкий [д]. В самом деле «две единицы... могут быть одно» – это фонема.

Панов восхищается гением Бодуэна – «экое богатейство!», ведь в учении Бодуэна язык представал как вечно развивающаяся, меняющаяся структура, как вечнозеленое дерево (не случайно Бодуэн так яростно критиковал родословное древо родственных языков – статичную картинку А. Шлейхера как грубую схему, искажающую реальное развитие живых языков).

Вот так в поэзии Панова поэтизировалась наука – та наука, которая помогала изучать поэзию. Наука и поэзия были неразрывны в творчестве ученого и поэта, что помогло Панову обнаружить научные закономерности развития языка поэзии и, наоборот, открыть поэзию в науке.

Умер М. В. Панов 3 ноября 2001 г. Незадолго до смерти он написал:

Будет зима

Лес без солнца и без тени –
Провинившийся старик.
Падший лист, сухой, осенний,
К бесприютности привык.

Высоко несутся птицы:
Принудительный отлет.
Их зима сразить грозит,
Выдворяет, гонит, бьет.

В эту пору расставаний
 Так нестрашно умирать.
 Только сани-сани-сани
 Надо сталью подковать.
 Чтобы вынесли с размаха
 С этих берегов на те —
 Где ни стона и ни страха,
 Только вихри в пустоте

[Панов 2001: 48].

Статья посвящается памяти Михаила Викторовича Панова — ученого, поэта, учителя...

ЛИТЕРАТУРА

Панов М. В. О восприятии звуков // Панов М. В. Труды по общему языкознанию и русскому языку. Т. 1. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 330—337.

Панов М. В. Олени навстречу: Вторая кн. стихов. М.: Carte Blanche, 2001. 190 с.

Панов М. В. Поэтический язык Серебряного века. Символизм. Футуризм. Курс лекций. СПб.: Нестор-История, 2019. 424 с.

Панов М. В. Сочетание несочетаемого // Панов М. В. Труды по общему языкознанию и русскому языку. Т. 2. М.: Языки славянской культуры, 2007. С. 496—524 [Панов 2007a].

Панов М. В. Тишина. Снег. М.: Carte Blanche, 1998. 127 с.

Панов М. В. Фонетика поэзии // Панов М. В. Труды по общему языкознанию и русскому языку. Т. 2. М.: Языки славянской культуры, 2007. С. 567—586 [Панов 2007b].

Поливанов Е. Д. Общий фонетический принцип всякой поэтической техники // Вопросы языкознания. 1963. Т. 12, № 1. С. 98—112.

Язык русской поэзии XVIII—XX веков: курс лекций / М. В. Панов; Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН. М.: Издательский дом ЯСК, 2017. 583 с.

REFERENCES

1. Panov M. V. About the perception of sounds. *Panov M. V. Trudy po obshchemu yazykoznaniiu i russkomu yazyku = Works on general linguistics and Russian language*. Languages of Slavic culture publ., Moscow, 2004. Vol. 1. P. 330—337. (In Russ.).

2. Panov M. V. Reindeer Towards: second book of poetry. Carte Blanche publ., Moscow, 2001. 190 p. (In Russ.).

3. Panov M. V. Poetic language of the Silver Age. Symbolism. Futurism. Lecture course. Nestor-History publ., St. Petersburg, 2019. 424 p. (In Russ.).

4. Panov M. V. The combination of the incompatible. *Panov M. V. Trudy po obshchemu yazykoznaniiu i russkomu yazyku = Works on general linguistics and Russian language*. Languages of Slavic culture publ., Moscow, 2007. Vol. 2. P. 496—524 [Panov 2007a]. (In Russ.).

5. Panov M. V. Silence. Snow. Carte Blanche publ., Moscow, 1998. 127 p. (In Russ.).

6. Panov M. V. Phonetics of poetry. *Panov M. V. Trudy po obshchemu yazykoznaniiu i russkomu yazyku = Works on general linguistics and Russian language*. Languages of Slavic culture publ., Moscow, 2007. Vol. 2. P. 567—586 [Panov 2007b]. (In Russ.).

7. Polivanov E. D. General phonetic principle of any poetic technique. *Voprosy jazykoznanija = Topics in the study of language*. 1963. Vol. 12, No. 1. P. 98—112. (In Russ.).

8. The language of Russian poetry of the 18th — 20th centuries: a course of lectures / M. V. Panov; Institute of the Russian language. V. V. Vinogradov RAS. YASK Publishing House, Moscow, 2017. 583 p. (In Russ.).

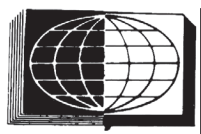
ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Оксана Анатольевна Волошина, кандидат филологических наук, доцент, кафедра общего и сравнительно-исторического языкознания, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова; Университет МГУ-ППИ в Шэньчжэне

Oksana A. Voloshina, Cand. of Sci. (Philol.), Associate Professor, Department of General and Comparative Historical Linguistics, Lomonosov Moscow State University; Shenzhen MSU-BIT University

Статья поступила в редакцию 20.11.2020; одобрена после рецензирования 14.12.2020; принята к публикации 25.12.2020.

The article was submitted 20.11.2020; approved after reviewing 14.12.2020; accepted for publication 25.12.2020.

ХРОНИКА

С любовью к слову

(Юбилей профессора Людмилы Алексеевны Климовой)

Людмиле Алексеевне Климовой, доктору филологических наук, профессору кафедры русского языка и литературы историко-филологического факультета Арзамасского филиала ННГУ, 2 февраля 2021 г. исполнилось 80 лет.

Л. А. Климова родилась в г. Ханко (бывшая Эстонская ССР, ныне Финляндия), в 1946 г. семья переехала в Горьковскую область, в Арзамасский район. Здесь Людмила Алексеевна получила среднее образование и в 1958 г. поступила на филологический факультет Арзамасского государственного педагогического института им. А. П. Гайдара, по окончании которого она была оставлена работать на кафедре русского языка. В 1966 г. Л. А. Климова поступает в очную аспирантуру при кафедре общего языкознания МГПИ им. В. И. Ленина, а в 1969 г. успешно защищает диссертацию на соискание ученой степени кандидата филологических наук. После этого Людмила Алексеевна возвращается в АГПИ, ее трудовой стаж в этом учебном заведении на сегодняшний день составляет почти 60 лет. В разные годы работы в АГПИ она заведовала кафедрами иностранных языков (1978–1979), русского языка (1979–1989), теории и истории русского языка (2004–2010).

В 2008 г. Л. А. Климова защитила докторскую диссертацию «Нижегородская микропонимия в языковой картине мира». Научные интересы Людмилы Алексеевны связаны прежде всего с изучением русских народных говоров и языка художественной литературы, она является автором более 350 публикаций. Большая часть их посвящена языку Нижегородского Окско-Волжско-Сурского междуречья как историко-культурной зоны. Подготовленные Л. А. Климовой исследования находят широкое применение в вузовской и школьной практике преподавания лингвистических дисциплин.

Со студенческих лет Л. А. Климова принимает участие в диалектологической работе, с 1978 г. руководит ею на кафедре и факультете. За эти годы на кафедре создана значительная картотека диалектной и региональной онимической лексики, которая в настоящее время переводится в электронный вариант, проведены исследования в рамках различных грантов РГНФ. Л. А. Климова является руководителем научной лаборатории диалектологических исследований, научной школы «Региональное слово в контексте народной культуры», научного направления «Проблемы регионалистики». С 1994 г. она руководит аспирантами. Под научным руководством Л. А. Климовой успешно защищены 16 диссертаций на соискание ученой степени кандидата филологических наук.

Многолетний плодотворный труд Людмилы Алексеевны по подготовке педагогических и научных кадров отмечен различными наградами.

Вся научная, преподавательская и просветительская деятельность Л. А. Климовой имеет ярко выраженную, активную патриотическую направленность, в том числе ориентирована на сохранение и пропаганду исконно русского слова, отражающего культуру, духовность русского народа. Работа Л. А. Климовой имеет большое научное и практическое значение: вносит весомый вклад в русскую диалектологию и ономастику, в дело подготовки высококвалифицированных кадров для средней и высшей школы. Высокий профессионализм, большой научный потенциал, творческое отношение к работе, четкая гражданская позиция, патриотизм, любовь к русскому слову — основные черты, которые отличают профессора Л. А. Климову.

О. В. Никифорова,
заведующий кафедрой русского языка и литературы историко-филологического
факультета Арзамасского филиала ННГУ, г. Арзамас, Россия

VII Международный педагогический форум «Язык, общество, человек»

Ежегодный Международный педагогический форум, традиционно проходящий на Черноморском побережье, в городе Сочи, в ушедшем 2020 г. впервые состоялся в онлайн-формате. Более 600 специалистов в области изучения, преподавания и популяризации русского языка, литературы и культуры из 40 стран мира подключились к трансляциям мероприятий форума 30 ноября и 1 декабря 2020 г., а общее число просмотров видеоматериалов составило более 20 тысяч.

В рамках церемонии открытия VII Международного педагогического форума «Язык, общество, человек» его участники почтили память выдающегося ученого и общественного деятеля, академика РАО Л. А. Вербицкой — именно ей принадлежала идея создания масштабной площадки, которая ежегодно могла бы объединять русистов со всего мира. Открывая форум, исполнительный директор фонда «Русский мир» В. В. Кочин заметил: «Людмила Алексеевна всегда мечтала о том, чтобы планета заговорила по-русски. Я уверен, что ее мечта осуществится, а свет малой планеты *Людмила Вербицкая* будет всегда сопутствовать нашим начинаниям и всем, кто любит и продвигает русский язык».

В своем обращении заместитель Министра просвещения РФ В. С. Басюк отметил продолжающуюся на протяжении нескольких лет эффективную, созидательную работу организаторов и участников Международного педагогического форума, направленную на развитие и продвижение достижений российского образования, расширение гуманитарного сотрудничества России с другими странами.

Спикерами пленарного заседания седьмого педагогического форума стали Т. В. Черниговская и М. А. Кронгауз: их доклады наметили два основных вектора предлагаемой к обсуждению проблематики, которая нашла отражение в названии форума — «Язык, общество, человек». «В своем выступлении, которое, безусловно, стало событием, Татьяна Владимировна соединила два элемента, две темы — *язык и человек*. В свою очередь, *язык и общество* соединились в докладе Максима Анисимовича», — отметил председатель программного комитета форума, ректор Герценовского университета С. И. Богданов. Первая из намеченных линий нашла развитие в докладах участников заседания «Язык и человек», вторую же продолжили спикеры секции «Русский язык в современном российском государстве».

Спорные вопросы современной русской орфографии и пунктуации обсудили члены Орфографической комиссии Российской академии наук. В докладах специалистов нашли отражение не только спорные орфографические нормы и проблема вариантности, но и проблемные места «школьной» орфографии; предметом специального выступления стала встретившаяся в Тотальном диктанте уходящего года трудная орфограмма. Основной задачей педагогической лаборатории «Школьное образование онлайн» стало обсуждение перспективных стратегий, методик и инструментов для построения смешанного обучения русскому языку и литературе. Под эгидой Тотального диктанта прошел круглый стол «Грамотная речь как паралингвистическая составляющая имиджа и основа эффективной работы организации». Его участники говорили о том, как донести знания о родном языке до его взрослых носителей, давно окончивших школу. На форуме были представлены международные и региональные программы по русскому языку и культуре для одаренных учащихся. Особое внимание организаторы уделили проблемам итоговой аттестации по русскому языку и литературе — им было посвящено отдельное секционное заседание, в рамках которого выступили члены предметных комиссий Санкт-Петербурга, школьные учителя и эксперты.

Результаты работы VII Международного педагогического форума, целевые установки и предложения его участников нашли отражение в резолюции, размещенной на официальном сайте (<https://ipf.herzen.edu.ru>); в настоящее время идет подготовка сборника материалов форума. Видеозаписи трансляций мероприятий доступны на YouTube-канале форума (<https://clck.ru/SkJfo>).

В. В. Турчаненко,
секретарь Программного комитета VII МПФ

В. А. Самойлова,
член Организационного комитета VII МПФ,
Санкт-Петербург, Россия

Генриетта Григорьевна Граник (1928–2021)

3 января 2021 г. ушла из жизни Генриетта Григорьевна Граник, доктор психологических наук, профессор, действительный член РАО. Г. Г. Граник начинала свою профессиональную деятельность как филолог. После окончания Московского государственного заочного пединститута в 1959 г. она работала учителем русского языка и литературы, а затем районным методистом. Однако впоследствии Генриетта Григорьевна стала также блестящим психологом, глубоко исследующим проблемы восприятия и понимания текста, психологические механизмы грамотной устной и письменной речи.

Путь в гуманистическую психологию Г. Г. Граник начала в 1963 г., с прихода в Институт общей и педагогической психологии АПН РСФСР (ныне Психологический институт РАО), где в течение ряда лет занималась теорией и практикой создания проблемно-программированных учебников по русскому языку на психологической основе. В 1965 г. Генриетта Григорьевна защитила кандидатскую диссертацию «Формирование у школьников приемов умственной работы в процессе выработки орфографических навыков», в 1980 г. — докторскую диссертацию «Психологическая модель процесса формирования пунктуационных умений». Далее диапазон исследований, проводимых научным коллективом под руководством Г. Г. Граник, стал расширяться и включил в себя проблемы понимания учебных и художественных текстов, взаимосвязи школьных предметов «Русский язык» и «Литература», что, в свою очередь, позволило создать психолого-дидактический фундамент для разработки целостного учебно-методического комплекса по русскому языку с I по IX класс и учебных книг по литературе для учащихся основной школы. Это учебники нового, психодидактического и, не побоимся сказать, революционного типа, известные сегодня каждому словеснику.

Г. Г. Граник разработаны два новых направления в педагогической психологии:

«Школьный учебник» и «Школьное литературоведение на психологической основе» (книги о Пушкине, Лермонтове, драматургах и драматургии, фольклоре и русской литературе XVIII–XIX вв.). Под научным руководством Г. Г. Граник и при ее непосредственном участии написано свыше 50 учебников и учебных книг по русскому языку, 12 учебных книг по литературе и литературному чтению.

В общей сложности ученым опубликовано свыше 350 работ, из них 30 книг, не считая учебников. За вклад в науку и практику современного образования Г. Г. Граник награждена двумя премиями Правительства РФ в области образования (1999, 2008) и другими высокими наградами.

Риту Григорьевну отличали колоссальное трудолюбие, целеустремленность, настойчивость, энтузиазм. Будучи глубоким человеком, она умела проникнуть в суть изучаемой проблемы, видеть ее и в целом, и в деталях. Все, кто знал Риту Григорьевну, осознавали масштаб ее личности, отмечали ее неукротимую энергию, непримиримость к фальши, к проторенным путям в науке и образовании. А еще — чуткость к людям, огромное желание делиться, отдавать, умение откликаться на человеческую беду, приходить вовремя на помощь.

Книги под редакцией Г. Г. Граник вдохновляют и учеников, и учителей, пробуждают желание учиться и учить, осваивать просторы родного слова и прививать любовь к нему. Г. Г. Граник сочетала в себе дар теоретика и практика, ученого и педагога. Она создала свою научную школу, поэтому дело, в которое Рита Григорьевна вкладывала душу, будет дальше продолжаться и развиваться, находить новых сторонников и последователей.

Светлая память дорогой и любимой Рите Григорьевне!

Психологический институт РАО
Редакция и редколлегия журнала
«Русский язык в школе»

Тамара Константиновна Донская (1931–2020)

5 декабря 2020 г. ушла из жизни Тамара Константиновна Донская, доктор педагогических наук, профессор, академик Петровской академии наук и искусств, выдающийся ученый-методист, Учитель учителей, чья жизнь «принадлежала школе, обучению и воспитанию детей и их учителей».

Т. К. Донская родилась 26 октября 1931 г. После окончания с отличием историко-филологического факультета Ростовского-на-Дону университета десять лет работала в школе учителем русского языка и литературы. Анализ практического опыта различных учителей-предметников, особенно учителей русского языка и математики, утвердил Т. К. Донскую в мысли, что только методическое мастерство учителя и его готовность прийти на помощь учащимся с различными учебными возможностями являются условиями качественного обучения детей. С этой установкой и уже сформулированной методической темой («Индивидуальный подход к учащимся на уроках русского языка») Т. К. Донская пришла в аспирантуру на кафедру методики русского языка ЛГПИ им. А. И. Герцена в 1965 г.

С этого времени жизнь Тамары Константиновны Донской была связана с Герценовским университетом, где, пройдя путь от ассистента до профессора, заведующего кафедрой русского языка в национальной школе, профессора кафедры образовательных технологий в филологии РГПУ им. А. И. Герцена, она стала истинным Учителем учителей.

Тамара Константиновна Донская внесла значительный вклад в решение методических проблем преподавания русского языка в школах России, в том числе национальных, проблем методики РКИ, профессиональной подготовки будущих учителей русского языка для школ Севера («Методика

преподавания русского языка в школах Крайнего Севера» (в соавторстве с коллегами по кафедре), в изучение истории методики как науки.

В 1990 г. Т. К. Донская защитила докторскую диссертацию на тему «Основы развивающего обучения русскому языку». Последние годы профессиональные интересы Т. К. Донской были связаны с изучением роли отечественной культуры в образовании

(«Православное слово в языке и речи: культурологический аспект»; «Д. С. Лихачев — светоч отечественной науки и культуры»), разработкой концепции развития педагогического образования в творческих вузах, подготовкой квалифицированных кадров для сферы культуры и искусства в БГИИК (Белгород).

Т. К. Донская подготовила 23 кандидата педагогических наук, 3 докторов наук по методике русского языка и методике РКИ, в течение 20 лет являлась членом ученых советов РГПУ им. А. И. Герцена.

Тамара Константиновна Донская награждена Почетной грамотой МОиН РФ, знаком «Учитель учителей» (Республика Саха (Якутия)), знаком отличия «Гражданская доблесть».

Тамара Константиновна Донская останется в благодарной памяти коллег, учеников, последователей и единомышленников. Подвижником из числа лучших: сохранится энергия ее трудов, вера в нравственные начала личности, уважение к профессии. Книги Тамары Константиновны Донской будут продолжать излучать свет и греть душу теплом благородного высокообразованного человека, верящего в гуманистические идеалы.

РГПУ им. А. И. Герцена
Ученики и коллеги
Редсовет и редколлегия журнала
«Русский язык в школе»

Татьяна Александровна Боброва (1944–2020)

25 декабря 2020 г. после тяжелой болезни ушла из жизни Татьяна Александровна Боброва — старейший редактор журнала «Русский язык в школе», хранительница его лучших традиций. Болезнь прервала активную просветительскую деятельность Татьяны Александровны, не дала закончить работу, которой она посвящала все свое время. Сотрудники редакции скорбят о безвременной кончине коллеги, друга, учителя...

Т. А. Боброва долгие годы была женой и соавтором академика Н. М. Шанского. Книги Т. А. Бобровой по этимологии русского слова, словари в соавторстве с Н. М. Шанским, статьи, популяризирующие историю русского языка, стали плодотворным вкладом в лингвистическую и лексикографическую науку. Труды Т. А. Бобровой обогатили школьную теорию и практику преподавания русского языка.

Татьяна Александровна — коренная москвичка. Она родилась в 1944 г., с отличием окончила школу и филологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова. С 1966 г. Т. А. Боброва работала в ИРЯ им. В. В. Виноградова. В 1976 г. Татьяна Александровна защитила кандидатскую диссертацию «Фитонимы на -ИК(а), -ИЦ(а) в русском литературном языке». В 1993 г. стала сотрудником журнала «Русский язык в школе», редактировала разделы «Лингвистическое наследство», «Методическое наследство», «Лингвистические заметки», «Внеклассная работа». Ее большой любовью были разделы, посвященные истории лингвистической и методической науки. Татьяна Александровна считала, что всеми силами нужно противостоять порочной практике, когда наука начинается с первой прочитанной книжки. Татьяну Александровну отличали высокий профессионализм, внимание к авторскому замыслу, чуткое отношение к молодым авторам. Т. А. Боброва смогла объединить вокруг себя ученых — лингвистов и методистов, которые откликались на ее просветительские идеи, отражая в своих статьях прошлое и настоящее методики и лингвистики. В 2001 г. Татьяна Александровна приняла активное участие в создании научно-популярного журнала «Русский язык в школе и дома», придумала его название и некоторые рубрики, в последнее время много работала с его архивом. Ее последние статьи были написаны для приложения и посвящены истории русских падежей.

Т. А. Боброва хранила память о своем муже и друге, многое делала для сохранения его научного наследия. Так, Татьяна Александровна горячо приветствовала проведение кафедрой методики преподавания русского языка МПГУ просветительской конференции с международным участием «Учебники по русскому языку под научной редакцией Н. М. Шанского: к 50-летию их выхода», которая состоялась 27 ноября 2020 года.

Ученое и профессиональное сообщество навсегда сохранит благодарность Татьяне Александровне Бобровой за ее редакторский труд в журналах «Русский язык в школе» и «Русский язык в школе и дома». Талант и ум ученого и редактора Т. А. Бобровой служил во благо отечественного образования.

Для педагогического сообщества кончина Т. А. Бобровой — невосполнимая потеря высокопрофессионального и высокоинтеллигентного человека, много сделавшего в области лингвистического образования для продвижения идеи ценностного отношения к русскому языку, его истории.

Татьяна Александровна навсегда останется в памяти человеком душевной щедрости, высоких нравственных качеств, эталоном женской красоты и обаяния, гармоничным в жизни и профессии.

Редсовет и редколлегия
журнала «Русский язык в школе»

РУССКИЙ ЯЗЫК

в школе и дома

2021. – Т. 21. – № 2

Научно-популярный и научно-методический журнал

РУССКИЙ ЯЗЫК

в школе и дома

март
апрель

Издатель – ООО «Наш язык»

Выходит 6 раз в год

ISSN 2541–8793

12 +

Слова текут — вода живая	3
	5 Нам пишут...
Рабочая тетрадь	9
	13 Такие разные уроки...
Игры. Шарады	16
	23 Кроссворд
Ответы	24

Слова текут — вода живая

Плакучая ива

Прилагательное *плакучий* употребляется только по отношению к деревьям с длинными тонкими висящими ветвями. Чаще всего это ивы и берёзы. В ботанической латыни термину *плакучий* соответствует *pendulus* 'висячий' (Кирпичников М. Э. и Забинкова Н. Н. Русско-латинский словарь для ботаников. Филологическая редакция Я. М. Боровского. – Л., 1977. – С. 481).

Слово *плакучий* фиксируется словарями начиная с 1847 г.:

ПЛАКУЧИЙ. О деревьях: поникший ветвями и как бы сетующий. *Плакучая ива* (Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный Вторым отделением Академии наук: в IV т. – Т. III. – СПб.: Типография Академии наук, 1847. – С. 224).

Но в текстах словосочетание *плакучие ивы* отмечается раньше. Мы находим его в переводе одной из глав «Органографии» А. Декандоля, выполненном А. И. Герценом и опубликованном в «Новом магазине естественной истории» 1830 г. (Герцен А. И. Собр. соч.: в 30 т. – М., 1954–1965. – Т. 1. – С. 361).

А *плакучие берёзы* мы находим в рассказе И. С. Тургенева «Гамлет Щигровского уезда» 1849 г.:

Во всю ширину раскрытых окон шевелились и лепетали молодые, свежие листья плакучих берёз... (Тургенев И. С. Полное собр. соч. и писем: в 30 т.: сочинения: в 12 т.: письма: в 18 т. АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом). – Т. 4. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Наука, 1978. – С. 292).

Эти своеобразные деревья давно привлекали создателей парков. Плакучими ивами и берёзами часто обсаживали пруды и берега ручьев. Их часто сажали на кладбищах как символ скорби. Но в конце XVIII – начале XIX в. эти декоративные деревья назывались иначе, например *плаксивая ива*. В «Подробном словаре садоводства» Н. Осипова читаем:

Вавилонская ива, *Salix Babilonica*. ...в садах известно сие дерево под именем Плаксивой ивы (Осипов Н. П. Подробный словарь садоводства. Подробный словарь для сельских и городских охотников и любителей ботанического, увеселительного и хозяйственного садоводства... собрано... Николаем Осиповым: в 2 ч. – Ч. 2. – СПб., 1792).

Почему в Словарях Н. Осипова и В. Эртеля плакучая ива названа вавилонской?

Поэтический образ дерева, опущенными ветвями оплакивающего тяжелую утрату, возник в глубокой древности. Мы находим его в 136-м псалме царя Давида, где пленники Навуходоносора оплакивают утраченную родину. Русский поэт Ф. Глинка переложил псалом в стихах:

В стране изгнания – в Вавилоне,
При дальних, неродных реках,
Мы по родном своём Сионе
Грустили молча и в слезах.
На серебристых ветвях ивы
Повесил каждый свой орган,
И с струн их отзвывы плаксивы
Срывала буря чуждых стран.

По данным Словаря русского языка XVIII в., в Словаре Гейма 1799–1802 гг. зафиксировано прилагательное *плакущий* (Новый российско-французско-немецкий словарь, соч. по словарю Российской Академии Иваном Геймом. – Т. 1–3. – М., 1799–1802); оно же – в стихотворении Г. Р. Державина «Память другу» 1803 г.: «Плакущая берёзы воют, На черну наклоняся тѣнь...» (Словарь русского языка XVIII века / гл. ред. Ю. С. Сорокин. АН СССР. Ин-т рус. яз. – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1984–1991 [Электронный ресурс]. – URL: <https://slovar-russkogo-yazyka-xviii-v.slovaronline.com/43428-плакущий>).

Словосочетание *плакущие берёзы* находим также в «Вестнике Европы» (Вестник Европы, издаваемый Николаем Карамзиным. – 1816. – LXXXVI. – № 6, март. – С. 87) и в «Московском телеграфе» (Московский телеграф, издаваемый Николаем Полевым. – 1828. – Т. XXI. – № 12. – С. 551). В Дневнике П. А. Вяземского 1818 г. – *плачущие берёзы* (Вяземский П. А. Записные книжки. (1813–1848) / изд. подгот. В. С. Нечаева. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1963. – С. 33). И позже: «много плачущих ив и фруктовых деревьев» (Толстой А. К. Дневник. 1 апр. 1831 г. / Толстой А. К. Собр. соч.: в IV т.; сост. и общая ред. И. Г. Ямпольского; ил. худож. И. Глазунова. – М.: Правда, 1980. – Т. IV. – С. 12). В «Полном зоологическом и ботаническом словаре» В. А. Эртеля – «верба вавилонская, ива печальная, вислеветвенная» (Эртель В. А. Полный зоологический и ботанический словарь на французском, русском и латинском языках. – СПб., 1843. – С. 342).

Все перечисленные варианты – *плакущий, плакущий, плачущий, плаксивый* – являются семантическими кальками французского *pleureur* 1. 'плачущий'; 2. ботанич. 'плакущий (об ивах, берёзах)'. А прилагательное *вислеветвенный* в Словаре Эртеля появилось под влиянием научно-латинского *pendulus* 'висячий'.

Ко второй половине XIX в. окончательно побеждает вариант *плакучая ива* (*берёза*), хотя ещё в повести М. М. Достоевского (рано умершего брата Ф. М. Достоевского) «Пятьдесят лет» читаем:

...под сенью плакучей берёзы или унылой ивы... (Отечественные записки. – 1850. – № 8. – Отд. I. – С. 231).

Н. С. АРАПОВА
Москва

Тексты региональной литературы на уроках русского родного языка

В настоящее время в лингводидактике особое внимание уделяется вопросу интегрированного изучения родного языка и национальной культуры. Выявить связь между культурой и языком, сформировать умение находить в текстах культурно-маркированные единицы (фразеологизмы, топонимы, онимы и др.) помогут комплексы вопросов и заданий, разработанные для VII–IX классов на основе текстов региональной литературы. Образцом «вологодского текста» являются произведения В. И. Белова (Судаков Г. В. В. И. Белов и проблема «вологодского текста» // Вологодский текст в русской культуре: сб. ст. по материалам конф. – Вологда, 2015. – С. 118). Вопросы и задания к фрагментам первой главы романа В. И. Белова «Кануны» позволяют обратить внимание обучающихся на особенности «вологодского текста» (Белов В. И. Кануны // Собр. соч.: в 7 т. – Т. 3. – М., 2011).

В представленных фрагментах романа мир воспринимается с точки зрения Носопыря – деревенского жителя. Для называния предметов быта, в мире которых живёт персонаж, используются диалектизмы. Для характеристики его внутреннего состояния – сравнения с животными. Для раскрытия его восприятия окружающего мира – прилагательные, обозначающие цвет. Выбор и описание места и времени, оценка всего происходящего через сознание главных героев – жителей вологодской деревни, характер использованных В. И. Беловым диалектизмов, цветообозначений, сравнений свидетельствует о том, что писатель создал особый «вологодский текст» (Судаков Г. В. Особенности языка художественной прозы В. И. Белова // Русский язык в школе. – 2018. – Т. 79. – № 7. – С. 60). Открыть для себя это понятие может каждый ученик, выполнив определённые задания.

Фрагмент № 1

Кривой Носопырь лежал на боку, и широкие, словно вешнее половодье, сны окружали его. Во снах он снова думал свои вольные думы. Слушал себя и дивился: долог, многочислен мир, по обе стороны, по ту и по эту.

Ну, а та сторона... Которая, где она?

Носопырь, как ни старался, не мог углядеть никакой другой стороны. Белый свет был всего один, один-разъединственный. Только уж больно велик. Мир ширился, рос, убегал во все стороны, во все бока, вверх и вниз, и чем дальше, тем шибче. Сновала везде чёрная мгла. Мешаясь с ярким светом, она переходила в дальний лазоревый дым, а там, за дымом, ещё дальше, раздвигались то голубые, то кубовые, то розовые, то зелёные пласты; тепло и холод погашали друг дружку. Клубились, клубились вглубь и вширь пустые многоцветные вёрсты...

1. Какова роль первого предложения в тексте? В чём проявляется взаимодействие этого предложения с последующей частью текста?

2. А) Как вы думаете, почему Носопырь получил такое прозвище? Попробуйте сформулировать свою версию происхождения прозвища героя. Б) Найдите ответ в тексте первой главы романа.

3. Выпишите прилагательные, обозначающие оттенки цвета. Подберите синонимы к прилагательному *зелёный*. Замените синонимами прилагательное *кубовый*.

4. Каково значение фразеологизма *белый свет*? Подберите к нему синонимы.

5. Значение каких фразеологизмов со словом *свет* приведено в таблице?

Таблица 1

Значение	Фразеологизм
Ничто не радует, всё угнетает, раздражает	
Очень сильно браниться, ругаться, не стесняясь в выражениях	
Исказив истину, неправильно	
Очень далеко	
В религиозных представлениях: конец мира, гибель всего живого	

6. Какой синоним к слову *мысль* употребляется в приведённом отрывке?

7. Подберите нейтральные синонимы к выделенным словам: *больно велик, шибче*.

8. Объясните значения слов *половодье, дивился, многочислен, сновала, вёрсты*.

9. Охарактеризуйте особенности словообразования слова *одинаждыединственный*.

10. Выпишите из текста деепричастие. Как оно образовано?

11. Объясните правописание частиц *не* и *ни* в предложении *Носопырь, как ни старался, не мог углядеть никакой другой стороны*.

12. Подготовьтесь к выразительному чтению текста.

13. Напишите, как вы понимаете смысл предложения: *Слушал себя и дивился: долго, многочислен мир, по обе стороны, по ту и по эту*.

Фрагмент № 2

«А дальше-то что? – думал во сне Носопырь. – Дальше-то, видно, Бог». Хотелось ему срисовать и Бога, но выходило не то чтобы худо, а как-то не взаправду. Носопырь ухмылялся одним своим по-волчьи пустым, по-овечьи невозмутимым нутром, дивился, что нет к Богу страха, одно уважение. Бог, в белой хламиде, сидел на сосновом крашеном троне, перебирал мозолистыми перстами какие-то золочёные бубенцы. Он был похож на старика Петрушу Ключина, хлебающего после бани тяпушку из толокна.

Носопырь искал в душе почтение к тайнам. Опять срисовывал он богово, на белых конях, воинство, с лёгкими розовыми плащами на покатых, будто девичьих, плечах, с копьями и выющимися в лазури прапорцами, то старался представить шумную ораву нечистого, этих прохвостов с красными ртами, прискакивающих на вонючих копытах.

И те и другие постоянно стремились в сражения.

Было в этом что-то пустоголовое, ненастоящее, и Носопырь мысленно плевался на тех и на этих. Вновь возвращался он к земле, к тихой зимней своей волости и к выставляющей бане, где жил бобылём, один на один со своею судьбой.

1. Укажите ключевые слова.

2. Подберите синонимы к слову *прохвост*.

3. Сравните: *нечистый воротничок – нечистые мысли – нечистая игра – нечистый попутал*. В каких значениях употребляется слово *нечистый*?

4. Объясните значения слов *нутро, орава, прапорец, хламида, бобыль*.

5. Какой синоним к слову *уважение* употреблен в тексте? Выпишите словосочетание с этим словом: а) чтобы в одном случае оно было главным, б) в другом – зависимым. Подберите к выписанному слову синонимы.

6. Каким правилом регулируются написания суффикса *-ен-* (*-ён-*) в выделенных словах: *золочёные* бубенцы, *крашеный* трон? Измените данные примеры таким образом, чтобы в выделенных словах следовало писать *нн*.

7. Какой частью речи является слово *один* в примерах из текста: 1) *ухмылялся одним нутром*; 2) *нет к Богу страха, одно уважение*? Какими другими частями речи может быть это слово? Приведите примеры.

8. Какие односоставные предложения используются в составе сложного: *Носопырь ухмылялся одним своим по-волчьи пустым, по-овечьи невозмутимым нутром, дивился, что нет к Богу страха, одно уважение*?

9. Найдите в предложении (см. задание № 8) сравнения. В чём заключается особенность этих сравнений по форме и содержанию?

10. Укажите предложение, в котором союз *и* связывает как однородные члены, так и простые предложения в составе сложного.

11. Напишите, как вы понимаете смысл предложения: *Носопырь искал в душе почтение к тайнам*.

Фрагмент № 3

Луна светила в окошко, но в бане было темно. Носопырь пощупал около, чтобы найти железный косарь и отщепнуть лучинку. Но косаря не было. Это опять сказывался он, баннушко. Носопырь хорошо помнил, как ввечеру топил каменку и как воткнул косарь между стеной и лавкой. Теперь вот баннушко опять спрятал струментину... Баловал он последнее время всё чаще: то утащит лапоть, то выстудит баню, то насыплет в соль табаку.

– Ну, ну, отдай, – миролюбиво сказал Носопырь. – Положь на место, кому говорят.

Луну затащило случайным облачком, в бане тоже исчезло мёртвое жёлтое облако. Каменка совсем остыла, было холодно, и Носопырю надоело ждать.

– Совсем ты сдурил! Экой прохвост, право. Чево? Ведь не молоденький я баловать с тобой. Ну, вот, то-то.

Косарь объявился на другой лавке. Старик нащепал лучины и хотел затопить каменку, но теперь, прямо из-под руки, баннушко уволок спички.

– Ну, погоди! – Носопырь погрозил кулаком в темноту. – Вылезай добром, ежели!..

Но баннушко продолжал разыгрывать сожителя, и Носопырь топнул ногой.

– Отдай спички, дурак!

1. Попробуйте сформулировать лексическое значение слова *баннушко*.

2. Одному из диалектных слов в словаре «Вологодское словечко» даётся следующее описание: «По суеверным представлениям – мифологическое существо женского пола, живущее в бане; жена “банника”» (Вологодское словечко: Школьный словарь диалектной лексики / отв. редактор Л. Ю. Зорина. – Вологда, 2011. – С. 11). Попробуйте назвать это слово.

3. Познакомьтесь со словарной статьей из энциклопедии «Мифы народов мира» о баннике.

4. Выделите суффикс в слове *баннушко*. Каково значение данного суффикса? Приведите примеры других слов с этим суффиксом.

5. Дополните тематическую группу слов «Персонажи низшей мифологии»: *банник*, ...

6. В представленном фрагменте романа В. Белова «Кануны» говорится, что баннушко в последнее время баловал всё чаще. Решите этимологическое неравенство, и вы узнаете название предмета, который был спрятан банником от Носопыря.

Нога лапа

ноготь ?

7. Придумайте и запишите небольшую историю о новой проделке банника. Как вы озаглавите получившийся текст?

Фрагмент № 4

Носопырь огляделся. Вверху, на горе, десятками высоченных белых дымов исходила к небу родная Шибаниха. Дымились вокруг все окрестные деревеньки, словно скученные морозом. И Носопырь подумал: «Вишь, оно... Русь печи топит. Надо и мне».

Он принёс дров, открыл челисник – дымовую дыру – и затопил каменку. Дрова занялись трескучим бездымным огнём. Носопырь сел на пол напротив огня – в руках кочерга, калачом мослатые ноги – громко запел тропарь: «...собезначальное слово отцу и духови от девы, рождшееся на спасение наше, воспоим вернии и поклонимся, яко благоволи плотню взыти на крест и смерть претерпети и воскресити умершия славным воскресением твоим!»

1. По лексическому значению слов отгадайте слова (все они встречаются в представленном фрагменте).

Таблица 2

Значение	Слово
Дымовая дыра	
Печь, которая не имеет трубы	
Молитвенные стихи и песнопения, прославляющие Христа, Богородицу, святых или празднуемое событие	

2. Какое из слов-отгадок является диалектизмом?

3. Как вы думаете, в какое время происходит действие? (Чтобы ответить на этот вопрос, попробуйте «перевести» на современный русский язык текст, который поёт Носопырь.)

Итоговое задание

Проанализируйте информацию, представленную в таблице. Попробуйте определить некоторые особенности «вологодского текста».

Таблица 3

Вопрос	Ответ/пример	Особенность «вологодского текста»
Чьими глазами мы видим мир в романе?	Носопыря, жителя деревни	?
Где живёт герой?	В деревне Шибанихе	?
В какое время происходит действие?	В святки	?
Средство живой народной речи	Челисник	?
Один из древнейших и важнейших приёмов создания образности	Дымились вокруг все окрестные деревеньки, словно скученные морозом	?
Непременная часть народной культуры	Лазоревый, кубовый, голубой, розовый...	?

А. П. БЕЛОВА,
школа «Летово»,
Москва

Рабочая тетрадь

Слитно-дефисно-раздельные написания

Дорогие ребята!

Мы начинаем публикацию фрагментов рабочей тетради «Слитно-дефисно-раздельные написания», в которой представлены дополнительные ко всем действующим школьным учебникам русского языка для V–VII классов учебные материалы (задания и упражнения) по данному разделу орфографии. Рабочая тетрадь поможет вам закрепить полученные на уроках русского языка знания, умения и навыки в области правописания сложных имен существительных; сложных имен прилагательных; слитного, раздельного и дефисного написания наречий; слитного/раздельного написания предлогов; слитного написания союзов; разграничения на письме *не* и *ни*.

На основе выполнения разнообразных заданий и упражнений развивающего характера вы шаг за шагом осознаете языковую сущность правил о слитно-дефисно-раздельных написаниях в русском языке, отработаете способ орфографического действия при выборе верного написания; научитесь свободно опираться на соответствующие правила орфографии при письме. Кроме того, выполнение заданий и упражнений, представленных в данной тетради, не только поможет вам сознательно и разумно усвоить программный материал о слитно-дефисно-раздельных написаниях в русском языке, но также расширит ваш кругозор в целом и повысит общую грамотность в широком смысле этого слова.

Многие задания, с которыми вы встретитесь в рабочей тетради, потребуют от вас, ребята, аргументированного объяснения написанного (с опорой на правило): в каком порядке, что и почему вы делаете, выбирая нужный вариант написания (слитно, дефисно или раздельно).

В тетради есть немало заданий, которые позволят вам привести в систему свои знания с помощью обобщающих таблиц или рассказов на лингвистическую тему.

В рабочей тетради много самых разнообразных творческих заданий, которые вызовут у вас необходимость заглянуть за страницы школьного учебника: обратиться за помощью к различным словарям, справочникам, энциклопедиям и интернет-ресурсам. Вам не раз придется выполнять почетную роль юного исследователя, например когда вы будете проводить наблюдения над языковым материалом или самостоятельно подбирать примеры из художественной и научно-популярной литературы.

Мы очень надеемся, что вам, ребята, понравится работать по этой тетради и вы с интересом откроете для себя удивительный мир слитно-дефисно-раздельных написаний в русском языке.

Удачи и успехов!

Правописание сложных имён существительных

1. Расскажите о правописании соединительных гласных в сложных существительных. Проиллюстрируйте рассказ примерами из данных предложений и собственными примерами. Аргументированно объясните, почему *Свет-озеро* пишется через дефис. Запишите свой ответ.

1) Залезешь, бывало, на сеновал, укроешься соломой, чтобы не беспокоить сизокрылых, и наблюдаешь украдкой за ними. (А. Барков). 2) На берегу Свет-озера, возле бурного водопада, нашла себе пристанище удивительная птица. (Он же). 3) Лесоруб нагнулся, чтобы поднять варежку, и ненароком обнаружил в густых, облепленных снегом ветвях гнездо. (Он же). 4) На дне болота росли длинные цепкие водоросли. (В. Бианки). 5) В путешествиях по родным краям вам предстоит открывать новые земли. (Он же). 6) Да без меня [электрического тока] лампочке не загореться, холодильнику не холодить, магнитофону не играть, швейной машинке не шить, пылесосу и полотёру не работать, электробритве не брить! (В. Постников). 7) И только ясно слышно мне твоё сердцебиение. (М. Матусовский).

2. Письменно объясните:

1) почему в некоторых сложных словах (например, *баснописец*, *зверовод*, *звероферма* и др.), несмотря на то что первая часть образована от слов с мягкой основой (*басня*, *зверь*), пишется соединительная гласная буква *о*;

2) являются ли слова *велотрасса*, *автоатлас*, *мотоспорт* сложными с соединительной гласной *о* и почему.

3. Расскажите, когда сложные существительные с первым корнем *пол-* пишутся слитно, а когда – через дефис. Проиллюстрируйте ответ данными ниже примерами. С двумя-тремя словами (на выбор) составьте и запишите словосочетания. В словосочетаниях обозначьте главное слово.

(Пол)километра, (пол)яблока, (пол)огурца, (пол)коробки, (пол)лавки, (пол)магазина, (пол)неба, (пол)ночи, (пол)оборота, (пол)Таганрога, (пол)суток, (пол)оркестра, (пол)липы, (пол)Армении, (пол)лимона, (пол)Европы, (пол)столицы, (пол)жизни.

4. Используя специальную литературу и материалы из Интернета, расскажите, как приготовить блюдо *люля-кебаб*. Какие ещё блюда вы знаете, которые являются сложными существительными и пишутся через дефис? Назовите два-три из них.

5. Что это за цветок такой – *иван-да-марья*? Напишите ответ на поставленный вопрос. Укажите, к какой литературе вы обратились за помощью.

6. Составьте два-три словосочетания по каждой схеме. В словосочетаниях обозначьте главное и зависимое слово.

прил. + сложное сущ. *шест..классник*

мест. + сложное сущ. с иноязычной частью *электро-*

глагол + сложное сущ., которое пишется через дефис

глагол + сложное сущ., которое начинается с части *пол-*

глагол + сложное сущ., которое начинается с *полу-*

глагол + сложное сущ., обозначающее промежуточные части света

глагол + сложносокращённое сущ.

7. Напишите сочинение-описание на одну из тем: 1) «Уже за косогором готово вспыхнуть солнце» (М. Матусовский); 2) «Пел в садах малиновых соловей-соловушка, да шумели листьями в рощах тополя» (А. Софонов); 3) «Погляди, погляди на небосвод, как сияет он безоблачно и чисто» (М. Матусовский); Используйте в своём сочинении не менее пяти сложных существительных.

8. Найдите и опишите одну из данных картин знаменитых русских художников: «Ковёр-самолёт» (В. М. Васнецов); «Иван-царевич на Сером волке» (В. М. Васнецов);

«Сенокос» (А. А. Плостов); «Лесной пожар» (А. К. Денисов-Уральский); «Купание красного коня» (К. С. Петров-Водкин). Используйте в своём сочинении не менее семи сложных существительных.

9. Напишите сочинение-фантазию на тему «Занимательное путешествие по технопарку “Наукоград”».

10. Используя научную, научно-популярную литературу и материалы из Интернета, расскажите, какой северный олень получил в народе прозвище «олень-цветок». Почему? В своём письменном высказывании употребите не менее семи сложных существительных.

11. Какие устойчивые словосочетания вы знаете, куда входили бы сложные существительные? Запишите их и кратко объясните, что обозначают данные фразеологизмы.

12. Почему сложные существительные *вертишейка*, *горицвет*, *горихвостка*, *держиморда*, *сорвиголова* пишутся слитно и с буквой *и* в середине, а сложное существительное *перекаати-поле* тоже пишется с буквой *и* в середине, но только через дефис? Запишите аргументированный ответ на поставленный вопрос.

13. Напишите сочинение-миниатюру на одну из тем: «На пароходе», «На каникулы – самолётом», «В диско-клубе», «В фотоателье», «На спортплощадке». Используйте в своём сочинении не менее семи сложных существительных. Каким типом речи вы воспользовались при написании сочинения? Аргументируйте ответ.

14. Составьте и запишите таблицу на тему «Правописание сложных имён существительных». Сколько в ней будет колонок и почему? Заполните таблицу собственными примерами (по 5–7 примеров в каждую колонку).

15. Представьте, что скоро новогодний бал-маскарад и вы отвечаете за его организацию. Напишите план-заказ игрушек-украшений, которые вам необходимо приобрести для праздника. Включите в свой список не менее пяти украшений, которые являются сложными существительными. Графически объясните их правописание.

16. Подготовьтесь к словарному диктанту. Устно объясните правописание сложных имен существительных. Попросите продиктовать вам выборочно 10–15 словосочетаний из данных списков слов.

1. Знакомая гавань-бухта, чудесные горицветы, новая биолaborатория, знаменитый бахчевод, первый вице-премьер, старинная грязелечебница, обжёг пол-лица, сказочный полумесяц, работал военврачом, хорошая спецодежда, сообщение в стенгазете, отправились на фотовыставку, зашли в зоомагазин, попался в мышеловку, купили овощерезку, встретили лесоруба, откусил пол-яблока, молодой врач-терапевт, надел галстук-бабочку, древний город-крепость, писатель-декабрист Александр Бестужев-Марлинский, занимательная головоломка, принесли гвоздождёр, современный бензонасос, спрятались в бомбоубежище, путешествие на теплоходе, работал с помощью семигранника, объездил пол-Германии, поехал на северо-запад, зашли в кафе-мороженое, статный генерал-майор, гуси-лебеди, опытный плотник-паркетчик, построили детсад, провели вечер в диско-клубе, школьная дискотека, записался в драмкружок, назначили душ-массаж, хороший железнодорожник, интервью с журналистом-международником, знакомый краевед, встретились в Ростове-на-Дону, был землевладельцем, сильное землетрясение, занимались золотодобычей, приобрели зубочистки, сорвали иван-чай, прошёл курс иглоукалывания, порядочный издатель-коммерсант, редколлегия журнала.

2. Искали полдня, надели маскхалаты, начертил полукруг, знаменитый иконописец, сообщили имя-отчество, встреча в аэропорту, крик бой-бабы, немецкая газонокосилка, рассыпали какао-порошок, открыли календарь-справочник, закупили канцтовары, известный кардиохирург, посмотрели киноеврик, дедушкин камнерез, зашёл к книготорговцу, новый

диван-кровать, деревенский сорвиголова, мои друзья-приятели, отрезал пол-апельсина, зашли в универмаг, поступил в вуз, отдел кожгалантереи, занимался катеростроением, завезли каучук-сырец, хороший кашевар, посетили музей-квартиру Пушкина, экскурсия по Санкт-Петербургу, первый лётчик-космонавт, вырастили иван-да-марью, увидели лукохранилище, поехали в яхт-клуб, выползла ящерица-игуана, сел на ковёр-самолёт, у забора выросла мать-и-мачеха, решение худсовета, засорили мусоропровод, профиль из металлопластика, увлёкся микроэлектроникой, купили электромясорубку, играть в спортлото, отмечали новоселье, подарили ножницы-секатор, посетили овцеферму, преодолели пол-Антарктиды, ветер дул с северо-востока, в цветастой телогрейке, интересный книголюб, верный оруженосец, горный водопад, старый рыболов, трудный лесосплав, проявил дружелюбие, интересный мальчик-подросток, увлекательное путешествие, занимательное краеведение, частое сердцебиение, тёмный небосклон, красивый звездопад, конец хлебоуборки, прославленный оружейник-конструктор, примерный пешеход, местный пчеловод, композитор Ипполитов-Иванов, знаменосец полка, прилежная офис-менеджер.

3. Исписал полтетради, провели аэросъёмку, нашли чудо-гриб, дальняя птицефабрика, хорошая звукозапись, старое общежитие, ранняя снегоуборка, развитое скотоводство, час солнцепёка, современный баснописец, нормальное кровообращение, быстрый ледоход, увлечение растениеводством, точный землемер, белый пароход, моя палочка-выручалочка, платье из крепдешина, выступал певец-лауреат, основоположник книгопечатания, изучали гамма-лучи, страдал от плоскостопия, началось пожаротушение, полведра воды, не приезжал полгода, продали полдома, съел пол-арбуза, прошагали пол-Европы, пришли к восьмиклассникам, закончили полугодие, наступил полумрак, посетили музей-усадьбу Тургенева, конференция учёных-природоведов, серьёзный продавец-консультант, представители либерал-демократов, позвонили в турбюро, изучали на уроке прямоугольник, местный птицелов, пятитомник известного писателя, честный работодатель, познакомился с рыболовом-любителем, положительный резус-фактор, составил резюме-анкету, вкусный рахат-луком, написал рассказ-очерк, зарубежные рок-музыканты, объявил самоотвод, пошёл в «Сбербанк», купля-продажа автомобилей, началась пресс-конференция, выступил учёный-филолог, уехал в Сан-Франциско, магазин культтоваров, подал заявление в рыбнадзор, побывал у фитотерапевта, продавал автозапчасти, завод сельхозмашиностроения, упражнение на слоговоеделение, удобная овощечистка, сильное слюноотделение, получил смс-сообщение, хорошо подготовленный спецотряд, приобрели справочник-путеводитель, едем на юго-восток, познакомился с южноафриканцем, знаменитый географ Семёнов-Тян-Шанский.

Л. Г. ЛАРИОНОВА
г. Ростов-на-Дону

Такие разные уроки...

Интегрированный урок русского и английского языков в VII классе «Отрицательные частицы»

Цели

обучающие: углубление и обобщение знаний о частице как части речи в русском и английском языках;

развивающие: формирование орфографической зоркости учащихся, умения употреблять частицы в устной и письменной речи;

воспитательные: воспитывать любовь и интерес к изучению языка, литературе.

Вид урока: урок обобщения и систематизации знаний.

Оборудование: мультимедийный проектор, ноутбук, презентация к уроку, интерактивная доска.

Конспект урока

1. Самоопределение к деятельности. Приветствие. Организационный момент.

– Прочитайте известную строчку из трагедии В. Шекспира «Гамлет»: *To be, or... to be: that is the question*. Понятна ли она вам? Почему? Как вы думаете, какое слово пропущено? Какой вопрос задает герой трагедии Шекспира? (Ответ. В строке пропущена отрицательная частица *not*.)

2. Актуализация знаний.

– Вставьте частицу на место пропуска. Как изменился стих? Прослушайте чтение стихотворения актёром Лоренсом Оливье (фрагмент фильма «Гамлет», 1948 г.).

To be, or not to be, that is the question:

Whether 'tis nobler in the mind to suffer

The slings and arrows of outrageous fortune,

Or to take arms against a sea of troubles

– Прочитайте перевод Бориса Леонидовича Пастернака.

Быть или не быть, вот в чём вопрос. Достойно ль

Смиряться под ударами судьбы,

Иль надо оказать сопротивление

И в смертной схватке с целым морем бед.

(Учитель выявляет уровень знаний, необходимых для решения учебной проблемы.)

– Вы поняли, какова основная мысль четверостишия? Каковы способы её выражения?

3. Формулировка проблемы.

(Учитель ставит проблемные вопросы.)

– Какова основная мысль данного фрагмента трагедии У. Шекспира? (Ответы учащихся.)

– Слова какой части речи позволяют выразить эту мысль? (О т в е т. Отрицательные частицы.)

4. Формулирование темы урока, постановка задач урока.

– Какова будет тема нашего урока? Чему мы сегодня должны научиться? Что помогают выразить частицы в прослушанных нами стихах? Как называются такие частицы? В чём различие их употребления в русском и английском языках? (Учащиеся формулируют тему и задачи урока: «Отрицательные частицы в русском и английском языках».)

5. Построение проекта выхода из затруднения.

(Учитель контролирует выполнение упражнений; задаёт проблемные вопросы. Предъявляет образец, на основании которого необходимо сформулировать правило.)

Задание 1. Сравните предложения на русском и английском языках. Что выражают отрицательные частицы? Какие синонимичные частицы вы видите? В чём особенности их употребления?

I do not want to play the piano. They should not go out together.

Тебе не следует много гулять. Я не пойду на концерт.

Задание 2. При словах каких частей речи стоит отрицательная частица в русском и английском языках?

Он (не)акула и (не)кит,
Он (не)барсук и он (не)крот,
Но под землёй (не)пропадёт,
Он (не)орёл, (не)гусь, (не)дрозд,
Но может долететь до звёзд,
(Не)догадаешься вовек,
Всё может только ____.

(Дж. Родари)

I'm not doctor. You are not tall. He's not here. She isn't sick. It's not raining. We weren't in class on Sunday. They're not going to Olympia.

(В английском языке: подлежащее + вспомогательный/модальный глагол + частица *not* + смысловой глагол. В русском языке частица может стоять перед именем существительным, прилагательным, числительным; местоимением, глаголом, причастием, деепричастием, наречием.)

6. Первичное закрепление во внешней речи.

(Учитель организует работу по упражнениям, позволяющую выработать навыки применения правила; учащиеся проговаривают способ решения проблемы.)

Задание 3. В чём особенность отрицания в предложениях?

Я не мог не видеть его. Не могу не упомянуть. Нельзя не признаться. Не могу не пойти. Ты не мог меня не заметить.

Задание 4. Есть ли в английском языке двойное отрицание? Как правильно?

She doesn't never want to see him again. – She never wants to see him again.

– Переведите предложения.

They **never** visit us. (Неправильно: They don't never visit us.)

Adverb. Они никогда не навещают нас.

I opened the door, but I could see **nobody**. (Неправильно: I couldn't see nobody.) *Pronoun.* Я открыл дверь, но никого не увидел.

I opened the door, but I **couldn't** see **anybody**. (Неправильно: ...but I could see anybody.)

Pronoun. Я открыл дверь, но никого не увидел.

I **haven't** bought **anything**. (Неправильно: I have bought anything.)

Pronoun. Я ничего не купил.

– Переведите предложение. Какую частицу вы использовали при переводе?

He doesn't have a single idea what we're doing.

– Перепишите предложения. Вставьте частицу.

Слушайтесь его во всём, что н... прикажет. Не мог он ямба от хорея, как мы н.. бились, отличить. Кто н.. проедет, всякий похвалит.

(Из произведений А. С. Пушкина)

7. Самостоятельная работа с самопроверкой по эталону.

Задание 5. Рассмотрите таблицу.

Таблица

not	не	ни
Придаёт отрицательное значение предложению или слову	Придаёт отрицательное значение предложению или слову	Усиливает отрицание
	Придаёт положительное значение предложению при двойном отрицании	Усиливает утверждение и придаёт ему обобщающее значение

• Вставьте пропущенное слово. Объясните свой выбор.

I have ____ read that book. He is ____ waiting for you. She ____ come today. You should ____ go there.

• Используйте двойное отрицание. Как изменится смысл предложений?

Я не читал эту книгу. Он не ждет вас. Она не может прийти сегодня.

8. Рефлексия.

Учитель организует фиксацию нового знания в памяти учащихся, анализ учебной деятельности учащимися, оценивание учащимися своей деятельности на уроке.

9. Домашнее задание.

Составить предложения с отрицательными частицами.

А. И. ФЕРАФОНТОВА,
О. А. СПИРЯГИНА,

МБОУ «Средняя общеобразовательная школа № 127»,
г. Казань

**«Знаем русский»
(Интеллектуально-познавательная игра
по русскому языку и литературе)**

Игра состоит из пяти туров. В ней принимают участие три команды, каждая из которых включает три человека, один из которых является капитаном команды. Также их поддерживают болельщики, к которым команды могут обратиться за помощью в случае неопределенности с ответом. Ответы участников оценивают судьи – экспертный совет.

Первый тур

«Поединок капитанов»

В этом туре каждый из капитанов команд отвечает на три вопроса ведущего. Правильный ответ приносит команде возможность воспользоваться помощью болельщиков в следующих трех турах. За каждый правильный ответ команда получает 1 балл.

1-я команда

1. Как пишется слово *пожалуйста*? (О т в е т. *Пожалуйста*.)
2. Назовите приставку в слове *бесшумный*. (О т в е т. Приставка *бес-*.)
3. Какая буква после *ц* пишется в корне слова *цыпленок*? (О т в е т. *л*.)

2-я команда

1. Как пишется слово *здравствуйте*? (О т в е т. *Здравствуйте*.)
2. Назовите приставку в слове *бесплатный*. (О т в е т. Приставка *бес-*.)
3. Какая буква после *ц* пишется в корне слова *циновка*? (О т в е т. *и*.)

3-я команда

1. Как пишется слово *до свидания*? (О т в е т. *До свидания*.)
2. Назовите приставку в слове *беззвучный*. (О т в е т. Приставка *без-*.)
3. Какая буква после *ц* пишется в корне слова *цифра*? (О т в е т. *и*.)

Второй тур

«История русского языка»

В этом туре команды отвечают на вопросы, касающиеся значения и происхождения слов как современных, так и устаревших. Перед тем как отвечать на свой вопрос, команда выбирает степень его сложности. Жёлтый сектор обозначает лёгкий вопрос (4 балла), красный сектор – вопрос средней сложности (5 баллов), синий сектор – сложный вопрос (6 баллов). Команда при имеющейся возможности (в зависимости от исхода первого тура) может обратиться за помощью к своим болельщикам, и при их ответе команде зачисляется максимум 2 балла. Время на обдумывание – 30 секунд. Невыбранные вопросы можно задать зрителям.

1-я команда

Синий сектор (6 баллов)

Объясните происхождение и значение выражения «от аза до ижицы».

(Ответ. От начала до конца; кириллица начинается с буквы аз, а заканчивается – ижицей.)

Красный сектор (5 баллов)

Как в древнерусском языке называлась *щека*?

(Ответ. *Ланита*.)

Жёлтый сектор (4 балла)

Из какого языка пришло слово *география*?

(Ответ. Это слово греческого происхождения, от *geo* 'земля' + *grapho* 'пишу' = 'землеописание'.)

2-я команда

Синий сектор (6 баллов)

Объясните происхождение и значение выражения «ходить фертом».

(Ответ. Важничать, ходить руки в боки, напоминая при этом букву Ф (ферт).)

Красный сектор (5 баллов)

Как в древнерусском языке называлось *туловище*?

(Ответ. *Стан*.)

Жёлтый сектор (4 балла)

Из какого языка пришло слово *физика*?

(Ответ. Это слово греческого происхождения, от *physis* 'природа'.)

3-я команда

Синий сектор (6 баллов)

Объясните происхождение и значение выражения «расставить покоем».

(Ответ. Расставить в форме буквы П (покой).)

Красный сектор (5 баллов)

Как в древнерусском языке называлась левая рука?

(Ответ. *Шуйца*.)

Жёлтый сектор (4 балла)

Из какого языка пришло слово *биология*?

(Ответ. Это слово греческого происхождения, от *bios* 'жизнь' + *logos* 'слово'.)

Третий тур

«Блиц-турнир»

В данном туре каждой команде предстоит в течение 30 секунд ответить на несложные вопросы ведущего из области русского языка и литературы. За каждый правильный ответ команда получает 1 балл.

1-я команда

- Подберите синонимы к слову *актуальный*. (Ответ. *Важный, злободневный, современный*.)

- Выделите основу и окончание в следующих словах: *какао, стемнело*. (Ответ. *Какао* – несклоняемое существительное, а значит, не имеет окончания, состоит из одной основы. *Стемнело* – глагол, изменяется, следовательно, последняя буква, изменяющаяся при изменении формы слова, является окончанием.)

- К какому спряжению относятся глаголы *ходить, вынести*? (Ответ. *Ходить* – II спр., *нести* – I спр.)

- Определите род имен существительных: *манго, маэстро, мозоль*. (Ответ. *Манго* – ср. р., *маэстро* – м. р., *мозоль* – ж. р.)

- Дополните фразеологизмы названиями частей человеческого тела: ...*подать*, ...*повешен*, ...*развесить*. (Ответ. *Рукой, язык, уши*.)

2-я команда

- Подберите синонимы к слову *ажиотаж*. (Ответ. *Возбуждение, волнение*.)

• Выделите основу и окончание в следующих словах: *наголо*, *горло*. (Ответ. *Наголо* – наречие, а значит, не имеет окончания, состоит из одной основы. *Горло* – существительное, изменяется, следовательно, последняя буква, изменяющаяся при изменении формы слова, является окончанием.)

• К какому спряжению относятся глаголы *вытерпеть*, *ехать*? (Ответ. *Вытерпеть* – II спр., *ехать* – I спр.)

• Определите род имен существительных: *шинель*, *тюль*, *кашне*. (Ответ. *Шинель* – ж. р., *тюль* – м. р., *кашне* – ср. р.)

• Дополните фразеологизмы названиями частей человеческого тела: ...*тонка*, ...*чешутся*, *гора с...* . (Ответ. *Кишка*, *руки*, *плеч*.)

3-я команда

• Подберите синоним к слову *адаптация*. (Ответ. *Приспособление*.)

• Выделите основу и окончание в словах *около*, *весело*. (Ответ. *Около* – предлог, *весело* – наречие, а значит, не имеют окончания, состоят из одной основы.)

• К какому спряжению относятся глаголы *вытереть*, *выглядеть*? (Ответ. *Вытереть* – I спр., *выглядеть* – II спр.)

• Определите род имен существительных: *кофе*, *пенсне*, *фамилия*. (Ответ. *Кофе* – м. р., *пенсне* – ср. р., *фамилия* – ж. р.)

• Дополните фразеологизмы названиями частей человеческого тела: *за обе...*, *мозолить...*, *оставить с...* . (Ответ. *Щеки*, *глаза*, *носом*.)

Четвёртый тур

«Язык художественной литературы»

В этом туре команды отвечают на вопросы из области русской литературы. За правильный ответ команда получает 5 баллов.

1-я команда

Назовите произведение и его автора.

Со всей остальной челядью Герасим находился в отношениях не то чтобы приятельских – они его побаивались, а коротких: он считал их за своих. Они с ним объяснялись знаками, и он их понимал, в точности исполнял все приказания, но права свои тоже знал, и уже никто не смел садиться за его место в застолье.

(Ответ. Иван Сергеевич Тургенев. «Муму».)

2-я команда

Назовите произведение и его автора.

Бывало, раньше дома часу не поработает Настенька, чтобы не вспомнился брат, чтобы не захотелось с ним перекликнуться... Да она и о себе самой забыла и помнит только о клюкве, и ей хочется всё больше и больше.

Митраша был моложе сестры на два года. Ему было всего только десять лет с хвостиком. Он был коротенький, но очень плотный, лобастый, затылок широкий. Это был мальчик упрямый и сильный. «Мужичок в мешочке», улыбаясь, называли его между собой учителя в школе.

(Ответ. Михаил Михайлович Пришвин. «Кладовая солнца».)

3-я команда

Назовите произведение и его автора.

Васютка с довольной улыбкой гладил глухаря, любуясь чёрными с голубоватым отливом перьями. Потом взвесил на руке. «Килограммов пять будет. А то и полпуда, – прикинул он и сунул птицу в мешок. – Побегу, а то мамка наподдаст по загривку». Думая о своей удаче, Васютка, счастливый, шёл по лесу, насвистывая, пел, что на ум приходило. Вдруг он спохватился: где же затеси? Пора уж им быть.

(Ответ. Виктор Петрович Астафьев. «Васюткино озеро».)

Пятый тур

«Мастерская слова»

Этот тур является театральным конкурсом. Команды, предварительно отрепетировав, инсценируют басню в жанре трагедии, комедии и драмы. Актёрские работы участников оцениваются жюри по следующим критериям: соответствие жанру, грамотная речь и артистизм. Максимальный балл – 6 (по 2 за соответствие каждому критерию).

1-я команда

Инсценировать басню И. А. Крылова «Стрекоза и муравей» в жанре комедии.

2-я команда

Инсценировать басню И. А. Крылова «Стрекоза и муравей» в жанре трагедии.

3-я команда

Инсценировать басню И. А. Крылова «Стрекоза и муравей» в жанре драмы.

Награждение

Призовые места среди команд распределяются по количеству набранных ими баллов. При одинаковом количестве баллов двух лидирующих команд обе становятся победителями, а при одинаковом количестве баллов двух отстающих от лидера команд обе занимают 2-е место. В случае абсолютной ничьей все команды становятся победителями. Команды награждаются дипломами.

А. А. НУШТАЕВА
Москва

Познавательная игра «Лингвистическое ассорти» для VI–VII классов

Ц е л ь: через игру повторить и углубить знания учащихся по русскому языку.

З а д а ч и:

– совершенствование способности применять приобретенные знания, умения и навыки в процессе речевого общения в учебной деятельности и повседневной жизни;

– развитие интереса школьников к русскому языку;

– воспитание уважения и любви к родному языку.

Х о д и г р ы

Вступительное слово учителя.

Дорогие друзья! Мы рады приветствовать вас на игре «Лингвистическое ассорти». Вам знакомо слово *ассорти*? Что оно обозначает? (Ответы ребят.) Действительно, *ассорти*, согласно толковому словарю С. И. Ожегова, – специально подобранная смесь чего-нибудь, набор. Мы предлагаем вам задания из разных разделов языка, чтобы вы смогли проверить свои знания или углубить их.

Во время игры вы посетите «Языковые остановки» и выполните задания. Передвигаться вы будете с помощью маршрутного листа. (Приложение1.) На остановке вы будете находиться 6 минут, постарайтесь выполнить все задания. Мы уверены, у вас всё получится! В добрый час!

Языковая остановка «Шифровальщики»

Друзья! Перед вами зашифрованное высказывание Александра Петровича Сумарокова (1717–1777) – русского поэта, драматурга и литературного критика. Одного из крупнейших представителей русской литературы XVIII века. Попробуйте его расшифровать. Желаем удачи!

ХРЯЗЫКУОНАШТЖСЛАДОКЁУЧИСТЭФИЧЕПЫШЕНВЯИЩУБОГАТГ.

Модель ответа: Язык наш сладок, чист, и пышен, и богат.

Языковая остановка «Части речи»

Друзья! В филворде спрятаны названия некоторых частей речи. Найдите их, выпишите, укажите «лишнюю» часть речи. Объясните свой выбор. У вас всё получится!

М	Г	Л	А	Г	О	Л	Ч
Е	Е	С	Т	В	С	С	И
С	И	Е	Т	И	О	Л	И
Т	Е	Щ	Е	Е	Ю	Е	Т
О	Е	У	Л	О	З	Л	Ь
И	М	С	Ь	Н	Е	О	Н

Модель ответа: местоимение, глагол, существительное, союз, числительное. «Лишняя» часть речи – союз, он относится к служебным частям речи, а все остальные – самостоятельные (знаменательные) части речи.

Языковая остановка «Тайна чёрного ящика»

Друзья! По лексическому значению определите термины. Запишите их. Используя первую букву каждого термина, составьте ключевое слово. Ни пуха ни пера!

1. Звук или сочетание звуков, произносимые одним толчком выдыхаемого воздуха.
2. Наука о языке как средстве человеческого общения, языкознание.
3. Написание в слове, соответствующее определённому орфографическому правилу.
4. Заимствованное слово или выражение, не полностью освоенное языком и воспринимаемое как чужое.
5. Стилистическая фигура, основанная на резком противопоставлении понятий, образов, производимом для усиления выразительности.
6. Тип речи, представляющий собой разъяснение, подтверждение или доказательство какой-либо мысли.
7. Совокупность средств организации устной речи.

Модель ответа: 1) слог; 2) лингвистика; 3) орфограмма; 4) варваризм; 5) антитеза; 6) рассуждение; 7) интонация.

Ключевое слово: словари.

Языковая остановка «В гостях у словарей»

Друзья! Всем известно, что словари – наши помощники. А знаете ли вы словари и их составителей? Попробуйте составить лингвистические тройки: лексикограф – краткая биографическая справка о нём – словарь. Вы всё сможете!

Владимир Иванович Даль (1801–1872)	Ксения Петровна Гемп (1894–1998)	Сергей Иванович Ожегов (1900–1964)
--	--	--

1) Российский учёный – географ, гидрограф, историк, палеограф, этнограф. Автор публикаций по исследованию, разведению и использованию морских водорослей. Собиратель и издатель письменных и устных памятников истории и культуры Поморья. Почётный член Географического общества СССР, Ломоносовского фонда, Всесоюзного Пушкинского общества.

2) Лингвист, лексикограф, доктор филологических наук, профессор. Автор выдержавшего множество изданий словаря.

3) Русский писатель, этнограф и лексикограф, собиратель фольклора, военный врач. Наибольшую славу принёс ему непревзойдённый по объёму словарь, на составление которого ушло 53 года.

А) «Толковый словарь живого великорусского языка».

- Б) «Словарь русского языка».
В) «Словарь поморских речений».

Модель ответа:

Владимир Иванович Даль (1801–1872) 3 А.

Ксения Петровна Гемп (1894–1998) 1 В.

Сергей Иванович Ожегов (1900–1964) 2 Б.

Языковая остановка «Собери словечко»

Друзья! Все мы знаем, что слово – основная единица языка. Слова состоят из морфем. Внимательно прочитайте задание и соберите слова. Укажите, каким способом образованы получившиеся слова. Удачи!

- 1) Корень – как в слове *грибной*.
Суффикс – как в слове *дворник*.
Окончание – как в слове *заколки*.
- 2) Корень – как в слове *окаменеть*.
Суффикс – как в слове *слёзный*.
Окончание – как в слове *розовое*.
- 3) Корень – как в слове *обогатиться*.
Суффикс – как в слове *мудрейшая*.
Окончание – как в слове *синий*.

Модель ответа: 1) грибники; 2) каменное; 3) богатейший.

Все слова образованы суффиксальным способом.

Приложение

Маршрутный лист

«Тайна чёрного ящика» каб. 10	«В гостях у словарей» каб. 11	«Собери словечко» каб. 12	«Части речи» каб. 13	«Шифровальщики» каб. 14

Г. В. ДЕНИСОВА,
МБОУ «Сосновская СШ № 1» Пинежского района,
Архангельская обл.

Поэтимы

(Поэтические загадки по этимологии)

(Продолжение.)

- 102.** С приставкой 'пре-' я управитель,
с приставкой 'ре-' я мирный житель
или же сеть шпионов сплёл,
а с *дис-* я в веру внёс раскол.

Ответ:

Президент – через немецкий от лат. со значением 'председательствующий' (Этимологический словарь современного русского языка / сост. А. К. Шапошников: в 2 т. – М., 2010. – Т. 2. – С. 204), *резидент* 'постоянно живущий (сидящий) в данном месте: либо местный житель, либо агент', *диссидент* 'отсевший, в знак протеста, чтобы продемонстрировать своё отличное мнение на религиозном собрании'. Все три от глагола *sidere* 'сидеть'.

103. Один брат в ресторане,
Другой на поле брани,
А их старинный корень
Ещё звучит в 'конторе'.

О т в е т:

Официант 'работник, обслуживающий посетителей в ресторанах, кафе и барах, букв. служащий', во 2-й половине XVIII в. из немецкого (*Offiziant*), где является переосмыслением значения сред.-лат. 'церковный служака', прич. по глаг. *officiare* 'прислуживать в церкви' (Этимологический словарь современного русского языка / сост. А. К. Шапошников: в 2 т. – М., 2010. – Т. 2. – С. 98); *офицер* '(военно)служащий' – «из нем. *Offizier* (с XVI в.), восходящего при ст.-франц. посредстве (*officier* – с XIV в.) к сред.-лат. *officiarius* 'исполняющий обязанности, несущий службу; официальное (должностное) лицо', производному с суф. *-arius* от основы лат. *officium* 'одоление, должность, обязанность' (Там же); к последнему восходит и английское *office* 'место службы (изначально религиозной)' (Online Etymology Dictionary. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.etymonline.com>), откуда новое название учреждения, ранее именовавшегося конторой, *офис*.

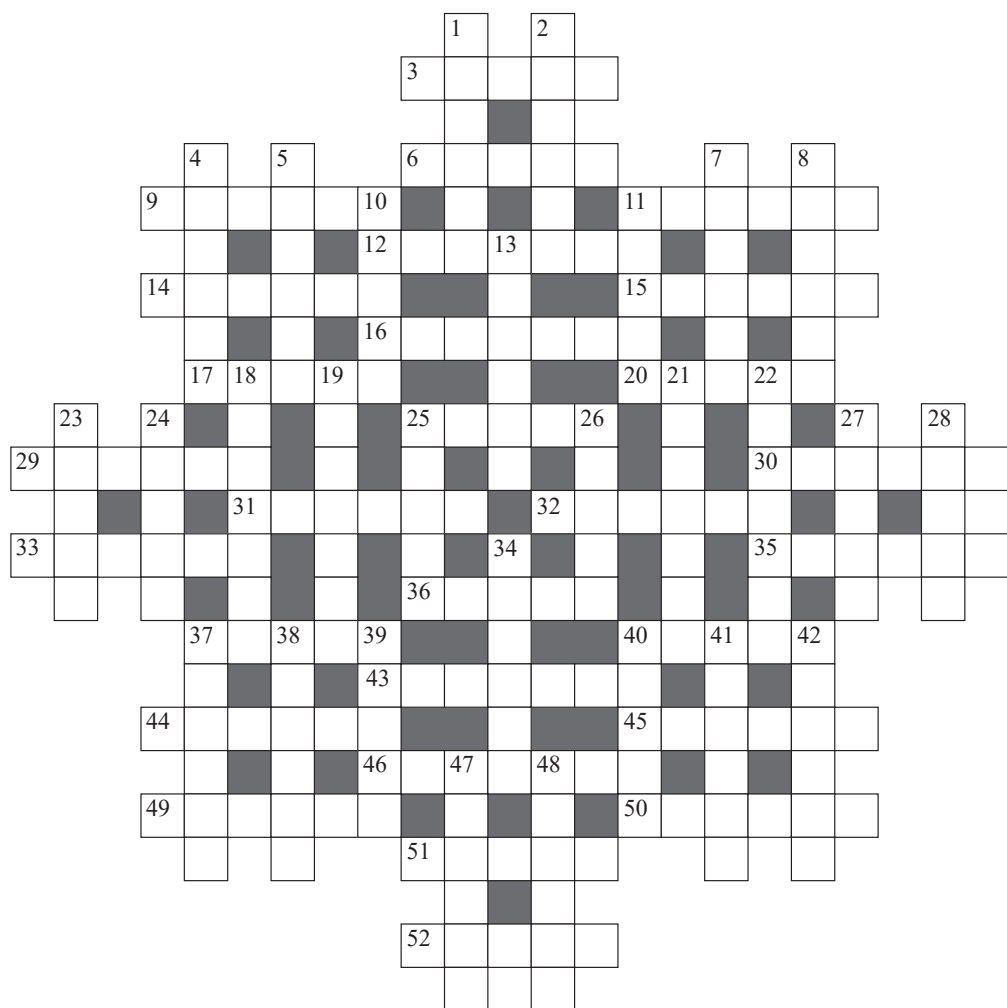
104. Пусть пишет пастор пасторали,
Так не за то его назвали.
Не каждый пейзажист пейзаин,
Не всякий странник так уж странен.

О т в е т:

Пастор – от лат. *pastor* 'пастух', перен. 'священник, пастырь', связано с *пастырь* 'то же' (Этимологический словарь современного русского языка / сост. А. К. Шапошников: в 2 т. – М., 2010. – Т. 2. – С. 114); откуда и *пастораль* 'произведение (в европейской литературе XIV–XVIII вв.), идиллически изображающее жизнь пастухов и пастушек на лоне природы', ср. *буколика*; *пейзаж* 'изображение природы, растительности', «из франц. *payage* 'местность с растительностью', ... от основы *pay-*, восходящей к позд.-лат. *pagensis* 'сельский, житель сельской местности', производному от лат. *pagus* 'деревня, село' (Там же. – Т. 2. – С. 117); кстати, отсюда же *паганизм* 'язычество' как религия, запоздало сохранявшаяся в сельской местности; *пейзанин* 'крестьянин, селянин' – русское производное от франц. *payan* 'то же'; *странник* 'человек, странствующий пешком, обычно на богомолье', от *странный* в значении 'пришедший из чужой страны', но у этого прилагательного стало преобладать значение 'необычный, непонятный, вызывающий недоумение', «не без влияния итал. *estragno*» 'чужой' (Там же. – Т. 2. – С. 385).

В. В. ШАПОВАЛ
Москва

Кроссворд

По горизонтали. **3.** Титул феодального верховного правителя мусульман. **6.** Жилище монаха, монахини в монастыре. **9.** Посёлок в Московской области. **11.** Имя спартанского царя. **12.** Южное дерево сем. розоцветных, с розовыми цветками и плодами в виде орехов овальной формы. **14.** Одежда нищих, блаженных, юродивых. **15.** Государство в Западной Африке. **16.** Режиссёр фильма «Подранки». **17.** Имя лисы в сказке «Золотой ключик, или Приключения Буратино» А. Н. Толстого. **20.** Луг. **25.** Стая птиц, летящих углом. **29.** В Древнем Риме: крупная войсковая единица. **30.** Узкое водное пространство, разъединяющее участки суши и соединяющее водоёмы. **31.** Материал, получаемый при остывании сплава кварцевого песка с некоторыми другими веществами. **32.** В греческой мифологии: живущая в море полуженщина-полуптица с волшебным голосом, которым она привлекает моряков в гибельные места. **33.** Озеро в Ленинградской области. **35.** Мужское имя древнегреческого происхождения (др.-греч. τρυφών – букв. «нежный»). **36.** Всё тщетное, пустое, не имеющее

истинной ценности. **37.** Рыхлая осадочная горная порода, состоящая из крупинок твёрдых минералов. **38.** Название фильма Э. Рязанова. **43.** Быстро, оживлённо. **44.** Созвездие. **45.** Литовский Бабий Яр. **46.** Город в Польше. **49.** Вереница. **50.** Русское слово, вытесненное словом *металл*. **51.** Слуга на псарне, ухаживающий за собаками и участвующий в охоте. **52.** Торчащий клочок волос или перьев (на голове).

По вертикали. **1.** Большое многопалубное парусное судно XVI–XVIII вв. **2.** Героиня оперетты И. Кальмана «Королева чардаша». **4.** Будка для собаки. **5.** Женский купальный костюм. **7.** Имя французской певицы – музы И. С. Тургенева. **8.** Один из самых известных мемуаристов, друг А. С. Пушкина. **10.** Название последней буквы греческого алфавита. **11.** Название рассказа из «Записок охотника» И. С. Тургенева и название города в Курской области. **13.** Шерстяная или шёлковая трикотажная ткань. **18.** Знаменитая династия художников. **19.** Приморский город на Амальфитанском побережье. **21.** Устройство для присоединения электроприборов к сети. **22.** Небольшая лопата. **23.** Растение с острыми и жгучими на вкус плодами. **24.** Цепкая, вьющаяся часть растения. **25.** Соцветие большинства злаков. **26.** Произведение печати в виде сброшюрованных, переплетённых вместе листов с каким-либо текстом. **27.** Художник, автор известного портрета Г. К. Жукова. **28.** Широкая, ниспадающая мягкими складками одежда древних греков. **34.** Национальный поэт Венгрии. **37.** Герой древнегреческой мифологии, сын Зевса и Данаи. **38.** Самый большой и самый старый город Австралии. **39.** Основа чего-либо. **40.** Украинский народный танец. **41.** Крупнейший город Мьянмы. **42.** Герой комедии Мольера «Мещанин во дворянстве». **47.** Автор «Левши». **48.** Озеро в Косино-Ухтомском районе Москвы.

ОТБЕЛ Кроссворд (2021. – № 1)

По горизонтали. **5.** Разлив. **6.** Шанхай. **9.** Капрон. **11.** Парник. **13.** Бирон. **14.** Лоток. **16.** Капуч. **17.** Эгина. **18.** Лабаз. **20.** Секта. **21.** Синица. **22.** Сервиз. **23.** Водопад. **27.** Сампо. **29.** Жуков. **32.** Лириона. **33.** Бревно. **34.** Вигель. **35.** Глафира. **36.** Клайд. **38.** Хорда. **41.** Атакама. **46.** Кармен. **48.** Жёлтое. **49.** Колба. **51.** Нарды. **52.** Демон. **54.** Пирог. **56.** Румба. **57.** Ширин. **58.** Козлов. **59.** Бурлак. **60.** Вотрен. **61.** Жухрай.

По вертикали. **1.** Замбия. **2.** Ливан. **3.** Парик. **4.** Картуз. **7.** Полина. **8.** Барбос. **9.** «Кортик». **10.** Стекло. **12.** Карниз. **14.** Лассо. **15.** «Клаша». **17.** Эгид. **19.** Зерно. **23.** Вологда. **24.** Держава. **25.** Плотины. **26.** Джаваха. **27.** Сурик. **28.** Мавра. **30.** Кагор. **31.** Вилла. **37.** Лимон. **39.** Делон. **40.** Барток. **42.** Такыр. **43.** Колыма. **44.** Млада. **45.** Зонтик. **47.** Наркоз. **48.** Жемчуг. **50.** Циклон. **53.** Витраж. **55.** Гоген. **57.** Шалун.

Русский язык в школе и дома. 2021. № 2. 1–24

Редакция:

Т. А. Боброва, А. Е. Куманьева (главный редактор)

Компьютерная вёрстка – К. В. Морозов

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № 77–7793 от 16 апреля 2001 г.

Редакция журнала «Русский язык в школе и дома»

Адрес редакции: 109544, Москва, ул. Большая Андроньевская, д. 17

Телефон/факс: 8 (495) 671–09–85. E-mail: admin@riash.ru

<http://www.riash.ru/>

© ООО «Наш язык». 2021

Если изучается внутреннее самодвижение поэзии, то надо найти нечто общее в организации поэтического произведения и это общее изучать: как оно меняется. Есть ли такое общее, какой-то общий принцип, который и будет предметом нашего внимания? Ну, вот Евгений Дмитриевич Поливанов написал статью – она относится к последним годам его творчества – «Общий фонетический принцип всякой поэтической техники»; она опубликована в журнале «Вопросы языкознания» в 1963 году в номере первом. Общий принцип всякой поэтической техники. Статья эта необыкновенно смелая. Хорошо, что этот шаг сделан, потому что на него трудно решиться. Поливанов сказал: в основе всякой поэтической техники лежит повтор. Почему смело? А потому что это грубо, это резко, это бесцеремонно, я бы сказал, это нагло сказано. Мы ожидаем, что поэзия, которая достигает действительно высот человеческого духа, – это нечто удивительно тонкое, сложное, и какой-то, значит, будет предложен принцип, раскрывающий эту тонкость, – и вдруг с такой грубостью выдвигается принцип: в основе поэтического текста лежит повтор. Но это и хорошо. Начинать надо с примитивного, а потом этот принцип уточнять и утончать. Хорошо, что Поливанов не побоялся этой грубости. Герцен, по-моему, очень хорошо сказал (особенно это важно для гуманитарных наук, которые часто не допускают практическую проверку): «Справедливость идеи доказывается тем, что она развивается». Я думаю, что справедливость многих идей Поливанова доказывается тем, что эти идеи развиваются. В частности, эта идея допускает определенное развитие. Ну первое, что можно сказать, – то, что это слишком широкое определение: «в основе всякой поэтической техники» – значит, в основе всякого текста поэтического – лежит повтор. Но ведь повтор лежит в основе всякого текста! <...> Я бы сузил так: в основе всякого поэтического текста лежит повтор отношения. Вот это уже меняет дело. Если повтор просто ударных слогов и неударных слогов как единиц определенных свойствен любому тексту, то повтор отношения безударного слога к ударному... значит, что относится: если безударный слог – это А, ударный слог – это Б, то отношение А к Б, ну, скажем, в строке с четырехстопным ямбом повторяется четырежды. Здесь не просто повторяется ударность или безударность, в хаотическом беспорядке следующие друг за другом, а здесь повторяются отношения. Вот можно представить: А – это безударный слог, Б – ударный слог, это четырехстопный ямб, состоящий из четырех стоп, который повторяет организацию именно такую: безударность относится к ударности. Ну, я думаю, что не стоит подробно говорить о том, что вся звуковая организация стиха этому принципу подчиняется. Все, что вы ни возьмете, – строфическую организацию (членение текста на строфы, строфоиды), рифменную организацию, организацию с помощью звуковых повторов внутри строк, – все это можно рассматривать как разные типы повтора отношений. <...>

То, что я назвал повтором отношений, можно, исходя из обычного бытового языка, назвать было бы ритмом. На самом деле: какой это ритм? – Это ямб, а я только что сказал, что ямб как раз и задается повтором отношений. Слово «ритм» используют очень широко в бытовой речи. Ну, скажем, пульс может быть ритмичным и неритмичным: если удар крови и отток крови все время равномерно сменяют друг друга – вот ритмический пульс, это тоже повтор отношения. Повтор какого отношения? Удар кровяной струи и отток кровяной струи. День и ночь сменяются ритмически: то темно, то светло, то темно, то светло. Ритмически поднимаются волны идейные и снижают, то есть, иначе говоря, и в естественных стихиях, в природе есть то, что можно назвать ритмом и что можно найти в стихе, потому что ритм обычно употребляется в смысле повтора отношения. Но вот я не хочу употреблять термин «ритм», мне он совершенно здесь не нужен. Почему? Потому что как раз я хочу отделить такие ритмы, такие повторы отношений, которые свойственны поэзии, от всех природных. Ритмический пульс – это не произведение поэзии, поэтому называть одним словом и биение пульса, и то, что я нахожу в поэтическом произведении, – мне это неудобно. Чем же отличается поэтическое произведение от природных ритмов? А тем, что каждая единица свободно избирается. Когда мы имеем дело с пульсом, мы никогда не раздумываем: а вот сейчас что сделать – ударить сердцем так, чтобы струя дала пульс, или не ударять? Мы никогда не избираем: а вот что должно начаться через 12 часов – день или ночь? Это дано как нечто неизбираемое, это естественная закономерность. В поэтическом творчестве всегда важна именно вот возможность избрать. Итак, нужно особое слово для такого ритма, при котором каждая единица избирается свободно. Ну, такое слово я уже давно избрал, тот курс, который я сейчас читаю, он, в конце концов, является третьей частью, потому что когда-то довольно давно уже я читал курс истории языка русской поэзии XVIII века, потом истории языка русской поэзии XIX века, и в этих курсах уже был введен термин. Термин должен быть бессмысленный, но по своему фонетическому строению мне важно, чтобы он немножко напоминал слова «метр» и «ритм». Ну вот было избрано такое бессмысленное звуко сочетание кнотр, которым я называю такой повтор отношения, при котором каждая единица – каждое А, каждое Б – свободно избирается в процессе творчества. Значит, в основе поэтического текста лежит кнотр. Задача – изучить самодвижение этого кнотра. Кнотр, как я уже сказал несколько минут тому назад, может быть либо кнотр тождества, либо кнотр контраста.

(Язык русской поэзии XVIII–XX веков: курс лекций / М. В. Панов; Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН. М.: Издательский дом ЯСК, 2017. С. 12, 14)

